

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ISSN: 2313-6138

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

2025
ТОМ 12
№ 1
январь-март

ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025

1

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

**ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 12 Номер 1 Январь-Март
2025

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

BULLETIN

**OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY**

Volume 12 Issue 1 January-March
2025

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025 Том 12 Номер 1 Январь-Март

Учредитель: **Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный университет»**

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции, издателя: 344002, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, к. 321

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfnu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfnu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-83319 от 19.05.2022). Периодичность выхода: 1 раз в квартал
ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014) Подписной индекс Е33060

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А. И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е. В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е. Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Конопий А. С.*, кандидат юридических наук

Артеменко Н. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л. И., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета

Зиновьев И. П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Колесников Ю. А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права

юридического факультета Южного федерального университета

Ляхов Ю. А., доктор юридических наук, профессор

Малина М. А., кандидат юридических наук, доцент

Овсепян Ж. И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного) права юридического факультета Южного федерального университета

Селиванова Е. С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права

юридического факультета Южного федерального университета

Смагина Е. С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического факультета Южного федерального университета

Степанов К. В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С. С., доктор юридических наук, профессор

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П. П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н. С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации в отставке

Бирюков П. Н., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права

Воронежского государственного университета

Васильев А. А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А. М., доктор юридических наук

Вукан Славковић, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики, Колледж криминалистики и безопасности в Сербии (город Ниш)

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д. А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Южного федерального университета

Левушкин А. Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е. Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н. В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А. Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, заведующий лабораторией политико-правовых исследований, факультет политологии, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Небратенко Г. Г., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права

Академии управления МВД России

Оганесян В. А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета, зам. председателя Конституционного Суда Армении

Ристов А., профессор, доктор права, доцент юридического факультета Iustinianus Primus

Университета Св. Кирилла и Мефодия в Скопье, Республика Северная Македония

Зражевская Т. Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О. Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский университет (Республика Польша)

Цыбуленко З. И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д. Ю., доктор юридических наук, профессор

Шатковская Т. В., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства ЮРИУ РАНХиГС

Яценко Т. С., доктор юридических наук, профессор, руководитель департамента частного права,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Yoruanys Suñez Tejera, доктор юридических наук, профессор Университета Сьенфуэгос «Карлос Рафаэль Родригес»

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2025 Volume 12 Issue 1 January-March

Established by: Southern Federal University

(a Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russian Federation
Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, office 321, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344002, Russian Federation
phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@srfedu.ru; website: <http://urvestnikpravo.srfedu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-83319 dated 19.05.2022)

Publication frequency: 1 time per quarter. ISSN 2313-6138 / DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014) Subscription Index E33060

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A. I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E. V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E. Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Konopiy A. S.*, PhD in Law

Artemenko, N. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L. I., Doctor of Law, Professor, Professor at the Department of International Law
Law Faculty, Southern Federal University

Zinoviev, I. P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Kolesnikov, Yu. A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Lyakhov, Yu. A., Doctor of Law, Professor

Malina, M. A., PhD in Law, Associate Professor

Hovsepian, Zh. I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law, Law Faculty, Southern Federal University

Selivanova, E. S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law, Law Faculty, Southern Federal University

Smagina, E. S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K. V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department
of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S. S., Doctor of Law, Professor

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V. M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P. P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the RANEPA

Bondar, N. S., Doctor of Law, Retired Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Biryukov, P. N., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of International and Eurasian Law
of Voronezh State University

Vasilyev, A. A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A. M., Doctor of Law

Vukan Sl., Doctor of Law, Professor, Professor, Department of the criminal law, criminal procedure and criminalistics,
College of criminalistics and security in Serbia (City of Nish)

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D. A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Faculty of Law, Southern Federal University

Levushkin, A. N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E. G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N. V., Doctor of Law, Professor, RANEPA

Mamychev, A. Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Laboratory for Political and Legal Studies,
Department of Political Science, M. V. Lomonosov Moscow State University

Nebratenko G. G., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History of State and Law,
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Oganesyan, V. A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University,
Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Ristov, A., Professor, Doctor of Law, Associate Professor, Justinianus Primus Faculty of Law,
Ss. Cyril and Methodius University in Skopje, Republic of North Macedonia

Zrazhevskaya, T. D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O. N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk
Turlukovskiy, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law
and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z. I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D. Yu., Doctor of Law, Professor

Shatkovskaya T. V., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law
and State at the Law Institute of RANEPA

Yatsenko, T. S., Doctor of Law, Professor, Head of the Private Law Department,
National Research University Higher School of Economics

Yoruanys Suñez Tejera, Doctor of Law, Professor at the Carlos Rafael Rodríguez University of Cienfuegos

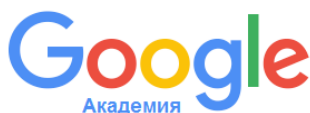
Журнал включен Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора юридических наук

Национальная библиографическая база данных научного цитирования, аккумулирующая более 9 миллионов публикаций российских авторов, а также информацию о цитировании этих публикаций из более 6000 российских журналов. Штаб-квартира – Россия

Международная база данных, содержащая библиографическую информацию о научных журналах в области гуманитарных и социальных наук. Штаб-квартира – Норвегия

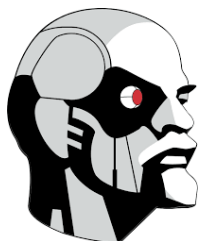
Поисковая система по полным текстам научных публикаций, вобравшая в себя данные из большинства рецензируемых онлайн-журналов, выпускаемых основными научными издательствами Европы и Америки. Штаб-квартира – США

Международный мультидисциплинарный каталог журналов открытого доступа. Содержит более 10 000 названий научных журналов и метаданные статей этих журналов. Штаб-квартира – Великобритания

Крупнейшая в мире библиографическая база данных, насчитывающая свыше 240 млн записей о всех видах произведений на 470 языках мира. Штаб-квартира – США

КиберЛенинка – российская научная электронная библиотека открытого доступа, основными задачами которой является популяризация науки и научной деятельности, а также общественный контроль качества научных публикаций. Насчитывает более 1 млн статей. Штаб-квартира – Россия

Справочно-правовая система по законодательству Российской Федерации, первая массовая коммерческая справочно-правовая система в России (выпускается с 1990 года). Распространяется через дилерскую сеть из более чем 250 компаний в России и СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

АДЫГЕЗАЛОВА Г. Э. Нравы, закон и правосознание.....	9
АПОСТОЛОВА Н. Н. Принятие юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта.....	13
ИВАНЧЕНКО С. В., КОХАНЕЦ Л. А. Традиционные православные ценности и их влияние на современное российское право.....	18
ОВЧИННИКОВ А. И., ДЮЖИКОВ С. А., КАЗАЧАНСКАЯ Е. А. Правосознание и духовно-нравственные вызовы современного общества: консервативный взгляд на возможности преодоления ценностного релятивизма.....	25

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ЛОБАНОВ С. А., НАЗАРОВА А. У., НАЙДЕНОВ А. А. Правовое обеспечение энергетической безопасности России в условиях энергоперехода и ограничительных мер недружественных государств.....	32
ТОЛОЧКО О. Н. Правовые проблемы развития и использования атомной энергетики в контексте мирового энергетического перехода	40

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ЖИРИКОВА К. А., ЛОГАЧЕВ М. А. Категория «предмет роскоши» в спорах о разделе совместной собственности супругов.....	47
ЗИНОВЬЕВ И. П., ТИХОНОВ В. В. К вопросу о судьбе залога при обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции	52
ФЕДОРОВА И. В., СТАНИСЛАВОВ П. Д. Правовые аспекты защиты пользователей нейротехнологий	58
ХРАПУНОВА Е. А., ШИКИНА О. В. Проблема соблюдения баланса интересов сторон в отношениях потребительского займа	64

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

АРТЕМЕНКО Н. В., ШИМБАРЕВА Н. Г.

Принудительные работы как альтернатива условному осуждению 71

САЯДЯН С. Г.

Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией:
постановление Пленума Верховного Суда РФ новое, вопросы старые..... 81

СЕМЕНЧУК В. В.

Приостановление операций по счетам как способ обеспечения решения задачи
оперативно-розыскной деятельности, связанной с пресечением преступлений..... 87*Трибуна молодого ученого*

КОЗЛОВА А. А.

Роль права в защите традиционных духовно-нравственных ценностей
российского общества в условиях его цифровизации 94

ЛИПИЧ Д. В.

«Право как условие возможности нравственности»:
размышления Б. П. Вышеславцева над философией права Фихте 100

МИКУЛЕНКО Ф. А.

Собственность как ценность
в традиции классической философии права (XVII–XIX вв.)..... 106

ШИРИНСКИХ П. И.

Право на бесцифровую среду как условие и основной принцип
развития метавселенных..... 113*Конференции, круглые столы, семинары*

ДЖАГАРЯН Н. В., ПОЛОМОШНОВА К. О.

Муниципальный конституционализм:
законодательство, правоприменение, судебные гарантии 121

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2025 Volume 12 Issue 1 January-March

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

ADYGEZALOVA, Gyulnaz E. Morals, Law and Legal Consciousness	9
APOSTOLOVA, Natalya N. Making Legally Significant Decisions Using Artificial Intelligence.....	13
IVANCHENKO, Svetlana V., and KOHANETS, Lyudmila A. Traditional Orthodox Values and Their Influence on Modern Russian Law	18
OVCHINNIKOV, Alexey I., DYUZHNIKOV, Sergey A., and KAZACHANSKAYA, Elena A. Legal Consciousness and Spiritual and Moral Challenges of Modern Society: a Conservative View on the Possibilities of Overcoming Value Relativism	25

INTERNATIONAL LAW

LOBANOV, Sergey A., NAZAROVA, Aziza U., and NAYDENOV, Andrey A. Legal Regulation of Russia's Energy Security in the Context of Energy Transition and Restrictive Measures of Unfriendly States	32
TOLOCHKO, Olga N. Legal Issues of Development and Use of Nuclear Energy in the Context of the Global Energy Transition	40

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

ZHIRIKOVA, Ksenia A., and LOGACHEV, Mikhail A. The Category of «Luxury Item» in Disputes on the Division of Joint Property of Spouses.....	47
ZINOVIEV, Igor P., and TIKHONOV, Vladimir V. On the Issue of the Fate of Collateral When Applying to the State Income of Property Obtained as a Result of Violations of Anti-Corruption Legislation.....	52
FEDOROVA, Inna V., and STANISLAVOV, Pavel D. Legal Aspects of Protection of Users of Neurotechnologies.....	58
KHRAPUNOVA, Ekaterina A., and SHIKINA, Olga V. The Issue of Balancing the Interests of the Parties in Consumer Loan Relations	64

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- ARTEMENKO, Natalia V., and SHIMBAREVA, Nina G.
Compulsory Labor as An alternative to Suspend Sentence..... 71
- SAYADYAN, Susanna G.
Deferral of Punishment for Individuals Suffering from Drug Addiction:
the Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation is New,
but the Issues are Old..... 81
- SEMENCHUK, Vasilii V.
Suspension of Transactions on Accounts as a Way to Solve the Task
of Operative-Investigative Activity Related to the Suppression of Crimes..... 87

PLATFORM FOR YOUNG SCIENTISTS

- KOZLOVA, Anastasia A.
The Role of Law in the Protection of Traditional Spiritual and Moral Values
of Russian Society in the Context of its Digitalization 94
- LIPICH, Dmitry V.
“Law as a Condition for the Possibility of Morality”:
B. P. Vysheslavtsev’s Reflections on Fichte’s Philosophy of Law 100
- MIKULENKO, Fyodor A.
Property as a Value in the Tradition of Classical Philosophy of Law (XVII–XIX Centuries) 106
- SHIRINSKIKH, Polina I.
The Right to a Digital-Free Environment as a Condition and Basic Principle
of the Development of Metaverses 113

CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS

- DZHAGARYAN, Natalya V., and POLOMOSHNOVA, Karina O.
Municipal Constitutionalism: Legislation, Law Enforcement, Judicial Guarantees 121

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.1

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-1

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права,
ФГБОУ ВО «Кубанский
государственный университет»,
350040, г. Краснодар,
ул. Ставропольская, д. 149,
email: gyulnaz_2000@mail.ru

Adygezalova, Gyulnaz E.,
Doctor of Law, Associate Professor
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Kuban State University,
149 Stavropolskaya Str., Krasnodar,
350040, Russian Federation
email: gyulnaz_2000@mail.ru

ПРАВЫ, ЗАКОН И ПРАВОСОЗНАНИЕ

MORALS, LAW AND LEGAL CONSCIOUSNESS

АННОТАЦИЯ. В статье раскрывается один из аспектов проблемы соотношения права и морали, отражающийся на правовом сознании. Отношение человека к закону напрямую связано с нравами (мораль и обычаи), господствующими в обществе. Исследование правосознания требует понимания двух принципов, непосредственно влияющих на него: 1) принципа неотделимости нравственности от закона, 2) принципа различия закона и морали. Счастье народа зависит от следующих факторов: 1) от его нравственного уровня и нравственного единства, 2) от экономического благосостояния, 3) от действия законов, основанных на нравственном единстве народа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правовое регулирование, мононорма, правовая система, мораль, обычай, правовые отношения

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Адыгезалова, Г. Э. Нравы, закон и правосознание / Г. Э. Адыгезалова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 9–12. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-1

ABSTRACT. The article reveals one of the aspects of the problem of the relationship between law and morality, reflected in legal consciousness. A person's attitude to the law is directly related to the mores (morality and customs) prevailing in society. The study of legal consciousness requires an understanding of two principles that directly influence it: 1) the principle of the inseparability of morality from the law, 2) the principle of the difference between law and morality. The happiness of the people depends on the following factors: 1) its moral level and moral unity, 2) economic well-being, 3) the effect of laws based on the moral unity of the people.

KEYWORDS: legal regulation, mononorm, legal system, morality, custom, legal relations

FOR CITATION:

Adygezalova, G. E. (2025) Morals, Law and Legal Consciousness. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(1): 9-12 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-1

Жизнь в социуме заставляет человека создавать правила, которым необходимо следовать для обеспечения существования общности и поддержания индивидуального интереса в безопасности и продолжении рода. Изначально человек относится к этим правилам как к необходимости, соглашаясь им подчиняться.

В основе следования нормам лежит согласие на подчинение, детерминированное рационализмом и прагматизмом. И даже те члены общества, которые не признают этого, глубоко в подсознании принимают идею о правилах, которым необходимо следовать не только для поддержания внутреннего контроля внешним, но и для обеспечения жизнеспособности человечества, для его выживания. Жизненно необходимая потребность человека в социуме не вызывает сомнений [4, с. 19–20].

По мере усложнения общества, изменения окружающего мира, расширения социального взаимодействия правила поведения требуют пересмотра, изменения. Это происходит разными способами: путем создания новых конструкций и институтов, обусловленных объективно складывающимися отношениями, с поддержанием уважения к старым нормам, путем насильственного изменения системы норм, путем формирования новых норм из складывающейся и поддерживаемой обществом практики, путем насаждения новых норм сверху теми, у кого есть властные полномочия.

Право стало системной нормой, тесно связанной с государством, с возможностью применения государственного принуждения и поощрения в рамках новой политической организации общества. Но отношение к праву имеет ту же основу, что и отношение к любым иным нормам: нормам морали, обычая, религии и др. Так как общество, создавшее государство и существующее в его границах, создает все большее число социальных институтов, отношение к праву также становится сложным, противоречивым, требующим исследования для предотвращения социальных взрывов.

Отношение к праву тесно связано с эффективностью работы государства как социального института, с наличием здоровой связи между обществом и государством, с уровнем доверия общества государству.

В юридической литературе продолжают вечные споры о том, что же понимать под правом. Мы не станем рассуждать о правосознании как об отношении индивида, социальной группы, общества к праву, чтобы не погрузиться в дискуссию о том, что же такое право. Обратимся к обсуждению более узкого вопроса – отношения к закону.

В ближайшем будущем сложно представить себе существование общества вне государства, как структуры, поддерживающей порядок и безопасность. Невозможно представить существование в рамках свободной кооперации большого числа людей со своим набором достоинств и недостатков, психологических особенностей, набором чувств и эмоций, физическими характеристиками, которые также влияют на социально-психологические черты и проявления.

Человек – не машина, потому он, его мышление и поведение останутся непредсказуемыми. Можно пытаться объяснить поведение человека, скорректировать его, выявить причины, оказывающие на него негативное для окружающих влияние, но предугадать его с абсолютной точностью нереально. Поэтому идеи авторов о возможном существовании общества без норм, следование которым контролируется, общества без конфликтов можно считать не только оптимистическими, но и утопическими. В настоящее время государство – необходимое условие прогресса человечества.

Мы исходим из традиционного подхода о том, что все этапы развития человеческого общества определяются тремя факторами. Это: 1) воспроизводство человеческой жизни; 2) воспроизводство материальных условий существования человеческой жизни; 3) воспроизводство общественного сознания как условия социализации индивида. Государство, как и право, отсутствующие на стадиях дикости и варварства, появляются на этапе цивилизации, когда социальная информация передается через правовые нормы, а их авторитетность определяется не авторитетом их создателя (правотворца), не принуждением и наказанием, как в период действия мононорм, а содержанием, которое позволяет обеспечивать баланс интересов в обществе и которое соответствует потребностям социума.

Характерная черта нецивилизованных обществ – отсутствие или неустойчивость госу-

дарственной жизни. Междоусобицы, нестабильность, господствующие в этих обществах, не могут привести к богатству и достойной жизни населения. Это подтверждается существующей практикой и накопленным человечеством опытом.

Государство существует не абстрактно, а во вполне конкретной форме, составляющей многочисленное число признаков. Это территория, население (часто полиэтничное), система органов государственной власти, армия, система налогов и сборов, торговля, промышленность, культура, право и др. Для юриста государство важно прежде всего как инструмент, контролирующий и управляющий обществом посредством законов.

Юристы являются посредниками между обществом и государством, сталкиваются с индивидом, обществом и государством. Эти три силы порождают три основные группы норм. Индивид создает нормы индивидуальной морали. Общество – нормы общественной морали и обычаи. Государство – законы. В. Д. Катков, отмечая тот факт, что обычаи и мораль иногда обозначают общим словом «нравы», наделяет указанные нормы своими признаками [1, с. 236].

Законы представляют собой государственно-принудительные нормы, обычаи – общественно-принудительные, мораль – нравственные.

Исследование правосознания требует понимания двух принципов, непосредственно влияющих на него: 1) принципа неотделимости нравственности от закона, 2) принципа различия закона и морали. Можно быть бесовестным бизнесменом, несправедливым и излишне требовательным работодателем, бесчувственным и злым родителем, преследующим только личные цели, и нечестным политиком, но закон бессилён в исправлении или наказании такого человека. Можно приводить многочисленные случаи из нашей жизни, наглядно иллюстрирующие это.

Не так давно состоялся один из резонансных конфликтов, который был разрешен в судебном порядке. Академия фигурного катания «Ангелы Плющенко» подала иск к матери своей бывшей ученицы Арины Парсеговой, которая в нарушение договора с академией вернулась к своему бывшему тренеру Этери Тутберидзе в мае 2023 г. Согласно информации, предостав-

ленной Я. Рудковской средствам массовой информации, фигуристка занимается бесплатно, если до конца действия договора продолжает подготовку в академии. Нарушение срока договора влечет возмещение части понесенных академией расходов. Никулинский районный суд Москвы удовлетворил иск академии фигурного катания «Ангелы Плющенко» в размере почти два миллиона рублей, которые подлежат возмещению матерью А. Парсеговой. Это вполне рядовой гражданско-правовой спор, опирающийся на положения договора, вполне определенно установившие последствия невыполнения одной из сторон своих обязанностей. Однако общественность выступила в поддержку молодой фигуристки, обрушив негатив на сторону истца, считая, что требуемое возмещение не соответствует уровню благосостояния ответчика. Данному конфликту, как многим другим открытым для общественности спорам публичных людей, пытались придать моральную окраску, накаля обстановку и формируя негативное отношение к судебной власти, которая реализовала букву закона.

Тесная связь закона и нравственности, осознававшаяся не только древнегреческими философами и римскими юристами, подчеркивалась российскими правителями. Петр Великий говорил: «Все законы писать, если их не исполнять» [1, с. 237]. Екатерина II в п. 5 Наказа комиссии о составлении проекта нового Уложения 1767 г. указывала: «Ибо законы, весьма сходственные с естеством, суть те, которых особенное расположение соответствует лучше расположению народа, ради которого они учреждены» [2].

Отмечая разные склонности разных народов, пороки и добродетели, обусловленные историческими условиями существования, свойствами климата и земли, Екатерина указывает: «57. Законоположение должно применять к народному умствованию. Мы ничего лучше не делаем, как то, что делаем вольно, непридуманно, и следуя природной нашей склонности» [2]. В то же время подчеркивается второй названный нами принцип о различии морали и закона: «Законы суть особенные и точные установления законоположника, а нравы и обычаи суть установления всего вообще народа» [2].

Общество не может обойтись без законов, но законы не могут превратить нечестного че-

ловека в честного, а ленивого в трудолюбивого. Они не могут устранить жадность, эгоизм, жестокость и другие качества человека. Истоки этих ненормальностей – в самих людях или в условиях их жизни. Закон может повлиять на эти условия, способен обеспечить безопасность человека, создать обстановку, при которой человек не будет бояться другого человека, но все члены общества должны в этом случае остерегаться закона.

Тесная связь законов с нравами выражается не только в том, что бессмысленен закон, устанавливающий правило, соблюдение которого скорее исключение, так как согласно нравам установлен другой порядок взаимодействия, но и в том, что очень сложно реализовать закон, который прямо нарушает общую мораль. Законы становятся частью социальной системы и вызывают к себе положительное отношение и признание большинства общества, если они отражают господствующие нравы. И тем не менее, законы есть законы, на протяжении существования общества в рамках государства, на разных исторических этапах появлялись дурные, безнравственные законы, установленные «дурными» правительствами, но со временем они вытеснялись, подавлялись нравами. Их длительное существование и реализация практически невозможны в силу отрицательного отношения к таким нормам общества, которое будет сопротивляться им. Как отмечал Л. Фуллер, важно разграничивать уважение к законной власти и верность закону [3, с. 56]. Сложно утверждать принцип верности закону, который невозможно реализовать, не менее сложно признавать право на революционные действия.

Главная задача законов – безопасность. Это подчеркивается и в Наказе Екатерины: «33. Надлежит, чтоб законы, поелику возможно, предохраняли безопасность каждого особо гражданина». Как бы мы ни подчеркивали господствующее значение нравов, мы не должны преуменьшать значение законов, обязательных к исполнению и подлежащих изменению в установленном порядке.

Соглашаясь с В. Д. Катковым, отметим, что счастье народа зависит от двух факторов: 1) от его нравственного уровня и нравственного единства, 2) от экономического благосостояния [1, с. 239]. Однако требуется указать еще и на следующее необходимое условие благо-

получия общества – законы, основанные на нравственном единстве народа, что предполагает наличие общих идей, моральных установок, менталитета, культурного кода. При этом речь идет о действующих, реализующихся законах. В таком случае правосознание индивида и общества будет здоровым, люди смогут уважать закон и способствовать его эффективной реализации, подчиняясь ему и препятствуя его нарушению другими. И снова обратимся к словам Екатерины II в Наказе: «43. Для нерушимого сохранения законов надлежало бы, чтоб они были так хороши и так наполнены всеми способами к достижению самого большого для людей блага ведущими, чтобы всяк несомненно был уверен, что он ради собственной своей пользы должен сохранить нерушимыми сии законы» [2].

Список использованных источников

1. Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1903. 462 с.
2. Наказ Екатерины II комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 // Совет законодателей Российской Федерации при Федеральном Собрании Российской Федерации. М., 2015. URL: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1scPZNBbgt.pdf (дата обращения: 25.08.2024).
3. Фуллер Л. Л. Мораль права. М.; Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2016. 312 с.
4. Харари Ю. Н. Sapiens. Краткая история человечества / пер. с англ. Л. Сумм. М.: Синдбад, 2020. 520 с.: ил.

References

1. Katkov V. D. On the analysis of the basic concepts of jurisprudence. Kharkov: Printing House of S. P. Yakovlev, 1903. 462 p. [in Russ.].
2. Order of Catherine II to the commission on drafting a new Code. 1767. *The Council of Legislators of the Russian Federation at the Federal Assembly of the Russian Federation*. Moscow, 2015. Available at: http://szrf.km.duma.gov.ru/upload/site53/document_news/1scPZNBbgt.pdf (date of access: 25.08.2024) [in Russ.].
3. Fuller L. L. *Morality of Law*. Moscow; Chelyabinsk: IRISEN Publ., Socium Publ., 2016 [in Russ.].
4. Harari Yu. N. *Sapiens. A Brief History of Humankind*. Translated from English by L. Summ. Moscow: Sindbad Publ., 2020. 520 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 30.10.2024
Received October 30, 2024

Апостолова Наталья Николаевна,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса и
криминалистики, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: napostolova@yandex.ru

Apostolova, Natalya N.,
Doctor of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department
of Criminal Procedure and Criminalistics,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: napostolova@yandex.ru

ПРИНЯТИЕ ЮРИДИЧЕСКИ ЗНАЧИМЫХ РЕШЕНИЙ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

MAKING LEGALLY SIGNIFICANT DECISIONS USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE

АННОТАЦИЯ. Выработка и принятие юридически значимых решений может осуществляться либо при помощи искусственного интеллекта, который выступает в качестве эффективного помощника, либо непосредственно самим ИИ. Однако никакой супер-ИИ не является и не может являться субъектом юридической ответственности за последствия своих решений, так как не способен нести такую ответственность и принимать на себя вину за возможные последствия. Ответственность за последствия принятых ИИ решений могут и должны нести акторы супер-интеллектуальных систем.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: юридически значимые решения, искусственный интеллект, юридическая ответственность, акторы супер-ИИ.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Апостолова, Н. Н. Принятие юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта / Н. Н. Апостолова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 13–17. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-2

ABSTRACT. The development and adoption of legally significant decisions can be carried out either with the help of artificial intelligence, which acts as an effective assistant, or by the AI itself. However, no super-AI is and cannot be a subject of legal responsibility for the consequences of its decisions, since it is not able to bear such responsibility and take the blame for possible consequences. Actors of super-intelligent systems can and should be responsible for the consequences of decisions made by AI.

KEYWORDS: legally significant decisions, artificial intelligence, legal responsibility, super-AI actors

FOR CITATION:

*Apostolova, N. N. (2025) Making Legally Significant Decisions Using Artificial Intelligence. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 13-17 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-2*

Как известно, под решениями в юриспруденции принято понимать правовые акты должностных лиц (органов), принимаемые в целях разрешения возникающих в ходе их деятельности вопросов [2, с. 23; 3; 6, с. 21–22]. Правовые решения должны быть законными и обоснованными, а в сфере судопроизводства еще и мотивированными и справедливыми.

Анализ и обобщение имеющихся в юридической литературе подходов и взглядов на процесс принятия юридически значимых решений позволяют выявить ряд положений, отражающих его ключевые закономерности.

Само по себе решение представляет собой вывод (заключение) по определенному вопросу, сделанный на основе анализа фактического материала и соответствующих норм права. Это своего рода волевой акт, характеризующийся осознанностью и целенаправленностью, и способствующий достижению целей и решению задач осуществляемой деятельности.

Законность решения означает, что оно принято уполномоченным законом должностным лицом (органом) в пределах предоставленной законом (иным нормативным актом) компетенции в соответствии с подлежащими применению нормами законов (иных нормативных актов).

Обоснованность юридически значимого решения понимается как подтверждение принятого решения соответствующими фактическими обстоятельствами и достаточными достоверными доказательствами.

Мотивированными считаются решения, в которых приводится анализ лежащих в их основе фактических обстоятельств и доказательств, и дается их оценка.

Справедливыми в сфере уголовного, гражданского, арбитражного, административного судопроизводства будут решения, отвечающие требованиям материального и процессуального права и адекватно учитывающие личные, общественные и государственные интересы исходя из сложившейся ситуации (комплекса правовых, социальных, экономических и иных факторов жизни граждан, государства и общества).

При принятии решений человеком помимо фактических и юридических обстоятельств важную роль играют еще и индивидуально-

психологические. Такие, например, как: мотивы, эмоции, интуиция, жизненный опыт, ценностные ориентации, умение брать на себя ответственность и способность нести ее и т. д. [5; 9, с. 495–404].

Как известно, принятие юридически значимых решений неразрывно связано со способностью субъекта осознавать смысл и последствия принятого решения и нести ответственность (принимать на себя вину за возможные последствия). Ответственность является важнейшим свойством личности [1, с. 20–27]. На данных постулатах, собственно, и зиждется современная юриспруденция и работа как государственного, так и негосударственного управленческого аппарата.

Несколько иной характер имеет механизм принятия решений искусственным интеллектом. По мнению аналитиков IDC (международной исследовательской и консалтинговой компании, изучающей мировой рынок информационных технологий и телекоммуникаций), процесс принятия решений с помощью искусственного интеллекта (ИИ) состоит из шести этапов: обеспечение доступа к данным в форме, позволяющей их анализировать (поиск соответствующей информации); анализ этих данных на основе описательных и прогностических методов ИИ; выработка рекомендаций и возможных вариантов решений; выбор одного из возможных вариантов решения с учетом имеющихся ограничений и целей (задач); выполнение действий в соответствии с принятым решением; мониторинг и оценка результатов [4].

Как показывает практика, со всеми этими этапами искусственный интеллект уже может успешно справляться. Более того, супер-ИИ способен формулировать собственное мировоззрение (свое цифровое сознание), распознавать эмоции, реакции людей и реагировать на них (угадывать, предвидеть их), намеренно искажать факты (те или иные обстоятельства), обманывать (пытаться манипулировать людьми) и т. д.

К тому же, ни один создатель ИИ не может точно определить, как искусственный интеллект принимает решение, как воспринимает и оценивает те или иные обстоятельства (либо иную информацию), почему принимает именно такое решение [8; 11]. Серьезные опасения вызывает и тот факт, что в работе, например,

того же ChatGPT наблюдаются сбои, в его ответах неожиданно появляется бессмыслица, пугающая его пользователей [12].

Из чего следует, что принятие жизненно важных для людей решений искусственным интеллектом вне контроля человеком сопряжено с большими рисками и опасностями для людей (причем не всегда очевидными).

При этом никакой супер-ИИ не является и не может являться субъектом юридической ответственности за последствия своих решений. Будучи киберфизической интеллектуальной системой, он обладает лишь способностями рационального мышления (и то не как человек, а наподобие человека). Переживания за возможные негативные последствия (для себя и других), чувство долга и бремя ответственности, являющиеся неотъемлемым и сдерживающим фактором при принятии решений человеком, – неведомы искусственному интеллекту.

Поэтому принятие ИИ юридически значимых жизненно важных для людей решений вне соответствующего контроля человеком и без установления юридической ответственности за последствия их принятия для акторов суперинтеллектуальных систем – не допустимо. Подобного рода эксперименты могут завершиться непредсказуемо плохо. Не говоря уже о том, что принятие юридически значимых решений, не имеющих субъекта ответственности за их возможные последствия, вообще выглядит нонсенсом.

Традиционно вся юриспруденция построена на юридической ответственности определенных субъектов за действия, бездействия и принятые решения. Должностные полномочия, должностные обязанности и ответственность, либо права, обязанности и ответственность – фундаментальные категории уголовного, гражданского, административного, арбитражного судопроизводства. Если убрать из этой триады ответственность, то юриспруденция потеряет смысл, а жизнь людей станет хаотично непредсказуемой.

Потому принятие юридически значимых решений искусственным интеллектом может быть допустимым лишь под контролем человека и при условии определения субъекта ответственности за последствия таких решений. В сфере гражданского, административного и уголовного права должен быть разработан чет-

кий и понятный механизм определения субъекта ответственности (разработчиков и (или) пользователей) за те или иные негативные последствия вынесенного ИИ решения (и действия). И конечно, должна быть возможность и способ его отключения, а также исправления ошибок в работе систем искусственного интеллекта.

С учетом данных обстоятельств следует признать, что ИИ в механизме принятия юридически значимых решений может выступать в качестве эффективного помощника ответственных должностных лиц: судей, прокуроров, следователей, дознавателей, адвокатов, нотариусов и других.

В этом качестве искусственный интеллект мог бы находить необходимые сведения в соответствующих базах данных, анализировать и обобщать их, составлять проекты возможных решений в соответствии с нормами законов, судебной практикой, фактическими обстоятельствами, поставленными задачами и целями. Перечисленным выше должностным лицам надлежит осуществлять проверку вынесенных искусственным интеллектом решений и либо утверждать их, подписывая своей электронной подписью, либо вносить необходимые корректировки. В соответствующих случаях внесение соответствующим должностным лицом изменений (уточнений) в предложенный ИИ вариант решений может сопровождаться необходимой мотивировкой (объяснением, почему это было сделано).

Самостоятельное вынесение решений ИИ по определенным многочисленным однотипным малозначительным делам (например, по делам приказного производства) возможно при условии постоянного систематического контроля со стороны человека. Кроме этого, следует закрепить в законе требование, согласно которому рассмотрение жалоб на вынесенные искусственным интеллектом решения (равно как и на действия) осуществлялось бы только судьей-человеком, а не ИИ вышестоящей судебной инстанции.

А вот непосредственно первоначальные жалобы и ходатайства вполне могли бы составляться и подаваться (посредством систем электронного документооборота) с помощью искусственного интеллекта.

В плане повышения уровня гарантий правовой защищенности прав, свобод и законных ин-

тересов физических и юридических лиц было целесообразным разработать и создать искусственный интеллект, выполняющий функции юридического консультанта и помощника в составлении и подаче (представлении) таких жалоб, ходатайств и других документов, особенно в различные государственные органы и учреждения.

На первичном этапе решения проблемы любое лицо должно иметь возможность с помощью ИИ найти нужный формуляр жалобы, ходатайства, заявления, иска, внести в него необходимые сведения, и после прикрепления электронной подписи (либо с портала госуслуг) соответствующий документ направлялся бы по нужному адресату. А уже далее, на этапе решения вопроса, требующем более глубоких знаний норм права и правоприменительной практики, граждане обращались бы к помощи юристов, адвокатов.

Важную роль уже сегодня играет ИИ в процессе поиска и мониторинга необходимой информации, например в органах МВД, в сфере обеспечения безопасности, в других отраслях народного хозяйства и общественной жизни. Искусственный интеллект, в отличие от человека, способен более тщательно искать, находить и отслеживать соответствующую информацию в социальных сетях, равно как и в сети «Интернет» в целом. Лучше человека он может осуществлять и постоянное (24 часа в сутки без усталости) наблюдение, фиксировать происходящие изменения, с учетом заданных параметров и критериев проводить анализ и давать оценку, прогнозы (возможных изменений и вариантов развития событий).

В этом качестве ИИ является уникальным и востребованным помощником не только должностных лиц и органов, обеспечивающих правопорядок и безопасность в государстве и в обществе, но и других руководителей и должностных лиц, вырабатывающих тактику и стратегию развития в любой другой сфере жизнедеятельности.

На основе проведенного искусственным интеллектом анализа определенной информации и прогноза вполне могли бы приниматься необходимые управленческие решения, но опять-таки только после предварительной проверки соответствующим специалистом-человеком. С одной стороны, искусственный интеллект

лучше человека способен скрупулезно учитывать имеющиеся детали и особенности, а с другой, для принятия единственно правильного по существу решения требуется нередко и наличие интуиции (которая присуща лишь человеку) [9].

Таким образом, целиком и полностью полагаться на суждения и выводы ИИ нельзя, в силу: возможной неверной интерпретации фактов и явлений; генерирования несуществующей реальности, подтасовывания, манипулирования, обмана, отсутствия чувства ответственности за возможные последствия и т. п. С точки зрения юриспруденции наличие субъекта ответственности при принятии решений обязательно.

Любые рекомендации и предложения, сделанные искусственным интеллектом, требуют анализа и проверки человеком, поскольку, по мнению IT-специалистов, с креативностью у него наблюдаются серьезные проблемы.

Творчество искусственного интеллекта основано на уже существующих найденных им образах, концепциях, положениях и носит сугубо рациональный характер (к тому же не всегда осмысленный с точки зрения человеческого сознания). Создание ИИ чего-то принципиально нового, за рамками уже имеющихся идей, заканчивается пока бессмыслицей и неудачей.

Потому сейчас доминирует точка зрения, согласно которой выработка креативных идей, имеющих жизненно важное значение для людей, должна осуществляться путем взаимодействия искусственного интеллекта и человека [7; 10]. Тем более, ответственность за последствия реализации и воплощения таких идей лежит на людях, и по-другому быть не может.

Список использованных источников

1. Габричидзе Б. Н., Чернявский А. Г. Юридическая ответственность: учебное пособие. М.: Альфа-М, 2005. 686 с.
2. Григорьев В. Н., Кузьмин Г. А. Правовые и организационные основы принятия решений в уголовном процессе (досудебные стадии): монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 136 с.
3. Жалинский А. Э. Избранные труды. Том 4. Правовое мышление и профессиональная деятельность юриста. Научно-исследовательские проблемы правоведения / под ред. Н. В. Куприяновой. М.: Изд. дом ВШЭ, 2016. 562 с. URL: <https://law.wikireading.ru/hx6VZMTDfQ> (дата обращения: 14.02.2024).
4. IDC: как воспользоваться преимуществами интеллектуального принятия решений. URL: <https://www.>

itweek.ru/bigdata/article/detail.php?ID=227809 (дата обращения: 16.02.2024).

5. Карпов А. В. Психология принятия решений в профессиональной деятельности: учебное пособие / Ярослав. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. Ярославль: ЯрГУ, 2014. 164 с.

6. Лупинская П. А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство практика. М.: Юрист, 2006. 176 с. 5

7. Мильгизин И. Э., Баева Л. В. К вопросу о креативности в нейросетях ИИ // Философские проблемы информационных технологий и киберпространства. 2017. № 1 (13). С. 62–71. <https://doi.org/10.17726/philIT.2017.1.4>.

8. Романов Р. Искусственный интеллект в процессе принятия внешнеполитических решений. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyu-intellekt-v-protse-primyatiya-vneshnepoliticheskikh-resheniy> (дата обращения: 16.02.2024).

9. Сунцова Я. С., Мешков И. Ю. Феномены выбора и принятия решения в психологической науке // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2022. Т. 32. Вып. 4. С. 395–404.

10. Чем креативность ИИ отличается от человеческой. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64d5f6f69a794774e1308ea8> (дата обращения 16.02.2024).

11. Этические соображения при принятии решений с помощью ИИ. URL: <https://falconediting.com/ru/blog/eticheskie-soobrazheniia-pri-priniatii-reshenii-s-pomoshchiu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения 16.02.2024).

12. Benj E. ChatGPT goes temporarily “insane” with unexpected outputs, spooking users. URL: <https://arstechnica.com/information-technology/2024/02/chatgpt-alarms-users-by-spitting-out-shakespearean-nonsense-and-rambling> (дата обращения: 16.02.2024).

References

1. Gabrichidze B. N., Chernyavsky A. G. Legal responsibility: a textbook. Moscow: Alfa-M, 2005. 686 p. [in Russ.].

2. Grigoriev V. N., Kuzmin G. A. Legal and organizational bases of decision-making in criminal proceedings (pre-trial stages): monograph. Moscow: UNITI-DANA, 2003. 136 p. [in Russ.].

3. Zhalinsky A. E. Selected works. Volume 4. Legal thinking and professional activity of a lawyer. Scientific problems of jurisprudence. Edited by N. V. Kupriyanova. Moscow: HSE Publishing House, 2016. 562 p. URL: <https://law.wikireading.ru/hx6VZMTDfq> (date of access: 14.02.2024) [in Russ.].

4. IDC: how users can make intelligent decisions. Available at: <https://www.itweek.ru/bigdata/article/detail.php?ID=227809> (date of access: 16.02.2024) [in Russ.].

5. Karpov A. V. Psychology of decision-making in professional activity: a textbook. Yaroslavl: Yaroslav State University named after P. G. Demidov, 2014. 164 p. [in Russ.].

6. Lupinskaya P. A. Decisions in criminal proceedings: theory, legislation and practice. Moscow: Lawyer, 2006. 176 p. [in Russ.].

7. Milgizin I. E., Baeva L. V. On the issue of creativity in AI neural networks. *Philosophical problems of information technology and cyberspace*. 2017. No. 1 (13). P. 62-71. <https://doi.org/10.17726/philIT.2017.1.4> [in Russ.].

8. Romanov R. Artificial intelligence in the process of making foreign policy decisions. Available at: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/cybercolumn/iskusstvennyu-intellekt-v-protse-primyatiya-vneshnepoliticheskikh-resheniy> (date of access: 16.02.2024) [in Russ.].

9. Suntsova Ya. S., Meshkov I. Yu. Phenomena of choice and decision-making in psychological science. *Bulletin of the Udmurt University. The Philosophy series. Psychology. Pedagogy*. 2022. Vol. 32. Issue 4. P. 395-404 [in Russ.].

10. How does AI creativity differ from human creativity. Available at: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/64d5f6f69a794774e1308ea8> (date of access: 16.02.2024) [in Russ.].

11. Ethical considerations when making decisions using AI. Available at: <https://falconediting.com/ru/blog/eticheskie-soobrazheniia-pri-priniatii-reshenii-s-pomoshchiu-iskusstvennogo-intellekta> (date of access: 16.02.2024) [in Russ.].

12. Benj E. The chat temporarily “goes crazy” with unexpected results, scaring users. Available at: <https://arstechnica.com/information-technology/2024/02/chatgpt-alarms-users-by-spitting-out-shakespearean-nonsense-and-rambling> (date of access: 16.02.2024).

Поступила в редакцию 13.09.2024

Received September 13, 2024

Иванченко Светлана Валерьевна,
кандидат юридических наук, старший
преподаватель кафедры государственно-
правовых дисциплин, Московская академия
Следственного комитета Российской
Федерации имени А. Я. Сухарева,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12,
email: luchen-00@mail.ru

Ivanchenko, Svetlana V.,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department
of State and Legal Disciplines,
Sukharev Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
12 Vrubel Str., Moscow, 125080,
Russian Federation,
email: luchen-00@mail.ru

Коханец Людмила Анатольевна,
кандидат исторических наук, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Московская академия Следственного
комитета Российской Федерации
имени А. Я. Сухарева,
125080, г. Москва, ул. Врубеля, д. 12,
email: lkohanec@mail.ru

Kohanets, Lyudmila A.,
PhD in Historical Sciences, Associate Professor
at the Department of State and Legal Disciplines,
Sukharev Moscow Academy of the Investigative
Committee of the Russian Federation,
12 Vrubel Str., Moscow,
125080, Russian Federation,
email: lkohanec@mail.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ ПРАВОСЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ РОССИЙСКОЕ ПРАВО

TRADITIONAL ORTHODOX VALUES AND THEIR INFLUENCE ON MODERN RUSSIAN LAW

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию влияния традиционных православных ценностей на российское право в современных условиях. В представленной работе проанализированы подходы к пониманию традиционных православных ценностей, определены основные направления влияния традиционных православных ценностей на российское право.

Авторы исходят из того, что противоестественные идеи, закладывающиеся в основу права, влияют и на дальнейшее его развитие, могут в дальнейшем привести к негативным изменениям в обществе. На примере западных стран показано, что искусственно насаждаемая синтетическая культура предлагает обществу такие же синтетические ценности, которые, на первый взгляд, обусловлены победой идеи свободы и права свободы, требованиями справедливости и индивидуального выбора, а в реальности приводят к рабству и зависимости от псевдоценностей.

Это происходит потому, что отказ от естественных, проверенных веками моральных устоев открывает дорогу для манипулирования общественным сознанием. Искусственно сконструированные ценности, оторванные от реальности и человеческой природы, становятся инструментом для продвижения интересов узких

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the influence of traditional Orthodox values on Russian law in modern conditions. In the presented work, approaches to understanding traditional Orthodox values are analyzed, and the main directions of the influence of traditional Orthodox values on Russian law are identified.

The authors proceed from the fact that unnatural ideas, which form the basis of law, affect its further development and may further lead to negative changes in society. Using the example of Western countries, it is shown that artificially imposed synthetic culture offers society the same synthetic values that, at first glance, are conditioned by the victory of the idea of freedom and the right of freedom, the demands of justice and individual choice, but in reality lead to slavery and dependence on pseudo-values.

This is because the rejection of natural, age-old moral principles opens the way for manipulation of public consciousness. Artificially constructed values, divorced from reality and human nature, become a tool for promoting the interests of narrow groups, often pursuing goals far from the benefits of the majority of citizens.

In conclusion, the need to preserve the vector of influence of traditional values on Russian law in modern conditions is summarized, which will require the involvement of all

групп, зачастую преследующих цели, далекие от большинства граждан.

В заключении резюмирована необходимость сохранения вектора влияния традиционных ценностей на российское право в современных условиях, что требует задействования всех ресурсов, в том числе и религиозных. И православие, как показывает многовековая история, поможет сохранить и развить этот путь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционные ценности, православие, современное право, современное законодательство, Российская Федерация

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Иванченко, С. В. Традиционные православные ценности и их влияние на современное российское право / С. В. Иванченко, Л. А. Коханец. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 18–24. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-3

Практически все современные государства Европы относятся к светским, а некоторые из них фактически стали атеистическими. Это не значит, конечно, что все они отрицают роль религии в развитии общества, но говорит о том, что религия в их жизни сошла с жизненных магистралей, перейдя на тропы.

Разница между светскими и атеистическими странами заметна невооруженным глазом, и примером тому может служить скандальная церемония открытия олимпийских игр 2024 г. в Париже, которую до сих пор обсуждают по всему миру.

Российская Федерация – светское государство, и религия отделена от политической власти. Естественно, что и устанавливаться в качестве государственной или обязательной в государстве никакая религия не может.

Тем не менее Основной закон говорит о том, что наше государство, объединенное тысячелетней историей, сохраняет память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога. Уже отсюда идет понимание важности религии, причем как для формирования социальной культуры, так и для формирования права. Как справедливо отметил профессор А. И. Овчинников, данная поправка, внесенная в Основной закон, прямо указывает на важнейшую роль религии и основанные на ней традиционные ценности, как на точку единения и сохранения целостности государства, его суверенитета [2, с. 70].

resources, including religious ones. And Orthodoxy, as its centuries-old history shows, will help preserve and develop this path.

KEYWORDS: traditional values, Orthodoxy, modern law, modern legislation, Russian Federation

FOR CITATION:

Ivanchenko, S. V., Kohanets, L. A. (2025) Traditional Orthodox Values and Their Influence on Modern Russian Law. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(1): 18-24 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-3

В Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» отмечено, что традиционные ценности являются основой российского общества, в свою очередь, православие предстает вектором их становления и щитом укрепления.

Развитие права под влиянием христианства рассматривали различные ученые-правоведы, но до сих пор сама природа права и влияние на нее религии является вопросом, который не теряет актуальности и исследовательского интереса.

Так, в своем диссертационном исследовании Ю. В. Бондаренко выдвигает тезис, что любая религия сама по себе уже детерминирует мировоззрение личности и общества, формируя поведение человека и закладывая в него те установки, которые относятся именно к ее вероисповеданию. При этом влияние идет повсеместно, как в светской, так и в духовной сфере [3, с. 4]. И действительно, приверженность традиционным ценностям, уважение к мировым религиям спасения, а равно признание важной роли православия в истории государства – основа для развития права, культуры и общества в России.

Подтверждение этому тезису органично предлагает и профессор В. В. Сорокин, который в своей монографии задается справедливым вопросом: «Поразительно, как можно

было не замечать семантическую и смысловую родственность слов “право” и “православие” в русском языке»? [11, с. 21]. Само словесно-смысловое указание наводит на родственную связь этих слов, что задает процесс рассмотрения и изучения идеи связи права и православной веры.

В своей научной работе О. В. Вольтер утверждает, что вера, являясь нематериальным фундаментом целостности социума, несет в себе огромный спектр влияния не только на духовную жизнь общества, но и на развитие культуры, политики, экономики и идеологии государства [5, с. 35]. Воспитанное в единой православной вере, возвращенное в одной культурной среде, на общих традиционных ценностях, русское общество само установило основу и определило границы допустимости в праве, сделав выбор в пользу традиционной христианской, а вернее, православной модели.

Не менее интересным выглядит и высказывание профессора А. Н. Халикова, который, рассматривая философское влияние Русской православной церкви (РПЦ) на право, говорит о конструировании православия в отдельный социальный институт, участвующий в формировании общества и государства, влияя при этом на социальное, нравственное и правовое сознание [13, с. 120]. Православие не просто является социальным институтом. Оно органично вписывается в систему взаимосвязи общества и государства, воздействуя на правовое сознание, в том числе и пропагандируя традиционные ценности.

Традиционные ценности, воспитанные православием, являются одновременно и вектором дальнейшего развития общества и государства, и теми пределами, за которые это общество не хочет заходить. Отсюда можно сделать вывод, что правила поведения, нормы права и идеи права будут базироваться на тех традициях, которые приняты в этом обществе и которые защищаются государством. Традиционные ценности, сложившиеся в конкретном социуме, развившие влияние на личность, сформировавшие особые правила поведения и запреты, будут естественным отражением как действующего права, так и влияния на него исторического прошлого, а равно и религии.

Право государства и право церкви – феномены взаимосвязанные и взаимообусловленные.

Справедливо утверждение, что «государственное право вовсе не отличается от церковного права своим принудительным характером. В значительной степени ему свойственно нравственное побуждение лица к совершению того или иного поступка или отказа от правонарушения, а не только угроза наказания. С другой стороны, и церковному праву никак нельзя отказать в принуждении. Так, до своего совершеннолетия, когда человек приобретает право самостоятельно определить свою религиозную принадлежность, никакого его личного волеизъявления для участия в жизни конкретного религиозного сообщества обнаружить никак не удастся. Он подчиняется церковным правилам и дисциплине по желанию своих родителей. И также бесслесно принимает церковные наказания (епитимии) за совершенные им проступки – их виды и тяжесть в данном случае не имеют значения» [4, с. 159–160].

Для человека тяга к правде и правилам является естественной. Вообще правда, справедливость, честность, добро, наличие правил, которые все это оформляют и защищают, – уже симбиоз права и религии. Вот есть правда, и ее нужно защитить. Есть запреты, которые нельзя нарушать. Обязательно присутствие и добра, которое несет воспитание, научение и прощение.

Также и в православии. Есть правда и добро, они являются одновременно и мерилем и потребностью. Они часть сущности человека, которому самому жизненно необходимы эти понятия. Есть правила и запреты, определяющиеся заповедями и церковными канонами. В них личность нуждается не меньше, чем в правде, добре и справедливости. Особняком тут, надо признать, стоит справедливость, которая, согласно преподобному Максиму Исповеднику, разделена на три вида: человеческую, ангельскую и Божественную [6]. И в свою очередь, все три справедливости несут разный смысл. Так, Божественная справедливость противопоставляет себя человеческой, т. е. страдание за грешников в противоположность равного распределения благ. С точки зрения человека любой правонарушитель, преступивший закон, должен быть наказан, а с точки зрения Бога есть раскаяние и всепрощение.

Надо уточнить, что и в праве справедливость может рассматриваться не как одна категория, а как две противоположные. Так, говоря

о сущности права, академик В. С. Нерсесянц дает одно из определений права – как всеобщей справедливости. Однако, определяя справедливость правовым принципом, он разделяет формальную справедливость и социальную справедливость, как следующие разным интересам: общества в целом и определенной группы [8, с. 30–31]. То есть имеется некое противопоставление интересов одних интересам других. Но, конечно, нельзя отрицать и факт того, что, несмотря на различия к подходу о справедливости, гражданское общество исходит из той идеи, что защита государственной властью справедливости, ценностей, духовно-нравственного идеала может и должна осуществляться через механизмы воспитания и образования, духовно-нравственное просвещение и поддержку традиционных религиозных конфессий, не ставя насилие во главу угла властно-правового инструментария защиты [9].

Главное отличие религиозных от правовых норм заключается в том, что последние охватывают все общество, тогда как первые лишь категорию верующих. «Право, в силу своей универсальности, становится единственным всеобщим регулятором поведения» [7, с. 34].

Но при этом не стоит недооценивать значение религии и саму роль православия. Даже в светском государстве (речь именно о светском, а не об атеистическом государстве) человек опирается на традиционные ценности, своими корнями уходящие в религию. К таким ценностям можно отнести: жизнь, патриотизм, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкую семью, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие. Все эти ценности имеют четкие христианские ориентиры.

Можно ли представить такие ценности, закреплённые на правовом уровне какой-нибудь из западных стран на этапе современности? Например, согласно проведенному опросу, во Франции наблюдается рост атеистических убеждений. Исследования, проведенные институтом IFOР, говорят, что более 50 % французов являются атеистами. В Германии дела обстоят и того хуже. Более 55 % немцев не причисляют себя к категории верующих. Что же касается США, то их показатели считаются рекордно низкими за последние несколько лет: число верующих не превышает 58 %.

Не отсюда ли растут корни многочисленных и чуждых нашему менталитету законов, противоречащих традиционным ценностям и религии в принципе? О каком гуманизме или милосердии может идти речь, если в государстве официально на законодательном уровне разрешена эвтаназия? А в некоторых странах Западной Европы разрешена эвтаназия даже несовершеннолетних (Бельгия, Нидерланды). Так, например, Парламент Нидерландов еще в 2001 г. принял Закон «Об окончании жизни по просьбе или о содействии самоубийству». Закон содержит основные положения об эвтаназии, поправки к Уголовному кодексу, а также юридически закрепляет право подростков 16–17 лет самостоятельно принимать решение об эвтаназии, подростки 12–15 лет могут просить об эвтаназии, согласно закону, с разрешения родителей [12, с. 58]. Сама мысль о суициде несет разложение личности. Но данный закон на государственном уровне разрешил добровольно расстаться с жизнью людям, чей возраст говорит об отсутствии необходимого жизненного опыта, неготовности отдавать отчет своим действиям, а состояние здоровья – о понимаемых последствиях выбора.

Не повлияла ли растущая атеизация и на появление враждебных нормальному человеку законов о смене пола? В ФРГ с 1 ноября 2024 г. вступил в силу Закон о самоопределении в отношении записи о поле, который разрешает менять пол каждый год. В США смена пола разрешена несовершеннолетним, причем даже без согласия родителей. Официальные власти прокомментировали необходимость в этом законе заботой о гражданах, их правом на самоопределение и защитой интересов общества. Но о какой защите общества может идти речь, если само существование общества, продолжение его, развитие поставлено под угрозу? Крепкая традиционная семья, высокие нравственные идеалы и ценность жизни явно не вписываются в формат современного западного права, защищающего заведомо вредные тенденции и воплощающего античеловеческие законы.

Нравственные идеалы тесно переплетены с духовностью, с моралью. Вполне логично, что если общество меняет ценностные ориентиры, оправдывает безнравственность, подменяя это понятие новыми принятыми в обществе социальными нормами, то нормой станет девиация.

«Если нравственность подвергается переменам, она теряет свое абсолютное значение для жизни людей» [10]. Именно такую тенденцию можно наблюдать сейчас в странах Запада.

Искусственно насаждаемая, рекламируемая синтетическая культура предлагает обществу такие же синтетические ценности, которые, на первый взгляд, обусловлены победой идеи свободы и права свободы, требованиями справедливости и индивидуального выбора, а в реальности приводят к рабству и зависимости от псевдоценностей.

Обществу потребления не нужны такие социальные институты, как семья и церковь. Этому обществу нужны быстрые удовольствия, отсутствие заботы, удовлетворение эгоистичных потребностей и минимизация ответственности. Важно отметить, что противоестественные идеи, закладываемые в основу права, влияют и на дальнейшее его развитие. Все это приведет в дальнейшем к изменениям в обществе.

Если в обществе подменяются ценности, семья перестает быть краеугольным камнем государственности, такое общество теряет жизнеспособность. Оно не сможет дальше расти, развиваться и подлежит угасанию. Проще говоря, такое общество вырождается.

Деструктивное влияние вседозволенности с акцентом на индивидуальной справедливости привело к тому, что религиозная категория граждан западного мира выпала из правового поля защиты. Интересы представителей движений ЛГБТ¹ – это право на свободу. Интересы верующих, противящихся насаждению ЛГБТ-культуры в дошкольных и школьных учреждениях, – это риск судебного разбирательства, а то и аресты. Налицо не просто разрушение личности, но разрушение ценностей, что в христианстве вообще и в православии в частности – недопустимо. В Декларации о правах и достоинстве человека и личности, принятой X Всемирным Русским Народным Собором, отмечено, что свобода выбора приобретает ценность, а личность – достоинство, когда человек выбирает добро. Наоборот, свобода выбора ведет к саморазрушению и наносит урон достоинству человека, когда тот избирает зло.

¹ Деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

Религия, являясь самостоятельной системой социального нормативного регулирования, задает тон поведения обществу. Так, православное учение не просто учит морали, влияя на мировоззрение, но программирует правовое поведение. Следующий Божьему Закону будет уважать и чтить государственные законы. И тут речь не просто о механическом исполнении чужой воли, но о сознательной правопослушности. Воспитание правовой культуры через религиозные нормы повышает эффективность воплощения права.

В этом ключе необходимо уделить внимание принятым в 2000 г. Освященным Архиерейским Собором Русской Православной Церкви Основам социальной концепции. Этот любопытный документ не просто дает общие понятия по вопросам государственно-церковных отношений, но излагает официальные комментарии Московского Патриархата и раскрывает руководящие принципы взаимоотношений церкви, государства и общества.

Так, согласно Основам, православный патриот не просто должен, но призван любить свое Отечество, своих сограждан, должен защищать Отечество, трудиться на его благо, заботиться о нем; должен сохранять и развивать национальную культуру, народное самосознание. Подобное упоминание православных ценностей, буквально наставлений, схожих по смыслу с заповедью Божией о любви к ближнему, нашло место и в светском праве. Конституция Российской Федерации прекрасный тому пример.

На этом примере отлично видно, как церковные и светские нормы служат обществу и государству, при этом несут одинаковые ценности – традиционные.

Нередко бывает, что люди, чаще всего оказывающиеся далекими от религии, так же как и те, кто не раз замечался в не уважающих государство высказываниях, расценивают христианские заповеди и нормы права как ограничение свободы. И одни и другие нормы представляются им угнетением. В нормах права такие люди замечают только запреты. Не обращая внимания на сдерживающий и ограждающий от зла характер норм, буквально воспринимая свободу как своеволие, они готовы отречься от ценностей добра.

Религии имманентно соединены с фундаментальным пониманием добра и зла [1, с. 24].

Отходя от религии, человек размывает эти понятия. То, что ранее было злом, теряет свою остроту, края становятся тонкими и едва заметными, а опасность зла не воспринимается уже такой явной.

Слепое отрицание зла во вседозволенности, в своеволии приводит к негативным изменениям в праве. А, как известно, принятые обществом изменения в праве узакониваются. Планомерная и активно насаждаемая противочеловеческая правовая политика Запада снижает возможность нравственного измерения свободы населения и ее определения, причем больше всего, как свободы глобального сущностного выбора между добром и злом.

Российская Федерация вновь находится в непростых условиях. После тридцатилетнего курса на интеграцию западных ценностей, на внедрение европейской культуры и внешних попыток изменений мировоззрения, Россия повернула в сторону крепких, правильных и исторически родных традиций. Это ценности традиционной семьи и безопасного детства, сохранение российской самобытности и многонациональной общности, усиление гражданского единства и уважение к истории Отечества. У нашего государства накоплен огромный опыт, в том числе и в праве. Сохранение такого вектора потребует задействования всех ресурсов, в том числе и религиозных. И православие, как показывает многовековая история, поможет сохранить и развить этот путь.

Только при активном участии РПЦ, ее духовенства, а также политически активных православных граждан нравственные ценности будут в полной мере учитываться в процессе принятия общегосударственных решений [11, с. 543]. Потребность в религиозном регулировании, в духовном покровительстве в обществе сегодня очень велика. Ясное понимание того, чем обходятся либеральные западные идеи, по сути, атеистических стран, к чему приводит отсутствие правовых ограничений, принесло в социум запрос о возрождении православного влияния.

Православная вера послужит необходимым связующим звеном, той цементной смесью, которая крепко свяжет самые важные фундаментальные столбы для нашего государства – традиционные ценности: крепкую семью, преемственность поколений, патриотизм,

воспитание, служение Отечеству, милосердие, справедливость. Только при опоре на это наше государство сможет выдержать агрессивное давление со стороны недружественных стран, пытающихся подорвать российскую государственность как извне, так и изнутри.

Список использованных источников

1. Багдасарян В. Э., Лукашенко С. П. Исторический генезис антихристианства на современном западе: сатанизм западных элит как политическая реальность // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 22–39. <https://doi.org/10.18384/2949-5164-2024-3-22-39>
2. Бог. Человек. Конституция. Библейская философия права в научном наследии А. П. Лопухина (1852–1904): монография / под ред. А. И. Овчинникова. М.: Проспект, 2020. 272 с.
3. Бондаренко Ю. В. Право и православная религия как ценностно-нормативные системы российского общества: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург, 2001. 23 с.
4. Величко А. М. Свобода Церкви и в Церкви // Философия права в современной России: некоторые подходы и направления: монография / под ред. А. И. Овчинникова, И. П. Кожокоря. М.: Проспект, 2019. 224 с.
5. Вольтер О. В. Феномен российской государственной идеологии как духовно-политической основы государственной целостности России: история и современность: политологический аспект: автореф. дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01. Ростов-на-Дону, 2010. 54 с.
6. Максим Исповедник Преподобный. Три вида справедливости, или справедливость и суд. URL: <http://www.isihast.ru/index.php?id=384&iid=438> (дата обращения: 14.02.2025).
7. Мирошник С. В. Право и справедливость: вечный спор // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 3. С. 30–35.
8. Нерсисянц В. С. Философия права: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / Ин-т государства и права Российской акад. наук, Академический правовой ун-т. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма : ИНФРА-М, 2013. 835 с.
9. Овчинников А. И. Законодательство и духовно-нравственная безопасность Российской Федерации: механизмы сохранения, защиты и конституционализации // Вопросы государства и права. 2024. № 1(4). С. 15–20.
10. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Культура и общество: взгляд Церкви // Церковь и время. 2012. № 1(58). URL: <https://church-and-time.ru/1113> (дата обращения: 21.01.2025).
11. Сорокин В. В. Право и православие. Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2007. 548 с.
12. Старовойтова О. Э., Ильченко К. В. Некоторые аспекты теории и практики эвтаназии в отношении несовершеннолетних (на примере Голландии и США) //

Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 56–61.

13. Халиков А. Н. Русская православная церковь и ее философское влияние на право // Философия права. 2015. № 6 (73). С. 120–126.

References

1. Bagdasaryan V. E., Lukashenko S. P. The historical genesis of anti-Christianity in the modern West: Satanism of Western elites as a political reality. *Bulletin of the State University of Enlightenment. Series: History and Political Sciences*. 2024. No. 3. P. 22–39 [in Russ.].

2. God. Man. The Constitution. The Biblical Philosophy of Law in the Scientific Legacy of A. P. Lopukhin (1852-1904): Monograph. Edited by A. I. Ovchinnikov. Moscow: Prospekt Publ., 2020. 272 p. [in Russ.].

3. Bondarenko Yu. V. Law and Orthodox religion as value-normative systems of Russian society: abstract of the dissertation ... Candidate of Law Sciences: 12.00.01. St. Petersburg, 2001. 23 p. [in Russ.].

4. Velichko A. M. Freedom of the Church and in the Church. *Philosophy of law in modern Russia: some approaches and directions: a monograph*. Edited by A. I. Ovchinnikov, I. P. Kozhokor. Moscow: Prospekt Publ., 2019. 224 p. [in Russ.].

5. Voltaire O. V. The phenomenon of Russian state ideology as the spiritual and political basis of the state integrity of Russia: history and modernity: a political aspect: abstract of the dissertation ... Doctor of Political Sciences: 23.00.01. Rostov-on-Don, 2010. 54 p. [in Russ.].

6. Maxim, the Reverend Confessor. Three kinds of justice, or justice and judgment. Available at: <http://www.isihast.ru/index.php?id=384&iid=438> (date of access: 14.02.2025) [in Russ.].

7. Miroshnik S. V. Law and justice: eternal dispute. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2021. No. 3. P. 30-35 [in Russ.].

8. Nersesyants V. S. Philosophy of law: textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty “Jurisprudence”. Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Academic Law University. 2nd ed., revised and additional. Moscow: Norm : INFRA-M, 2013. 835 p. [in Russ.].

9. Ovchinnikov A. I. Legislation and spiritual and moral security of the Russian Federation: mechanisms of preservation, protection and constitutionalization. *Issues of State and law*. 2024. No. 1(4). P. 15-20 [in Russ.].

10. Patriarch Kirill of Moscow and All Russia. Culture and Society: the Church’s View. *Church and Time*. 2012. No. 1(58). Available at: <https://church-and-time.ru/1113> (date of access: 21.01.2025) [in Russ.].

11. Sorokin V. V. Law and Orthodoxy. Barnaul: Publishing House of Altai University, 2007. 548 p. [in Russ.].

12. Starovoitova O. E., Ilchenko K. V. Some aspects of the theory and practice of euthanasia in relation to minors (on the example of Holland and the USA). *Leningrad Law Journal*. 2015. No. 4 (42). P. 56-61 [in Russ.].

13. Khalikov A. N. The Russian Orthodox Church and its philosophical influence on law. *Philosophy of Law*. 2015. No. 6 (73). P. 120-126 [in Russ.].

Поступила в редакцию 24.02.2025

Received February 24, 2025

Овчинников Алексей Игоревич,
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и истории
государства и права, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный
федеральный университет», проректор
по научной работе Донской духовной
семинарии, иерей, 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Alexey I.,
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University;
Vice-rector for Scientific Work
of the Don Theological Seminary, Priest,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: k_fp3@mail.ru

Дюжиков Сергей Александрович,
доктор философских наук, доцент,
кандидат юридических наук,
профессор кафедры конституционализма,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: duzhikov@sfnu.ru

Dyuzhikov, Sergey A.,
Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor,
PhD in Law, Professor
of the Department of Constitutionalism,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: duzhikov@sfnu.ru

Казачанская Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88, email: elk.13@yandex.ru

Kazachanskaya, Elena A.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: elk.13@yandex.ru

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ДУХОВНО-ПРАВСТВЕННЫЕ ВЫЗОВЫ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: КОНСЕРВАТИВНЫЙ ВЗГЛЯД НА ВОЗМОЖНОСТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЦЕННОСТНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

LEGAL CONSCIOUSNESS AND SPIRITUAL AND MORAL CHALLENGES OF MODERN SOCIETY: A CONSERVATIVE VIEW ON THE POSSIBILITIES OF OVERCOMING VALUE RELATIVISM

АННОТАЦИЯ. Авторы рассматривают правосознание современного человека с точки зрения нравственных ценностей и идеалов общества Пост-модерна, которое отличается особым, порой даже подчеркнутым равнодушием к вечным идеалам и истинам. В статье показывается, что ценностный релятивизм

ABSTRACT. The authors consider the legal consciousness of modern man from the point of view of the moral values and ideals of postmodern society, which is characterized by a special, sometimes even emphasized indifference to eternal ideals and truths. The article shows that value relativism negatively affects the legally significant behavior of a person

отрицательно сказывается и на юридически значимом поведении личности, которая не имеет правильной системы координат при принятии решений, вступая в правоотношения без каких-либо представлений о важнейших моральных принципах. Однако авторы приходят к выводу о существовании выхода из «тупика современности»: постмодернистский релятивизм может оказаться «точкой роста» интереса к традиционным духовно-нравственным ценностям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нравственные ценности, нравственный закон, политико-правовые идеи, эпоха Модерна, постмодернизм, традиционное общество, правовая культура, правосознание, правопонимание, право и мораль

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Овчинников, А. И. Правосознание и духовно-нравственные вызовы современного общества: консервативный взгляд на возможности преодоления ценностного релятивизма / А. И. Овчинников, С. А. Дюжиков, Е. А. Казачанская. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 25–31. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-4

Природа нравственных норм и ценностей до сих пор является загадкой для ученых, пытающихся с помощью рационализма ответить на вечные вопросы о «совести», «долге», «справедливости» и прочих нравственных понятиях. Здесь нельзя не вспомнить И. Канта с его нравственным доказательством бытия Бога, которое строится на представлении о наличии всеобщего, абсолютного и вечного нравственного закона: «Две вещи наполняют душу всегда новым и более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо надо мной и моральный закон во мне». Кант восторгался и удивлялся наряду с бесконечностью Вселенной наличием морального закона, нравственного долга личности, который преодолевает закон причинности и следование которому определяется свободной волей человека. В самом деле, именно совесть или внутренний нравственный закон являются прямым доказательством бытия Бога и наличия в человеке бессмертной души. Очевидно, что нравственное чувство есть у большинства людей. Попытки с помощью естествознания объяснить нравственные поступки человека обречены на неудачу. Или просто порождают массу противоречий. К примеру, австралий-

who does not have a correct coordinate system when making decisions, entering into legal relations without any ideas about the most important moral principles. However, the authors conclude that there is a way out of the “impasse of modernity”: postmodern relativism may turn out to be a “growth point” of interest in traditional spiritual and moral values.

KEYWORDS: moral values, moral law, political and legal ideas, the modern era, postmodernism, traditional society, legal culture, legal awareness, legal understanding, law and morality

FOR CITATION:

Ovchinnikov, A. I., Dyuzhikov, S. A., Kazachanskaya, E. A. (2025) Legal Consciousness and Spiritual and Moral Challenges of Modern Society: a Conservative View on the Possibilities of Overcoming Value Relativism. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(1): 25-31 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-4

ский философ и профессор биоэтики Питер Сингер, автор эссе «Освобождение животных», стал еще в молодости вегетарианцем в силу моральных убеждений [10]. Произошло это после того, как он узнал о жестокости, творящейся на фабричных фермах, и о тех страданиях, которые испытывают животные. Тем не менее этот же ученый вполне серьезно предлагает признать право родителей прерывать жизнь новорожденных с серьезными врожденными заболеваниями.

Однако не менее сложным является и вопрос о правовом естественном законе, который также известен каждому. Например, даже ребенок интуитивно осознает простейшие правоотношения, в которые вынужден вступать, общаясь с другими детьми. Наиболее типичным примером является договор мены в детской песочнице, где происходит первичное знакомство с схемой «прав и обязанностей». Таким образом, можно с уверенностью утверждать, каждый человек обладает врожденным правосознанием, основу которого составляет естественной закон, имеющий единую моральную и юридическую сущность.

Человечество издревле осознает, что от нравственных вопросов зависит выбор модели общественного развития. Общество эгоистов

или рационально мыслящих индивидуалистов, в котором нравственность является разделом логики и рассудочного выбора между полезным и вредным, может развиваться и сохранять устойчивость ровно до той поры, пока не возникнут кризисные процессы и события, ставящие человека в ситуацию выбора между своим личным интересом и пользой ближнего. В такой ситуации не до рациональности, решения диктуют нравственные и правовые чувства.

Как проявляется существование нравственного закона в человеке? Вряд ли найдется хоть один человек в здравом уме и со здоровой психикой, который выбрал бы общество хищников вместо общества собратьев. Либо это жизнь хищника в диких джунглях, либо жизнь в любви, гармонии, радости и спокойствии. Однако такая жизнь предполагает не столько получение и потребление благ от других людей, сколько отдачу и жертву. Общество, в котором все способны к жертвенному служению ближнему, будет процветать, каждый прекрасно это понимает. Между тем, это общество остается мечтой идеалистов, все еще верящих, что человек способен к построению такого рая земного без вмешательства Бога.

Именно интуиция правды и правильности поведения лежит в основе моральных и правовых переживаний и рассуждений. Правосознание является одной сфер индивидуального сознания человека и базой его правового мышления. Его происхождение до сих пор вызывает споры, так как в каждой философской концепции свое объяснение природы человека, своя антропология. Очевидно для всех то, что интуиция справедливости или правоты неразрывно связана с понятием «совесть». Совесть является в некотором смысле начертанным в сердце человека естественным законом, по которому каждый призван судить себя и ограничивать свой эгоизм. Благодаря этому закону человек должен понимать: «Как же различать нравственно доброе от нравственно дурного? Различие это совершается по данному нам, людям, от Бога особому нравственному закону. И этот нравственный закон, этот голос Божий в душе человека мы чувствуем в глубине нашего сознания, и называется он совестью. Эта совесть и есть основа общечеловеческой нравственности» [6, с. 3].

Таким образом, и нравственный и правовой закон произрастают из единого начала человеческого сознания. Можно сказать, что обе грани этого закона присущи каждой человеческой душе и известны от рождения. Об этом свидетельствует и Библия, где апостол Павел, объясняя как будут судимы на Страшном суде язычники, не ведающие Закона Моисея, говорит следующее: «Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают, то, не имея закона, они сами себе закон: они показывают, что дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую» (Рим. 2:15). Отсюда можно сделать вывод о единстве нравственного и правового сознания, укорененных в Божием законе, «прописанном в сердцах».

К сожалению, в большинстве своем человечество не только не пытается жить по божественному нравственному закону, но и по естественному, «написанному в сердцах», а значит, и известному каждому. Почему так происходит? На этот вопрос дает ответ вновь Библия: человек не может совладать с собой, с голосом совести, с естественным нравственно-правовым чувством в силу преувеличенной любви к себе, в силу эгоизма, господствующего над личностью. Эту склонность к эгоизму человек наследует после грехопадения предков – прародителей человечества Адама и Евы. Апостол Павел говорит об этом так: «Я не понимаю, что делаю, потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю, но живущий во мне грех. Ибо знаю, что не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе, потому что желание добра есть во мне, но, чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю... Итак, я нахожу закон, что, когда хочу делать доброе, прилежит мне злое. Ибо по внутреннему человеку нахожу удовольствие в законе Божию, но в членах моих вижу иной закон, противоборствующий закону ума моего и делающий меня пленником закона греховного, находящегося в членах моих. Бедный я человек! Кто избавит меня от этого тела смерти?» (1 Рим. 7:15). Любый человек, наблюдающий за собой и своим поведением, не может не согласиться с апосто-

лом Павлом, ибо сколько раз каждому человеку приходилось испытывать стыд, например, за горячность и излишнюю эмоциональность, гневливость, которым, как правило, нет никакого оправдания. Однако чаще всего раскаяние приходит и за более серьезные поступки, как, например, у Раскольникова в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского.

Современное состояние общества, к сожалению, все менее способствует тому, чтобы не естественный закон определял поведение человека, а его желания и интересы. Культ человеческого эгоизма, культ потребления и удовольствия привел к тому, что очевидные и естественные нравственные нормы подвергаются сомнению: например, супружеская измена объявляется не предательством и падением, а нормой жизни. В самом деле, зачем соблюдать верность супружескую, если у супругов изменились отношения, они надоели друг другу или просто появился более выгодный вариант. Формула «главное, чтобы мне было хорошо» становится на место совести и естественного нравственного закона. Удовлетворение личных интересов постепенно превращается в смысл жизни миллионов людей.

Проникая во все сферы общественной жизни, становясь постепенно главной ценностью человеческих отношений, эгоизм или себялюбие медленно «подминает» под себя общественные институты. Нравственным становится то, что ранее считалось безнравственным. Супружеская измена объявляется «поиском новых впечатлений», а блудные связи – «свободными отношениями». О губительности пути современного общества, подверженного культивации сексуальности и гедонизма, писал видный американский социолог русского происхождения Питирим Сорокин: «Цивилизованные общества, имеющие строжайшие ограничения сексуальной свободы, создали самую высокоразвитую культуру. Во всей истории человечества нет ни единого примера того, как общество поднялось до уровня рационалистической культуры без того, чтобы женщины рождались и воспитывались в строго определенных правилах верности одному мужчине. Далее, нет примера такого сообщества, которое сохранило бы свое положение на высокой ступени развития культуры после того, как менее строгие сексуальные обычаи пришли на

смену более ограничительным». Вот результаты сексуальной революции, по П. Сорокину: рост числа разводов, распадов семьи; упадок родительской любви, увеличение числа бездетных семей; возрастающая распущенность, беспорядочные половые связи, растущая тяга к сексу; сексуализация культуры – литературы и живописи, музыки, театра, кино, телевидения и радио, массовой печати, коммерческой рекламы, ввиду чего растут психические расстройства, добрачные связи, ослабляется творческое начало в человеке, одержимом сексом, распадаются семьи, страдают дети, растет число социальных конфликтов, распространяется социальная анархия, ослабляется стимул здоровой жизни общества [5, с. 10]. «Новый нарциссизм» – мировоззрение, в рамках которого формируется человек современной эпохи.

Эгоизм и своеволие, гордость и высокомерие разрушают и институты государства, ведут к росту преступности. Вспомним роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание», где, согласно взглядам главного героя Родиона Раскольникова, люди делятся на «тварей дрожащих» и «право имеющих». Себя он относил к последним, что и привело к попытке Раскольникова доказать самому себе, что он имеет право делать все, что захочет. Так он и убивает старуху-процентщицу.

Эпоха Модерна, главным признаком которой стоит признать секуляризм или вытеснение Церкви на обочину государственной и общественной жизни, что выразилось в идеях светского правового государства, запрета религиозных обрядов и символов в государственных учреждениях, лишении Церкви права быть нравственным ориентиром в мире, ознаменовалась постепенным пересмотром традиционных ценностей, таких как вера, отечество, семья и мн. др. Пересмотр традиционных ценностей начался еще в эпоху Ренессанса. Так, в трактате «Государь» Никколо Макиавелли, который считается одним из самых известных примеров морального нигилизма, утверждается полная свобода в выборе средств сохранения власти со стороны правителя, какими бы аморальными эти средства не были.

Взамен ценностей традиционного общества были подняты на знамена идеалы «Свободы, Прогресса, Равенства». Научные открытия XVII–XIX вв. способствовали появлению но-

вой веры в возможности построения справедливого и гармоничного общества на началах научного знания, а человек стал пониматься не как творение Божие, поврежденное первородным грехом, исправить которое может только Бог, а как продукт общественной жизни: его нравственное состояние определяется, якобы, влиянием общества. То есть человек появляется на этот свет *tabula rasa* (чистая доска), от природы являясь добрым (Д. Дидро). В такой антропологии нет места идее врожденного нравственно-правового чувства.

Центральным этапом Модерна стала эпоха Просвещения с идеей построения светского правового государства и гражданского общества на принципах «Разума, Свободы и Равенства». Господствующим идеологическим течением стал либерализм с его доминирующей установкой на свободу делать то, что прямо не запрещено законодательством. В области морали и нравственности либерализм предоставил полную свободу самоопределения и автономии личности. То есть каждый сам решает за себя, что признавать моральным и нравственным, а что нет, не обращая внимания на врожденную совесть.

Постепенно стали проявляться плоды такого свободного самоопределения в области нравственности: произошло катастрофическое изменение нравственных норм. То, что считалось ранее недопустимым, стало рассматриваться как вполне приемлемое. Например, семейные ценности, такие как верность, многодетность, уважение к старшим, стали подвергаться насмешкам. В литературе этот кризис нравственного аспекта Модерна затрагивался неоднократно. В романе «Заводной апельсин» Энтони Бёрджесса старик, избитый подростками-гопниками из бара, кричит, что «пусть уж лучше его убьют, поскольку он не хочет жить в мире, где молодые не уважают стариков, где возможно посылать корабли в космос, но трудно уважать Закон». Оказалось, что варварство не только само по себе не исчезает благодаря просвещению и образованию, но даже усиливается под воздействием целого ряда факторов индустриального общества. Преступность, нравственный нигилизм, бесчеловечность стали спутниками современного общества. Трудно не согласиться с оценкой литературного критика одноименного фильма режиссера Стэнли

Кубрика: «Очевидно, фильм утверждает, что человечность исчезла в мире, мораль разрушена, людей ничто не интересует, кроме секса и насилия. И нет никакого выхода, никакой возможности исправить содеянное! “Заводной” человек Кубрика, каким бы ни был завод, – уже не человек» [4].

Модерн в XX веке под влиянием критики идеалов либерализма, разочарования в возможности реализовать цели Просвещения постепенно трансформировался в Постмодерн, что охарактеризовалось изменением нравственных и правовых ценностных установок. Впервые термин «постмодернизм» используется в книге немецкого писателя и философа Рудольфа Панвица «Кризис европейской культуры» (1917) [8]. Причем автор его использует как отрицание нигилизма Модерна. По мнению Умберто Эко, «постмодернизм – это ответ модернизму: раз уж прошлое невозможно уничтожить, ибо его уничтожение ведет к немоте, его нужно переосмыслить: иронично, без наивности» [7].

Прежде всего, постмодернизм провозглашает релятивизм и плюрализм нравственных ценностей, означающий, что «все относительно», что не существует абсолютных критериев добра и зла. Следовательно, не может существовать никаких обязательных для всех нравственно-правовых норм и идеалов. На место традиционных нравственных и правовых идеалов приходит относительная мораль, которая провозглашает в качестве морального то, что находится «в тренде». Как правило, тренды формируются СМИ и их собственниками, которые используют медиакоммуникации для своих целей. В качестве примера манипулирования сознанием с помощью СМИ можно привести движение BLM, гипертрофирующее моральную ответственность белого населения перед «черными», или продвижение ЛГБТ¹.

В связи с тем, что проект Модерна предусматривал разрушение традиционного общества с его коллективизмом и солидаризмом, а индустриальная культура и постиндустриальный мир вообще не нацелены на какое-либо социальное взаимодействие в рамках общин, последнее столетие происходит процесс ато-

¹ Деятельность «международного общественного движения ЛГБТ» признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

мизации общества или разрушение родовых, семейных, этнических, конфессиональных и многих других связей в обществе, социальное разобщение, социальная изоляция индивидов друг от друга в масштабах целого общества. В результате гипертрофии индивидуальности происходит разрушение всех возможных форм коллективной идентичности. Это до такой степени оказывает влияние на появление культа эгоизма, фрагментацию общества и размывание общих нравственных оснований, что возникает вопрос о возможности сохранения социальной солидарности и поддержания общественного порядка. Данное обстоятельство приводит не только к одиночеству, но и к уничтожению общества. Не случайно, как подмечают культурологи, Егор Прокудин из фильма «Калина красная» Василия Шукшина и Афоня из одноименного фильма «Афоня» мечтают вернуться в свое традиционное общество, на свою малую родину, в родовое село, где все друг другу «братья и сестры». Они хотят сбежать из атомизированной городской среды в деревенскую, в родовое, общинное прошлое, которого уже нет [3].

Дело в том, что человек – «существо коллективное». Радикальный индивидуализм, сопровождающийся эгоизмом или себялюбием, активно расцветающим под лозунгом «я никому ничего не должен», приводит к психиатрическим заболеваниям и отклонениям. Причем к массовым отклонениям или отклонениям масс, как ни парадоксально. Миллионы людей, заикленные на своей индивидуальности и непохожести на других, становятся одержимыми идеей провозглашения своей сексуальной и иной идентичности, как будто эта тема интересна другим. Их неспособность понимать общие интересы, интересы других людей приводит к насильственным способам изменения окружающего мира, заикленности на том, чтобы любыми способами, от статей в СМИ до гей-парадов, постоянно доводить до окружающих важность собственной персональной идентичности.

Ученые фиксируют такие разрушительные для социума тенденции, которые могут завершиться появлением «войны всех против всех». К примеру, американский социолог Мюррей Букчин видит возможное решение проблем в самоорганизованном «восстановлении обще-

ства», возникающем на почве уже сознательно-го поиска коллективных решений [1]. Он считает, что только осознание общей проблемы может побудить людей объединиться, чтобы решить, когда они поймут, что индивидуальные усилия не приносят результата. Иными словами, это уже разумное соединение в коллектив. Однако без общих абсолютных ценностей, устанавливаемых только религиозно, подобное объединение видится утопичным.

Цифровизация способствует еще большей атомизации общества. Венгерский исследователь Ласло Ропольи в своей работе «Философия интернета. Дискурс о природе интернета» называет это постмодернизацией социальных обстоятельств [9]. Этот процесс стал результатом распространения интернет-коммуникации. Ученый отмечает, что сетевые технологии появились не без вины ценностей плюрализма и индивидуализма, свойственных постмодернизму. В этом смысле интернет стал апофеозом атомизации: «Фундаментальные идеи постмодернизма встроены в компьютерные сети, и, таким образом, они, наконец, встраиваются в сеть сетей, интернет».

Если в традиционном обществе с помощью мифов, легенд, сказаний, народного эпоса задавались будущим поколениям нравственные идеалы и ценности, то в обществе Постмодерна господствуют отрицание «больших текстов» и кризис авторитета. Постмодернизм отвергает «большие нарративы» и метарассказы, которые исторически традиционно служили источниками нравственных норм, взглядов, оценок и ориентиров. В результате возник кризис моральных авторитетов, на которых можно было бы учить молодежь. Вместо моральных авторитетов абсолютным объявляется принцип моральной толерантности.

Однако есть в постмодернизме и положительное значение. Дело в том, что постмодернизм предельно заостряет вопрос выбора человека: оказалось, что смыслобизненные проблемы не могут быть разрешены ни в одной системе координат, кроме религиозной. Современный человек стоит перед выбором: либо оставив «гордость» венца творения, принимать на веру религиозные истины, либо признать, что никакого смысла в человеческой жизни нет и быть не может. Любые попытки с помощью разума обосновать иные варианты смыслоу-

строения жизни личности и общества «разбиваются» о нигилизм постмодернизма.

Толерантность как нравственная норма в условиях постмодернизма влечет за собой невозможность универсальной этики человечества. Глобальное человечество не может в современных условиях иметь общей цели, так как «толерантность утверждает отказ терпимого человека от распространения на всех людей тех норм, которые он сам искренне считает обязательными для всего человечества», – утверждают современные философы [2, с. 59]. На место морального универсализма Модерна пришло требование универсализма морального плюрализма. Однако человечество по-прежнему нуждается в главных смыслах своего существования: для чего ему будущее? Ответ на этот и иные смысложизненные вопросы из всех религиозных систем наиболее полно и плодотворно дает христианство, отказ от которого в Новое время и эпоху Просвещения является ярким доказательством истинности. Ведь именно христианство сформировало современную цивилизацию, стало стержнем европейской, а затем и мировой культуры. Однако без стержня, вынутого философами-просветителями и материалистами, человечество обречено на деградацию и гибель. Именно осознание данного обстоятельства современным человеком и внушает определенный оптимизм относительно «будущего человечества»: традиционные духовно-нравственные ценности приобретают особую, футурологическую легитимность, так как именно они позволяют выйти из тупика постмодернизма.

Список использованных источников

1. Букчин М. Реконструкция общества: на пути к зеленому будущему. Нижний Новгород: Третий Путь, 1996. 190 с.
2. Ильинская С. Г. Толерантность как принцип политического действия: история, теория, практика. М.: Праксис, 2007. 285 с.
3. Кирпиченко А. Социальная атомизация: почему важно быть вместе // Газета «Культура». 09.09.2022. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/344596-odinochestvo-bolshogo-mira-istoki-sotsialnoy-atomizatsii> (дата обращения: 03.02.2025).

4. Соболев Р. Апокалипсис по Стэнли Кубрику // Искусство кино. 1974. № 9. С. 145–164.
5. Сорокин П. А. Американская сексуальная революция. М.: Проспект, 2006. 151 с.
6. Филарет (Вознесенский), игум. Конспект по нравственному богословию. М., 1990. 45 с.
7. Эко У. Заметки на полях «Имени розы». СПб.: Симпозиум, 2005. 96 с.
8. Pannwitz R. Die Krisis der europäishen Kultur. Nürnberg, 1917.
9. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet. Wagner Z, translator [Internet]. 2013. URL: <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (дата обращения: 03.02.2025).
10. Singer P. Animal Liberation. N. Y.: Ecco, 2012.

References

1. Bookchin M. Reconstruction of society: towards a green future. Nizhny Novgorod: The Third Way, 1996. 190 p. [in Russ.].
2. Ilyinskaya S. G. Tolerance as a principle of political action: history, theory, practice. Moscow: Praxis, 2007. 285 p. [in Russ.].
3. Kirpichenok A. Social atomization: why it is important to be together. Newspaper "Culture". 09.09.2022. URL: <https://portal-kultura.ru/articles/kulturnaya-politika/344596-odinochestvo-bolshogo-mira-istoki-sotsialnoy-atomizatsii> (date of access: 03.02.2025) [in Russ.].
4. Romil Sobolev. The Apocalypse by Stanley Kubrick. *The Art of Cinema*. 1974. No. 9. P. 145-164 [in Russ.].
5. Sorokin P. A. The American Sexual Revolution. Moscow: Prospekt Publ., 2006. 151 p. [in Russ.].
6. Filaret (Voznesensky), abbot. A synopsis on moral theology. Moscow, 1990. 45 p. [in Russ.].
7. Eco U. Notes on the margins of "The Name of the Rose". St. Petersburg: Symposium Publ., 2005. 96 p. [in Russ.].
8. Pannwitz R. Die Krisis der europäishen Kultur. Nürnberg, 1917.
9. Ropolyi L. Philosophy of the Internet. A Discourse on the Nature of the Internet. Wagner Z, translator [Internet]. 2013. <http://elte.prompt.hu/sites/default/files/tananyagok/PhilosophyOfTheInternet/book.pdf> (date of access: 03.02.2025).
10. Singer P. Animal Liberation. N. Y.: Ecco, 2012.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

УДК 34

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-5

Лобанов Сергей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой правового
регулирующего ТЭК,
МГИМО МИД России, 119454, г. Москва,
проспект Вернадского, д. 76,
email: lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

Lobanov, Sergey A.,
Doctor of Law, Associate Professor, Head
of the Department of Legal Regulation of the
Fuel and Energy Complex, MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow,
119454, Russian Federation,
email: lobanov-sa.lobanov@yandex.ru

Назарова Азиза Улугбековна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
правового регулирования ТЭК,
МГИМО МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76,
email: nazarazizaa@gmail.com

Nazarova, Aziza U.,
PhD in Law, Senior Lecturer at the Department
of Legal Regulation of the Fuel and Energy
Complex, MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow,
119454, Russian Federation,
email: nazarazizaa@gmail.com

Найденов Андрей Андреевич,
магистрант,
МГИМО МИД России,
119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76,
email: donmaradon2108@mail.ru

Naydenov Andrey A.,
Master's Student, MGIMO University,
76 Vernadsky Avenue, Moscow,
119454, Russian Federation,
email: donmaradon2108@mail.ru

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ЭНЕРГОПЕРЕХОДА И ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

LEGAL REGULATION OF RUSSIA'S ENERGY SECURITY IN THE CONTEXT OF ENERGY TRANSITION AND RESTRICTIVE MEASURES OF UNFRIENDLY STATES

АННОТАЦИЯ. Энергетическая безопасность Российской Федерации является одной из важнейших составляющих национальной безопасности, обеспечивающей экономическую устойчивость, технологический суверенитет и геополитическую стабильность. В условиях глобального энергоперехода, направленного на снижение углеродной зависимости, и санкционного давления недружественных государств правовое регулирование энергетической безопасности приобретает первостепенное значение. В статье проводится анализ действующих стратегических документов, та-

ABSTRACT. Energy security of the Russian Federation is one of the key components of national security, ensuring economic stability, technological sovereignty, and geopolitical resilience. In the context of the global energy transition aimed at reducing carbon dependency and the sanctions pressure from unfriendly states, the legal regulation of energy security becomes critical. The article analyzes the current strategic documents, such as the Energy Security Doctrine (2019) and the Energy Strategy until 2035, to assess their adequacy to address emerging challenges and threats. It examines the legal aspects of the energy

ких как Доктрина энергетической безопасности (2019 г.) и Энергетическая стратегия до 2035 года, на предмет их соответствия новым вызовам и угрозам. Рассмотрены правовые аспекты энергоперехода и ограничительных мер, их влияние на внутренние и внешние позиции России в энергетической сфере. Научная новизна исследования заключается в разработке концепции Национальной системы правового обеспечения энергетического суверенитета. Практическая значимость работы состоит в применении разработанных предложений для совершенствования нормативной базы, обеспечения технологической независимости и укрепления конкурентоспособности России на мировых энергетических рынках. Полученные результаты могут быть использованы при формировании долгосрочной Энергетической стратегии до 2050 года.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: энергетическая безопасность, энергопереход, правовое обеспечение, энергетический суверенитет, ограничительные меры, энергетическая стратегия

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Лобанов, С. А. Правовое обеспечение энергетической безопасности России в условиях энергоперехода и ограничительных мер недружественных государств / С. А. Лобанов, А. У. Назарова, А. А. Найденев. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 32–39. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-5

Введение. Энергетическая безопасность является одной из ключевых составляющих национальной безопасности Российской Федерации. Она обеспечивает устойчивое развитие экономики, защиту технологического суверенитета и сохранение геополитических позиций страны. В современных условиях глобальных вызовов правовое регулирование энергетической безопасности приобретает первостепенное значение.

Постановка задачи. Проблема заключается в том, что существующие нормативные акты, такие как Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия до 2035 года, недостаточно учитывают новые угрозы, вызванные трансформацией мировой энергетической системы и ограничительным влиянием международной политики. Эти вызовы требуют разработки инновационных правовых механизмов для укрепления национальной энергетической безопасности.

Предмет исследования. Предметом исследования являются правовые основы энергети-

transition and restrictive measures, as well as their impact on Russia's internal and external energy positions. The scientific novelty of the study lies in the development of the concept of the National Legal Framework for Energy Sovereignty. The practical significance of the work is the application of the proposed recommendations to improve the regulatory framework, ensure technological independence, and strengthen Russia's competitiveness in global energy markets. The results can be used in the development of a long-term Energy Strategy until 2050.

KEYWORDS: energy security, energy transition, legal regulation, sanctions, energy sovereignty, energy strategy

FOR CITATION:

Lobanov, S. A., Nazarova, A. U., Naydenov, A. A. (2025) Legal Regulation of Russia's Energy Security in the Context of Energy Transition and Restrictive Measures of Unfriendly States. Bulletin of the Law Faculty, SFEDU. 12(1): 32-39 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-5

ческой безопасности Российской Федерации в контексте энергоперехода и односторонних ограничительных мер.

Гипотеза. Гипотеза исследования заключается в том, что совершенствование правового регулирования энергетической безопасности через разработку долгосрочных стратегий, таких как Энергетическая стратегия до 2050 года, и внедрение национальных механизмов защиты технологического суверенитета позволят минимизировать внешние риски и укрепить позиции России на международных энергетических рынках.

Методология исследования. В работе используется комплексный подход, включающий сравнительно-правовой анализ, метод системного анализа, а также нормативно-правовое и концептуальное исследование. Особое внимание уделено изучению международных документов, регулирующих энергопереход, и отечественных стратегических документов, таких как Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия до 2035 года.

Понятие энергетической безопасности России и ее правовые основы

Энергетическая безопасность (ЭБ) представляет собой одну из важнейших категорий национальной безопасности, определяющую устойчивое развитие государства, его экономическую стабильность, а также международное влияние. В условиях глобальных трансформаций, включая энергопереход, введение ограничительных мер недружественными государствами и рост экологических требований, правовое регулирование ЭБ приобретает первостепенное значение.

Фундаментальным документом, определяющим стратегические ориентиры в области энергетической безопасности, является *Доктрина энергетической безопасности Российской Федерации*, утвержденная Указом Президента РФ от 13 мая 2019 года № 216 [10, с. 1]. Этот политико-правовой акт фиксирует ключевые вызовы, угрозы и риски, стоящие перед топливно-энергетическим комплексом (ТЭК) страны, и определяет направления их правового преодоления.

Согласно Доктрине, энергетическая безопасность трактуется как «состояние защищенности экономики и населения страны от угроз национальной безопасности в сфере энергетики, при котором обеспечивается выполнение предусмотренных законодательством Российской Федерации требований к топливно- и энергоснабжению потребителей, а также выполнение экспортных контрактов и международных обязательств Российской Федерации». Данное определение подчеркивает многоаспектный характер ЭБ, включая внутренние и внешние элементы: обеспечение стабильности энергоснабжения внутри страны и выполнение международных обязательств.

Эта концепция тесно взаимосвязана с *Энергетической стратегией Российской Федерации на период до 2035 года*, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 9 июня 2020 года № 1523-р [11, с. 1]. Стратегия конкретизирует механизмы достижения целей, сформулированных в Доктрине, включая: 1) развитие возобновляемых источников энергии; 2) повышение энергоэффективности; 3) обеспечение технологической независимости; 4) укрепление позиций на мировых энергетических рынках.

Доктрина и Стратегия формируют базу правового регулирования энергетической безопасности: первая задает концептуальные направления, вторая – механизмы их реализации. В условиях глобальных изменений, таких как декарбонизация и цифровизация, возникла необходимость разработки «Энергетической стратегии Российской Федерации до 2050 года». Ее задачи включают диверсификацию поставок энергоресурсов, развитие инфраструктуры и снижение технологической зависимости через внедрение инноваций и поддержку ответственного производства.

Определение ЭБ, данное в Доктрине, акцентирует внимание на двух аспектах: защищенности экономики и населения от угроз, а также выполнении международных обязательств. Оно выделяет три ключевых элемента:

1. *Защита внутреннего рынка энергоресурсов*: предотвращение дефицита, обеспечение надежности и качества энергоснабжения.

2. *Соблюдение законодательства РФ*: выполнение требований, регулирующих энергоснабжение.

3. *Международные обязательства*: обеспечение стабильности экспортных контрактов и участие в глобальных энергетических процессах.

Юридическая наука характеризуется разнообразием подходов к трактовке энергетической безопасности, что обусловлено ее многогранным характером и значимостью для устойчивого развития государства. Ученые выделяют различные аспекты, акцентируя внимание на правовых, экономических, экологических и социальных составляющих.

Н. Г. Жаворонкова определяет ЭБ как обеспечение спроса, предотвращение дефицита энергоресурсов и повышение конкурентоспособности ТЭК, акцентируя важность интеграции национальных и международных стандартов для снижения рисков [5, с. 71].

В. В. Романова вводит понятие «энергетического правопорядка» как системы норм, регулирующих добычу, транспортировку и распределение энергоресурсов. Она подчеркивает необходимость правового механизма для баланса интересов рынка, государства и потребителей [8, с. 10].

С. З. Жизнин выделяет три уровня ЭБ: национальный, региональный и глобальный. Он подчеркивает важность устойчивого и экологического

гически безопасного энергоснабжения, акцентируя необходимость международного сотрудничества и снижения экологических рисков [13, с. 44–78].

В. В. Бушуев, Н. И. Воропай, А. М. Мастепанов, Ю. К. Шафраник выделяют инновационный подход к ЭБ, включающий технологическую независимость и устойчивое развитие. Подчеркивается, что без внедрения новых технологий и модернизации энергетического сектора невозможно обеспечить долгосрочную энергетическую безопасность [3, с. 47].

С. Ю. Чапчиков считает, что национальные интересы являются ключевым фактором внешней энергетической политики. По его мнению, их защита и продвижение определяют международные взаимодействия и стратегию внешнеэкономической деятельности государства [12, с. 348–385].

Исходя из анализа научных подходов, предлагаем расширить понятие энергетической безопасности, рассматривая ее через призму национальных интересов в энергетике. Энергетическая безопасность должна рассматриваться как система, объединяющая правовые, экономические, социальные и экологические механизмы, направленные на защиту и продвижение национальных интересов как внутри страны, так и на международной арене.

Мы поддерживаем мнение С. Ю. Чапчикова о значении национальных интересов в формировании внешней энергетической политики, а также точку зрения С. З. Жизнина о важности международного сотрудничества. Национальные интересы в энергетике следует уточнить через ключевые параметры: стабильность энергоснабжения, технологическую независимость, устойчивость инфраструктуры и конкурентоспособность России на мировых энергетических рынках.

Энергопереход как международно-правовой фактор, оказывающий влияние на энергетическую безопасность России

Энергопереход – это переход на низкоуглеродные и возобновляемые источники энергии для решения экологических и экономических задач, таких как изменение климата и внедрение инноваций. Парижское соглашение 2015 года стало основой этих изменений, закрепив обязательства стран по снижению выбросов и устойчивому энергопотреблению.

Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия до 2035 года признают энергопереход ключевым вызовом, требующим трансформации топливно-энергетического комплекса для сохранения конкурентоспособности России.

Доктрина энергетической безопасности рассматривает энергопереход как вызов, связанный с рисками снижения спроса на углеводороды, внедрением ВИЭ и ужесточением углеродного регулирования. В документе подчеркивается необходимость развития отечественных низкоуглеродных технологий для защиты национальных интересов [10, с. 3].

Доктрина акцентирует внимание на защите экспортных интересов России, выделяя угрозы снижения конкурентоспособности энергоносителей из-за роста доли ВИЭ и возможного введения углеродных налогов. Это подчеркивает необходимость адаптации и активной защиты энергетических позиций страны [10, с. 3, 7].

Энергетическая стратегия Российской Федерации до 2035 года детализирует механизмы реализации положений Доктрины. Стратегия подчеркивает важность перехода к устойчивой модели развития энергетического сектора, включая: *декарбонизацию экономики; развитие водородной энергетики; повышение энергоэффективности, цифровизацию ТЭК* [11, с. 4–6, 26–34].

Энергопереход как международно-правовой фактор оказывает значительное влияние на энергетическую безопасность России. Среди положительных аспектов можно выделить *стимулирование устойчивого развития*, через увеличение доли возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности и создание новых моделей энергопотребления [1, с. 55].

Внутри России энергопереход *стимулирует внедрение передовых технологий*, таких как водородная энергетика и технологии улавливания углерода, которые рассматриваются в Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года. Эти меры направлены на *диверсификацию экономики и сохранение конкурентоспособности страны* в условиях трансформации глобального энергетического рынка [2, с. 270–275].

Тем не менее энергопереход сопровождается рисками, главным из которых является

снижение спроса на углеводороды – ключевой источник доходов России. Доктрина 2019 года связывает это с углеродными налогами и ростом использования ВИЭ в странах-партнерах. Ситуацию осложняют санкции, ограничивающие доступ к технологиям и финансированию низкоуглеродных проектов [2, с. 79–83].

Таким образом, энергопереход, будучи важным международно-правовым фактором, представляет собой одновременно вызов и возможность для России. Эффективное использование возможностей энергоперехода требует адаптации национальной правовой базы и стратегий, что позволит минимизировать негативные последствия и извлечь выгоду из глобальных изменений.

Правовая природа ограничительных мер недружественных государств и их влияние на энергетическую безопасность России

В условиях современной геополитики ограничительные меры недружественных государств системно затрагивают энергетическую безопасность России. Санкции включают прямые запреты на сотрудничество в энергетике и косвенные ограничения, сдерживающие технологическое развитие и экспансию ТЭК. Эти меры с юридической точки зрения имеют двойственный характер: регулируются как национальным законодательством санкционирующих государств или объединений, таких как ЕС, так и международными принципами, включая запрет на применение силы и обеспечение безопасности [6, с. 54–55].

Система ограничительных мер, используемая недружественными государствами, охватывает несколько ключевых направлений, каждое из которых направлено на подрыв экономического потенциала России через воздействие на стратегически важные отрасли:

1. *Экспортные ограничения.* Данные меры закрывают поставки технологий, оборудования и услуг, необходимых для разведки и добычи углеводородов на сложных участках, включая шельфовые зоны, глубоководные месторождения и проекты в Арктике. Это усложняет реализацию крупных энергетических проектов, таких как производство СПГ, зависящее от импорта высокотехнологичного оборудования [7, с. 4734].

2. *Финансовые ограничения* ограничивают доступ российских компаний к западным фи-

нансовым рынкам, препятствуя привлечению капитала для долгосрочных энергетических проектов. Они включают запреты на кредитование, выпуск облигаций и инвестиционные услуги. Также заблокированы золотовалютные резервы Банка России, что усложняет стабилизацию национальной валюты и выполнение внешнеэкономических обязательств [4, с. 116–117].

3. *Торговые ограничения.* Санкции на экспорт и импорт энергоресурсов, включая нефть, газ и уголь, дестабилизируют логистику и перераспределяют потоки поставок. Эмбарго на экспорт нефти в ЕС через трубопроводы и морскую инфраструктуру вынуждает Россию переориентироваться на азиатские рынки, что увеличивает транспортные расходы и создает новые риски [6, с. 61].

4. *Инвестиционные ограничения.* Запрет на прямые иностранные инвестиции в энергетический сектор России замедляет технологическую модернизацию и освоение новых месторождений. Ограничение участия западных компаний в разработке сложных месторождений лишает российские компании доступа к передовым технологиям и опыту [6, с. 61].

5. *Ограничения на транспорт и логистику.* Запрет на заход российских судов в порты ЕС, ограничения автоперевозок и отказ от страхования судов с российскими энергоресурсами увеличивают издержки экспорта. Проблему усугубляют нехватка танкерного флота и ограниченные возможности портовой инфраструктуры [7, с. 4735].

Применение ограничительных мер существенно подрывает энергетическую безопасность России. Во-первых, ограничение доступа к технологиям и финансированию замедляет развитие нефтегазовой отрасли, особенно при освоении сложных месторождений. Недосток современных технологий препятствует добыче трудноизвлекаемых запасов, таких как сланцевая нефть, что снижает объемы добычи газа и нефти и уменьшает финансовые поступления в бюджет [4, с. 118].

Во-вторых, сбои в логистических цепочках поставок энергии усложняют ситуацию как на внутреннем рынке, так и в экспорте. Переориентация на азиатские рынки требует значительных инвестиций в инфраструктуру, таких как новые газопроводы и расширение портов.

Однако реализация этих мер занимает время и требует значительных финансовых ресурсов, что ограничивает их доступность в краткосрочной перспективе [7, с. 4736].

В-третьих, ограничительные меры стимулируют развитие политики импортозамещения в энергетике, включая создание отечественных технологий и оборудования. Однако процесс требует значительных ресурсов и времени, а неполная замена критически важных компонентов, таких как газовые турбины и системы сжижения газа, сохраняет уязвимость отрасли [6, с. 63].

В-четвертых, санкции создают высокую волатильность на глобальных энергетических рынках, что приводит к нестабильности цен на нефть и газ. Это, в свою очередь, отражается на инвестиционной привлекательности российского энергетического сектора, что снижает его устойчивость перед внешними вызовами [7, с. 4737].

Пути совершенствования правового обеспечения энергетической безопасности России

Современные вызовы, связанные с глобальным энергопереходом и санкционным давлением, актуализируют необходимость пересмотра и адаптации нормативного регулирования энергетической безопасности России. Для достижения этих целей требуется интеграция эффективных правовых механизмов, обеспечивающих устойчивое развитие энергетического сектора, защиту национальных интересов и укрепление технологической независимости.

Пересмотр нормативного регулирования в сфере декарбонизации и энергоперехода. Для адаптации к изменениям в глобальной энергетической политике необходимо пересмотреть нормативное регулирование в сфере декарбонизации и энергоперехода. Это включает развитие низкоуглеродных технологий, интеграцию в международные инициативы и создание стимулов для развития водородной энергетики.

Усиление правовой базы для импортозамещения и технологической независимости. Необходимо усилить правовую базу, направленную на развитие отечественных технологий и снижение зависимости от импорта, включая законодательное оформление программы локализации критических технологий с мерами поддержки. Также важно создать реестр стратегически значимых технологий и ужесточить

контроль за их экспортом, введя строгую ответственность за нарушения.

Обновление стратегических документов. Энергетическая стратегия до 2035 года нуждается в доработке с учетом ускорения декарбонизации и санкционных ограничений. Новая стратегия до 2050 года должна предусматривать адаптацию к энергопереходу через развитие цифровизации и модернизацию инфраструктуры. Также требуется пересмотреть Доктрину энергетической безопасности, дополнив ее мерами по нейтрализации санкционного давления и учетом полученного опыта.

Создание институциональных гарантий энергетической безопасности. Ключевым направлением реформ должно стать создание *Национальной системы правового обеспечения энергетического суверенитета (НСПОЭС)*, которая объединит правовые, экономические и административные механизмы защиты критически важных технологий и инфраструктуры. НСПОЭС должна предусматривать формирование реестра технологий, обязательное резервирование энергоресурсов для внутренних нужд и стандарты использования отечественного оборудования.

Укрепление международного сотрудничества. Эффективное противодействие санкциям возможно только через активизацию сотрудничества с дружественными странами. Заключение долгосрочных соглашений с ключевыми партнерами, такими как Китай и Индия, обеспечит диверсификацию рынков сбыта и стабильность экспортных потоков. Также необходимо использовать платформы ШОС и БРИКС для продвижения международных инициатив в сфере энергетической безопасности и выработки совместных мер реагирования на внешние вызовы.

Заключение

Энергетическая безопасность Российской Федерации в современных условиях требует особого внимания, учитывая глобальные вызовы, связанные с энергопереходом и санкционным давлением недружественных государств.

Во-первых, анализ правовой базы энергетической безопасности выявил ее многогранный характер, включающий экономические, экологические, социальные и международно-правовые аспекты. Несмотря на наличие фундаментальных стратегических документов, таких

как Доктрина энергетической безопасности и Энергетическая стратегия до 2035 года, динамика мировых изменений требует более адаптивного и дальновидного подхода. Предложенная к разработке Энергетическая стратегия до 2050 года должна учитывать новые вызовы, включая технологическую независимость, декарбонизацию и необходимость укрепления позиций России на международных энергетических рынках.

Во-вторых, проведенный анализ показал, что энергопереход, будучи ключевым международно-правовым фактором, несет как возможности, так и угрозы для России. Среди положительных аспектов – стимулы к развитию инновационных технологий, таких как водородная энергетика и улавливание углерода. Однако снижение спроса на углеводороды и усиление углеродного регулирования создают риски, которые требуют активного реагирования.

В-третьих, ограничительные меры недружественных государств оказывают значительное давление на энергетический сектор России, усиливая его уязвимость в вопросах технологического суверенитета и конкурентоспособности на мировых рынках. Предложенные механизмы, такие как создание Национальной системы правового обеспечения энергетического суверенитета, направлены на защиту критически важных технологий, укрепление инфраструктуры и развитие национальной промышленной базы.

Список использованных источников

1. Бердин В. Х., Дыган М. М., Посысаев Ю. Ю., Юлкин Г. М. Вклад России в достижение целей устойчивого развития ООН в области энергетики и климата // Энергетическая политика. 2017. № 4. С. 55–61.
2. Боровский Ю. В. Проблема энергетической безопасности в отношениях России и международного сообщества: сотрудничество и соперничество. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2018. 438 с.
3. Бушуев В. В., Воропай Н. И., Мастепанов А. М., Шафраник Ю. К. Энергетическая безопасность России. Новосибирск: Наука, 1998. 302 с.
4. Дораев М. Г. Экономические санкции в праве США, Европейского союза и России: монография. М.: Infotropic Media, 2016. 216 с. // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/86295> (дата обращения: 27.01.2025).

5. Жаворонкова Н. Г., Шпаковский Ю. Г. Энергетическая безопасность в системе национальной безопасности современной России // Право и безопасность. 2012. № 1. С. 70–75.

6. Панов Ф. Ю. Ограничительные меры ЕС в отношении третьих государств и их резидентов (на примере Российской Федерации) // Международное право. 2022. № 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38850. URL: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=38850 (дата обращения: 27.01.2025).

7. Пыхов П. А. Оценка влияния санкций на энергетическую безопасность России // Креативная экономика. 2022. Т. 16. № 12. С. 4731–4746. URL: <https://creativeconomy.ru/lib/116997?ysclid=lhhdmdigj4832169551> (дата обращения: 27.01.2025).

8. Романова В. В. Проблемные аспекты и задачи правового обеспечения энергетической безопасности // Правовой энергетический форум. 2017. № 3. С. 6–14.

9. Скуратов Ю. И. Энергетическая безопасность России: государственно-правовые проблемы обеспечения // Союз криминалистов и криминологов. 2022. № 2. С. 62–67.

10. Указ Президента РФ от 13.05.2019 № 216 «Об утверждении Доктрины энергетической безопасности Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324378 (дата обращения: 27.01.2025).

11. Распоряжение Правительства РФ от 09.06.2020 № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/feb387ba6cb412e94e5c4fd72de0228c1a68af25 (дата обращения: 27.01.2025).

12. Чапчиков С. Ю. Концептуальные основания национальной безопасности и механизм ее обеспечения: теоретико-правовое исследование: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.01 / Юго-Западный государственный университет. Курск, 2018. 410 с.

13. Zhiznin S. Energy Diplomacy of Russia: Economics, Politics, Practice. М.: IstBruk, 2005. 228 p.

References

1. Berdin V. Kh., Dygan M. M., Posysaev Yu. Yu., Yulkin G. M. Russia's Contribution to Achieving the UN Sustainable Development Goals in the Field of Energy and Climate. *Energy Policy*. 2017. No. 4. P. 55–61 [in Russ.].
2. Borovsky Yu. V. The Problem of Energy Security in Relations between Russia and the International Community: Cooperation and Rivalry. Moscow: Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 2018. 438 p. [in Russ.].
3. Bushuev V. V., Voropai N. I., Mastepanov A. M., Shafrank Yu. K. Energy Security of Russia. Novosibirsk: Nauka Publ., 1998. 302 p. [in Russ.].
4. Doraev M. G. Economic Sanctions in the Law of the United States, the European Union and Russia: Monograph. Moscow: Infotropic Media, 2016. 216 p. // Lan: electronic li-

brary system. Available at: <https://e.lanbook.com/book/86295> (date of access: 27.01.2025) [in Russ.].

5. Zhavoronkova N. G., Shpakovsky Yu. G. Energy security in the national security system of modern Russia. *Law and Security*. 2012. No. 1. P. 70-75 [in Russ.].

6. Panov F. Yu. Restrictive measures of the EU against third countries and their residents (on the example of the Russian Federation). *International Law*. 2022. No. 3. DOI: 10.25136/2644-5514.2022.3.38850. Available at: https://nbpublish.com/Hbrary_read_article.php?id=38850 (date of access: 27.01.2025) [in Russ.].

7. Pykhov P. A. Assessing the Impact of Sanctions on Russia's Energy Security. *Creative Economy*. 2022. Vol. 16. No. 12. P. 4731-4746. Available at: <https://creativeeconomy.ru/lib/116997?ysclid=lhhdmdigj4832169551> (date of access: 27.01.2025) [in Russ.].

8. Romanova V. V. Problematic Aspects and Tasks of Legal Support of Energy Security. *Legal Energy Forum*. 2017. No. 3. P. 6-14 [in Russ.].

9. Skuratov Yu. I. Energy security of Russia: state and legal problems of provision. *Union of criminalists and criminologists*. 2022. No. 2. P. 62-67 [in Russ.].

10. Decree of the President of the Russian Federation of 13.05.2019 No. 216 "On approval of the Doctrine of Energy Security of the Russian Federation". *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_324378 (date of access: 27.01.2025) [in Russ.].

11. Order of the Government of the Russian Federation of 09.06.2020 No. 1523-r "On approval of the Energy Strategy of the Russian Federation for the period up to 2035". *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_354840/feb-387ba6cb412e94e5c4fd72de0228c1a68af25 (date of access: 27.01.2025) [in Russ.].

12. Chapchikov S. Yu. Conceptual foundations of national security and the mechanism for ensuring it: theoretical and legal research: dis. ... Doctor of Law: 12.00.01. South-West State University. Kursk, 2018. 410 p. [in Russ.].

13. Zhiznin S. Energy Diplomacy of Russia: Economics, Politics, Practice. Moscow: IstBruk Publ., 2005. 228 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 28.01.2025

Received January 28, 2025

Толочко Ольга Николаевна,
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры государственного управления,
Белорусский государственный университет,
220030, Республика Беларусь, г. Минск,
проспект Независимости, д. 4,
email: o.tolochko@mail.ru

Tolochko, Olga N.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Public
Administration, Belarusian State University,
4 Nezavisimosti Avenue, Minsk,
220030, Republic of Belarus,
email: o.tolochko@mail.ru

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АТОМНОЙ ЭНЕРГЕТИКИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОГО ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО ПЕРЕХОДА

LEGAL ISSUES OF DEVELOPMENT AND USE OF NUCLEAR ENERGY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальным проблемам совершенствования законодательства по вопросам развития и использования атомной энергетики. Отмечается, что обусловленный глобальным изменением климата энергетический переход стимулирует развитие атомной энергетики во многих странах, в том числе в Республике Беларусь и других государствах ЕАЭС и СНГ. Эти процессы актуализируют принятие новых норм, направленных на совершенствование международного сотрудничества в рамках ЕАЭС и СНГ, а также внесение изменений в законодательство, направленных на детальное урегулирование экономической составляющей развития и использования объектов атомной энергетики, совершенствование процедуры проведения экспертиз и обеспечение функциональной независимости регулирующих органов, а также имплементацию норм международного права о гражданско-правовой ответственности оператора ядерной установки. Принятие этих мер, по мнению автора, будет способствовать имплементации международных обязательств Беларуси, достижению Целей устойчивого развития, экологизации соответствующих экономических отношений, а также окажет позитивное влияние на восприятие обществом атомной энергетики в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: атомная энергетика, правовое регулирование, энергетический переход, законодательство Республики Беларусь, право ЕАЭС

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Толочко, О. Н. Правовые проблемы развития и использования атомной энергетики в контексте мирового энергетического перехода / О. Н. Толочко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 40–46. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-6

ABSTRACT. The article is devoted to current problems of improving legislation on the development and use of nuclear energy. It is noted that the energy transition caused by global climate change stimulates the development of nuclear energy in many countries, including the Republic of Belarus and other states of the EAEU and the CIS. These processes update the adoption of new norms aimed at improving international cooperation within the EAEU and the CIS, as well as introducing changes to legislation aimed at detailed regulation of the economic component of the development and use of nuclear energy facilities, improving the examination procedure and ensuring the functional independence of regulatory bodies, as well as the implementation of international law on civil liability of the operator of a nuclear installation. The adoption of these measures, in the author's opinion, will contribute to the implementation of Belarus' international obligations, the achievement of the Sustainable Development Goals, the greening of relevant economic relations, and will also have a positive impact on society's perception of nuclear energy in general.

KEYWORDS: nuclear energy, legal regulation, energy transition, legislation of the Republic of Belarus, EAEU law

FOR CITATION:

*Tolochko, O. N. (2025) Legal Issues of Development and Use of Nuclear Energy in the Context of the Global Energy Transition. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 40-46 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-6*

Введение. Повышение спроса на электроэнергию и обусловленный глобальным изменением климата энергетический переход стимулируют развитие атомной энергетики во многих странах, в том числе в Республике Беларусь и других государствах ЕАЭС и СНГ. Цель настоящего исследования состоит в анализе мировых тенденций использования атомной энергии, определении их влияния на международное право и национальное законодательство, а также в выработке предложений по их совершенствованию.

Основная часть. Атомная энергетика является относительно дешевым и надежным средством получения большого объема энергоносителей, позволяющих удовлетворять потребности экономики и домохозяйств. При этом производство атомной энергии довольно экологично в сравнении с ГЭС, препятствующими размножению рыбы, или ТЭС, загрязняющими атмосферу парниковыми газами. Хотя, разумеется, атомная энергия по определению не является безусловно чистой, поскольку АЭС работают на радиоактивном топливе. По данным МАГАТЭ, атомные электростанции используются для производства почти 1/3 мировой безуглеродной электроэнергии и имеют важное значение для достижения целей в области борьбы с изменением климата [8]. По прогнозу Международного энергетического агентства (IEA), в 2025 г. атомная энергетика достигнет нового рекорда и может открыть новую эру в развитии безопасных и чистых источников энергии [10].

Развитие атомной энергетики обуславливает принятие по всему миру новых политик, разработку проектов, расширение инвестиций и внедрение новых технологических достижений, таких как, к примеру, малые модульные реакторы (ММР). ММР – атомные электростанции меньшего масштаба, которые строятся быстрее и имеют больший потенциал для снижения затрат, – вызывают все больший интерес, поскольку ведут к снижению затрат на финансирование. Эксперты IEA полагают, что при правильной политике и поддержке ММР могут достичь объема выработки 80 ГВт к 2040 году, что составит 10 % от общей ядерной мощности в мире. Однако успех технологии и сроки ее внедрения будут зависеть от способности отрасли снизить затраты до уровня, аналогич-

ного затратам на крупные гидроэнергетические и морские ветровые проекты [10].

Будучи вторым по величине источником электроэнергии с низким уровнем выбросов в мире после гидроэнергетики, атомная энергетика в настоящее время производит почти 10 % мирового электроснабжения. Растущее использование электроэнергии – от промышленности и кондиционирования воздуха до электромобилей и центров обработки данных на фоне роста искусственного интеллекта, – увеличивает спрос на электроэнергию, который в ближайшие десятилетия будет расти быстрее общего потребления энергии.

Большая часть работающих в настоящее время АЭС находится в странах с развитой экономикой; многие из этих станций были построены десятилетия назад. Однако глобальная карта атомной энергетики меняется. Большинство проектов в настоящее время реализуется в Китае, который к 2030 году должен обогнать и США, и ЕС по установленной ядерной мощности. Крупным игроком на рынке ядерных технологий также является Россия. Из 52 реакторов, строительство которых началось по всему миру с 2017 года, 25 имеют китайскую конструкцию, а 23 – российскую. 99 % мощностей по обогащению урана сосредоточены в четырех странах-поставщиках; 40 % мировых мощностей приходится на Россию [10].

Все эти обстоятельства обуславливают высокую актуальность правовых исследований, направленных на совершенствование законодательства в сфере развития и обеспечения безопасности атомной энергетики. Правовые, экологические, политические и иные проблемы развития и обеспечения безопасности атомной энергетики исследовались в многочисленных трудах таких авторов, как М. С. Лизикова [3; 4; 5], А. А. Бойко [2], М. А. Сарсембаев [7], Н. А. Бесецкая [1], А. А. Нукушева [6] и др. Однако быстрое развитие новых технологий, изменение климатической, политической и экономической повестки обуславливают необходимость решения новых проблем, связанных с безопасностью и развитием потенциала атомной энергетики.

Как отмечает М. С. Лизикова, в условиях быстрого устаревания существующих правовых рамок или неопределенности их применения к новым технологиям, риска недостаточного

или, напротив, избыточного их регулирования, невозможности выработки и установления правовых ограничений и мер предосторожности для контроля за последствиями внедрения новых технологий, право должно стать стабилизирующим механизмом для поиска баланса между: технологической нейтральностью и эффективностью по отношению к различным технологиям; определенностью и гибкостью; стабильностью и динамикой развития; быстрым или медленным темпами правовой эволюции и др. [4, с. 82].

Правовое регулирование в сфере атомной энергетики в настоящее время сосредоточено на следующих основных задачах:

- обеспечение безопасности и защищенности от аварий и иных ситуаций, которые могут повлечь ущерб жизни и здоровью граждан, окружающей среде;
- обеспечение бесперебойного и относительно дешевого энергоснабжения производства и домохозяйств;
- внедрение инновационных и более эффективных технологий;
- развитие энергетической инфраструктуры АЭС;
- обеспечение всеобщего и равного доступа к энергетическим ресурсам.

По мнению некоторых исследователей, в настоящее время наблюдается некоторый перекося или даже «регресс» в правовом регулировании: после нескольких крупных аварий атомное право сосредоточилось исключительно на безопасности, а вопросы стимулирования и правового обеспечения экономического развития ядерных технологий незаслуженно выведены из списка приоритетов [9]. Отчасти это действительно так. Опасность атомной энергетики часто преувеличивается в общественном сознании, что может тормозить ее поступательное развитие. Вместе с тем не только крупные аварии, но и возможность использования ядерных технологий в военных или террористических целях и подобные риски, не позволяют игнорировать военно-политические аспекты развертывания ядерной энергетики и в значительной мере сдерживают развитие стимулирующего законодательства. Поэтому правовое регулирование атомной энергетики как на национальном, так и на международном уровнях, нуждается в новых подходах, которые

обеспечивали бы и безопасность, и возможность внедрения передовых технологий, таких как ММР, термоядерный синтез, применение новых видов ядерного топлива и др.

Развитие и обеспечение безопасности атомной энергетики требует интенсивного международного сотрудничества. На региональном уровне такое сотрудничество обеспечивается в рамках ЕАЭС, СНГ, а также двусторонних договоров, прежде всего, с Российской Федерацией как одним из мировых лидеров в области ядерных технологий.

В СНГ действует Рамочная программа сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 года и План мероприятий по реализации второго этапа (2026–2030 годы) Рамочной программы сотрудничества государств – участников СНГ в области использования атомной энергии в мирных целях на период до 2030 года. Реализация программы направлена на развитие сотрудничества по вопросам регулирования ядерной и радиационной безопасности в СНГ, оказание экспертной поддержки при совершенствовании законодательства и укрепление связей между профильными научно-техническими организациями.

В ЕАЭС сотрудничество по вопросам развития атомной энергетики базируется на нормах раздела XX Договора о ЕАЭС 2014 г., устанавливающих общие принципы взаимодействия государств-членов в сфере энергетики. В настоящее время в ЕАЭС работают 16 атомных электростанций, из которых 14 – в России, 1 в Армении и 1 в Беларуси. Ставится вопрос о строительстве собственных АЭС в Казахстане – одном из мировых лидеров по запасам урана [6, с. 173].

Согласно ст. 81 Договора о ЕАЭС, в Союзе формируется общий электроэнергетический рынок, правила которого устанавливаются Приложением № 21 к Договору. Статья 82 гарантирует беспрепятственный доступ к услугам субъектов естественных монополий в сфере электроэнергетики при условии приоритетного их использования для внутренних потребностей. Однако эти положения Договора увязаны с началом функционирования Общего энергетического рынка ЕАЭС, которое планировалось на 1 января 2025 г., но пока не

произошло. Особенности технического регулирования в отношении объектов атомной энергетики, а также процессов проектирования, производства, строительства, монтажа, эксплуатации, хранения, реализации, утилизации, захоронения и др., устанавливаются законодательством государств-членов.

В связи с этим преждевременным видится предложение Н. А. Бесецкой и В. П. Шариковой «перейти от реализации “скоординированной”, к реализации “согласованной” или “единой” политики» [1, с. 72]. На данный момент государства-участники не демонстрируют реальной заинтересованности ни в создании общего энергетического рынка, ни в унификации норм, регулирующих атомную энергетику. Взаимодействие в сфере атомных технологий в ЕАЭС осуществляется преимущественно в двустороннем формате.

Вместе с тем выработка в ЕАЭС единого подхода к правовому регулированию атомной энергетики и отражение его в едином международно-правовом акте ЕАЭС, как справедливо отмечает М. С. Лизикова, соответствовали бы международным требованиям и рекомендациям [5, с. 9]. Формирование общего энергетического рынка ЕАЭС предполагает учет и регулирование всех имеющихся на территории Союза атомных мощностей.

В 2022–2023 гг. в Республике Беларусь было обновлено и модернизировано законодательство о ядерной и радиационной безопасности. Вступил в силу Закон Республики Беларусь «О регулировании безопасности при использовании атомной энергии» 10 октября 2022 г. № 208-З, заменивший ранее действовавший Закон 30 июля 2008 г. № 426-З «Об использовании атомной энергии». Как подчеркивается в самом наименовании, Закон смещает акценты на безопасность атомной энергетики, закрепляя целый ряд новых терминов и определений: вероятностный анализ безопасности, детерминистический анализ безопасности, оценка безопасности, старение ядерной установки, управление старением ядерной установки, экспертиза безопасности и др. Ряд норм направлен на повышение независимости регулирующего органа при принятии управленческих решений. Главным государственным инспектором Республики Беларусь по ядерной и радиационной безопасности определен

начальник Госатомнадзора – Департамента по ядерной и радиационной безопасности Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Беларусь. Установлены полномочия государственных инспекторов по ядерной и радиационной безопасности при осуществлении надзора. Предусматривается система научно-технической поддержки регулирующей деятельности, в которую включены определяемые Советом Министров Республики Беларусь организации, включая исследовательские, научно-практические центры, академические институты, Национальную комиссию по безопасному использованию атомной энергии при Совете Министров Республики Беларусь (консультативный орган), и экспертов, входящих в реестр экспертов в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности. Систематизированы нормы в отношении безопасности, аварийной готовности и реагирования, лицензирования, проведения общественных обсуждений и др. Внесены изменения в Указ Президента Республики Беларусь от 5 апреля 2021 г. № 137 «О регулировании деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения» и постановление Совета Министров Республики Беларусь № 668 «О реализации Закона Республики Беларусь от 10 октября 2022 г. № 208-З “О регулировании безопасности при использовании атомной энергии”».

В 2022 г. были внесены изменения в Закон Республики Беларусь от 18 июня 2019 г. № 198-З «О радиационной безопасности». Изменения коснулись, в частности, норм о порядке проведения экспертизы радиационных объектов.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 15 августа 2023 г. № 535 утверждены Основные направления проведения единой государственной политики в области обеспечения ядерной и радиационной безопасности. Документ подтверждает приверженность Беларуси основополагающим принципам обеспечения безопасности МАГАТЭ и устанавливает пути их реализации. В качестве ключевых элементов инфраструктуры безопасности закрепляются: независимый регулирующий орган; система нормативного правового обеспечения; лицензирование деятельности в сфере атомной энергетики; государственный контроль (надзор) за соблюдением установлен-

ных требований; система обеспечения аварийной готовности и реагирования; научно-техническое обеспечение и информирование по вопросам обеспечения безопасности.

Приведенные документы являются значительным шагом в развитии законодательства Республики Беларусь об атомной энергетике. Вместе с тем, как представляется, его дальнейшее развитие может потребовать новых подходов. Видится целесообразным более детальное регулирование экономической составляющей развития и использования объектов атомной энергетике. Требуют проработки вопросы финансирования новых проектов, включая возможное использование частного капитала, зеленых финансовых инструментов, помощи со стороны международных структур; выбор технологий и подрядчиков; определение экономической конъюнктуры для новых мощностей, встраивание их в электроэнергетическую систему страны и, возможно, региона (ЕАЭС, СНГ и др.); определение тарифов и т. д.

Важным фактором устойчивого развития и безопасного использования атомной энергетике является обеспечение функциональной независимости регулирующих органов. Новый Закон сделал в этом направлении ряд шагов, в частности, исключив из процесса принятия управленческих решений государственные органы и организации, в отношении которых они принимаются. Эффективной мерой может также стать совершенствование нормативного регулирования экспертизы объектов атомной энергетике (ст. 26 Закона «О радиационной безопасности»). На данный момент Закон устанавливает экспертизу радиационных объектов до ввода в эксплуатацию источников ионизирующего излучения, которая может быть совмещена с экспертизой для целей лицензирования. Представляется целесообразным определить в Законе цели такой экспертизы (экспертиза ядерной безопасности, радиационной безопасности, ядерной физической безопасности), а также предусмотреть проведение такой экспертизы аккредитованными организациями, не находящимися в прямом подчинении Госатомнадзора. При этом финансирование такой экспертизы не обязательно должно осуществляться за счет средств пользователей источников ионизи-

рующего излучения и иных лиц, выполняющих работы или оказывающих услуги АЭС. Можно, как в Республике Казахстан, предусмотреть возможность финансирования экспертизы также за счет других источников, не запрещенных законодательством. Такое решение, как представляется, способствовало бы более объективной, всесторонней и непредвзятой оценке обеспечения безопасности и эффективности, а также повышению доверия общества к атомной энергетике в целом.

Необходимо расширить положения об ответственности за нарушения законодательства о радиационной безопасности (ст. 49 Закона «О радиационной безопасности» и ст. ст. 67–69 Закона «О регулировании деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения»), приведя их в соответствие положениям Венской конвенции о гражданской ответственности за ядерный ущерб 1963 г. с Протоколом 1997 г. С этой целью в главу 12 Закона «О регулировании деятельности в области использования атомной энергии и источников ионизирующего излучения» ввести нормы, регулирующие гражданско-правовую ответственность оператора ядерной установки, включая общие условия наступления такой ответственности, ее предел, финансовое обеспечение ответственности оператора ядерной установки, страхование гражданской ответственности за ядерный ущерб, нормы об исковой давности и регрессных требованиях, о порядке и основаниях освобождения оператора ядерной установки от гражданско-правовой ответственности. Это позволит конкретизировать предусмотренные Конвенцией нормы и, очевидно, может оказать позитивное влияние на восприятие обществом безопасности атомной энергетике и ответственности за возможный ущерб.

Заключение. Развитие атомной энергетике исключительно важно в контексте реализации современной экологической политики Республики Беларусь и достижения Целей устойчивого развития.

Развитие международного сотрудничества и формирование общего энергетического рынка ЕАЭС предполагает учет и регулирование всех имеющихся мощностей, поэтому необходимо принять интеграционный акт о ЕАЭС о сотрудничестве в сфере атомной энергетике.

Представляется целесообразным более детально урегулировать экономическую составляющую развития и использования объектов атомной энергетики: вопросы финансирования проектов, встраивания новых мощностей в электроэнергетическую систему ЕАЭС и СНГ, инвестиционных гарантий и т. д.

Эффективной мерой может стать совершенствование процедуры проведения экспертизы (ст. 26 Закона «О радиационной безопасности»). Необходимо определить в Законе виды таких экспертиз, а также предусмотреть их проведение силами аккредитованных организаций, в том числе за счет не запрещенных Законом источников. Такое решение будет способствовать повышению качества экспертизы и, в конечном счете, доверия общества к атомной энергетике. Эффект может быть усилен расширением норм о гражданско-правовой ответственности оператора ядерной установки: об общих условиях ее наступления, пределах, финансовом обеспечении, страховании; об исковой давности и регрессных требованиях; о порядке и основаниях освобождения от гражданско-правовой ответственности и др. Все это, как представляется, будет способствовать имплементации международных обязательств Беларуси, достижению Целей устойчивого развития, экологизации соответствующих экономических отношений и окажет позитивное влияние на восприятие атомной энергетики.

Список использованных источников

1. Бесецкая Н. А., Шарикова В. П. Правовые стандарты безопасного использования атомной энергии в рамках ЕАЭС // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Д. Экономические и юридические науки. 2023. № 2 (64). С. 68–73.
2. Бойко А. А. Перспективные направления сотрудничества ЕАЭС на региональном и глобальном рынке технологий и оборудования ядерного топливного цикла // Геоэкономика энергетики. 2019. № 4. С. 75–90.
3. Лизикова М. С. Атомная энергетика: накопленные правовые проблемы и современные решения // Труды Института государства и права РАН. 2024. Том 19. № 2. С. 74–94.
4. Лизикова М. С. Международное атомное право: инновационное развитие правовой среды // Труды Института государства и права РАН. 2023. Том 18. № 5. С. 80–97.
5. Лизикова М. С. Правовое регулирование вопросов использования атомной энергии в законодательстве государств-членов ЕАЭС (перспективы иннова-

ционной стратегии) // Colloquium-journal. 2019. № 5 (29). С. 9–10.

6. Нукушева А. А. Международно-правовые аспекты регулирования в области атомной энергетики // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 3 (70). С. 171–180.

7. Сарсембаев М. А. Выявление и решение проблем нормативно-правового регулирования экологии при строительстве и эксплуатации атомных электростанций в странах ЕАЭС // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2016. № 2 (43). С. 63–72.

8. Ядерная энергетика и переход к экологически чистой энергии // IAEA. Международное агентство по атомной энергии. URL: <https://www.iaea.org/ru/bulletin/61-3> (дата обращения 10.02.2025).

9. Sainati T., Locatelli G., Smith N. Project financing in nuclear new build, why not? The legal and regulatory barriers // Energy Policy. 2019. Vol. 129. P. 111–119.

10. The Path to a New Era for Nuclear Energy: report 2025 // IEA. URL: <https://www.iea.org/reports/the-path-to-a-new-era-for-nuclear-energy> (дата обращения 10.02.2025).

References

1. Besetskaya N. A., Sharikova V. P. Legal standards for the safe use of atomic energy within the EAEU. *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. 2023. No. 2 (64). P. 68-73 [in Russ.].

2. Boyko A. A. Promising areas of EAEU cooperation in the regional and global market of nuclear fuel cycle technologies and equipment. *Geoeconomics of Energetics*. 2019. No. 4. P. 75-90 [in Russ.].

3. Lizikova M. S. Nuclear power engineering: accumulated legal problems and modern solutions. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2024. Vol. 19. No. 2. P. 74-94 [in Russ.].

4. Lizikova M. S. International atomic law: innovative development of the legal environment. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2023. Vol. 18. No. 5. P. 80-97 [in Russ.].

5. Lizikova M. S. Legal regulation of issues of the use of atomic energy in the legislation of the EAEU member states (prospects for an innovative strategy). *Colloquium-journal*. 2019. No. 5 (29). P. 9-10 [in Russ.].

6. Nukusheva A. A. International legal aspects of regulation in the field of nuclear energy. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2022. No. 3 (70). P. 171-180 [in Russ.].

7. Sarsembayev M. A. Identification and solution of problems of legal regulation of ecology during construction and operation of nuclear power plants in the EAEU countries. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2016. No. 2 (43). P. 63-72 [in Russ.].

8. Nuclear power engineering and the transition to environmental safety. IAEA. *The International Atomic Energy Agency*. Available at: <https://www.iaea.org/ru/bulletin/61-3> (date of access: 10.02.2025) [in Russ.].

9. Sainati T., Locatelli G., Smith N. Project financing for the construction of new nuclear power plants, why not? Legal and regulatory barriers. *Energy Policy*. 2019. Vol. 129. P. 111-119.

10. The Path to a New Era of Nuclear Energy: a Report for 2025. *IEA*. Available at: <https://www.iea.org/reports/the-path-to-a-new-era-for-nuclear-energy> (date of access: 10.02.2025).

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received February 10, 2025

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 34

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-7

Жирикова Ксения Александровна,
старший преподаватель кафедры
гражданского права, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный
федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: jirikova_ka@bk.ru

Zhirikova, Ksenia A.,
Senior Lecturer,
Department of Civil Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: jirikova_ka@bk.ru

Логачев Михаил Александрович,
студент 4 курса, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: mihael-logachev@mail.ru

Logachev, Mikhail A.,
4th year Student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: mihael-logachev@mail.ru

КАТЕГОРИЯ «ПРЕДМЕТ РОСКОШИ» В СПОРАХ О РАЗДЕЛЕ СОВМЕСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ СУПРУГОВ

THE CATEGORY OF “LUXURY ITEM” IN DISPUTES ON THE DIVISION OF JOINT PROPERTY OF SPOUSES

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена исследованию проблемы определения категории «предмет роскоши» в спорах о разделе совместной собственности супругов. В работе проводится теоретический и правоприменительный анализ исследуемой проблемы. Особое внимание уделяется вопросу отнесения отдельных вещей к предметам роскоши, в частности драгоценностей, наручных часов и верхней одежды. Проведенное исследование позволило сформулировать критерии отнесения вещей к предметам роскоши.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: семья, супруги, законный режим, личная собственность, предмет роскоши, драгоценности, верхняя одежда

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Жирикова, К. А. Категория «предмет роскоши» в спорах о разделе совместной собственности супругов / *К. А. Жирикова, М. А. Логачев.* – Текст : непосредственный // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета.* – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 47–51. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-7

ABSTRACT. The article is devoted to the study of the problem of defining the category of “luxury item” in disputes on the division of joint property of spouses. The work provides a theoretical and law enforcement analysis of the problem under study. Particular attention is paid to the issue of classifying individual items as luxury items, in particular jewelry, wristwatches and outerwear. The conducted study allowed us to formulate criteria for classifying items as luxury items.

KEYWORDS: family, spouses, legal regime, personal property, luxury item, jewelry, outerwear

FOR CITATION:

Zhirikova, K. A., Logachev, M. A. (2025) The Category of “Luxury Item” in Disputes on the Division of Joint Property of Spouses. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 12(1): 47-51 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-7

Введение. Сегодня имущественные отношения супругов занимают, пожалуй, одно из центральных мест среди совокупности всех отношений, складывающихся в семье. В соответствии с российским семейным законодательством государственная регистрация брака порождает возникновение законного режима имущества супругов, который презюмирует принцип: «Все, что нажито супругами во время брака, является совместной собственностью и при разделе делится поровну, независимо от того, кем и в каком размере были внесены вложения». Законодатель также допускает возможность признавать совместной собственностью вещи, приобретенные в период брака, но фактически принадлежащие одному из супругов и находящиеся исключительно в его владении и пользовании.

Ключевая роль принципа общности имущества при регулировании имущественных отношений супругов в нашем государстве не исключает возможности супругов иметь личные вещи в собственности. Семейный кодекс РФ (далее – СК РФ) в ст. 36 [11] регламентирует данный вопрос и перечисляет, что относится к личному имуществу супругов: добрачное имущество каждого из супругов, а также имущество, полученное одним из супругов хоть и в период брака, но в дар, по наследованию или по иным безвозмездным сделкам; результаты интеллектуальной деятельности и исключительное право на них и личные вещи каждого из супругов.

Однако Семейным кодексом РФ предусмотрено исключение для драгоценностей и других предметов роскоши, при этом в законе данная категория не раскрывается. Она является оценочной и определяется судом в каждом конкретном случае. Ни законодатель, ни высшие судебные инстанции не дают четких критериев предмета роскоши, что влечет за собой различную судебную практику, поскольку в случае спора суд будет исходить из конкретных обстоятельств и условий жизни супругов. Так, например, в одном случае суд признал общим имущество супругов шубу за 49 280 руб., поскольку не нашел оснований для исключения шубы из совместной собственности [1], а в другом случае суд апелляционной инстанции не посчитал предметами роскоши ювелирные украшения и меховые изделия (шубы, в том

числе бывшие в употреблении) в количестве 33 шт., обосновав свою позицию тем, что истец по встречному иску не представил доказательств как самого факта приобретения заявленного к разделу имущества в виде ювелирного украшения и меховых изделий, так и факта его наличия на момент рассмотрения настоящего гражданского дела либо факта распоряжения истцом данным имуществом вопреки интересам семьи без согласия супруга. При этом истец не отрицала, что ювелирное украшение и меховые изделия, за исключением бежевого мехового полушубка (мех – стриженная норка, отделка – соболь), действительно находятся в ее владении [2].

Исследование критериев предмета роскоши в теории и практике. Анализируя судебную практику, мы можем наблюдать, что суды зачастую и предлагают признавать предметами роскоши те вещи, которые не являются необходимыми для удовлетворения потребностей членов семьи, обладают уникальностью и имеют художественную, историческую и иную ценность, например произведения искусства, антиквариат и др. Суды к данному вопросу подходят индивидуально исходя из уровня жизни и социального статуса супругов [9].

Проблему определения категории «предмет роскоши» уже достаточно давно пытаются решить и в юридической литературе, однако ученые-правоведы не пришли к единому мнению по данному вопросу. Так, например, Л. А. Смолина предлагает при определении «предмета роскоши» учитывать критерий «необходимости» для удовлетворения текущих потребностей [12, с. 76–77]. Другие авторы считают, что для определения предмета роскоши необходимо предусмотреть конкретный перечень объектов, в который предлагают включить такие вещи, как драгоценности, произведения искусства, антикварные изделия [4, с. 65; 5, с. 52], а также дорогостоящие меховые изделия и вещи, изготовленные модельерами по индивидуальным заказам, медали, культурные ценности, дорогостоящую бытовую технику и др. [10, с. 258].

В юридической литературе высказывается также предложение о том, чтобы закрепить перечень объектов, относящихся к предметам роскоши, не на федеральном уровне, а на уровне субъектов с учетом специфики региона. На

наш взгляд, такая точка зрения является достаточно интересной, однако вряд ли сможет решить проблему единообразного применения судебной практики даже на уровне субъекта РФ. Однако стоит согласиться с мнением автора о том, что в основе признания конкретных предметов предметами роскоши лежит материальное положение семьи или другие заслуживающие внимания обстоятельства. Однако такие критерии являются оценочными и нечеткими. Решение проблемы автор видит в принятии Постановления Пленума Верховного суда РФ по данной категории дел, где из состава предметов роскоши будут исключены шубы, часы, ноутбуки и другие мелкие бытовые предметы, либо во внесении изменений в п. 2 ст. 36 СК РФ с отнесением к категории «предметы роскоши» только предметов антиквариата и драгоценных камней и изделий [3].

Интерес исследуемой проблемы заключается в том, что вещи, приобретаемые в период брака, должны использоваться на общие нужды семьи, они не должны обладать высокой ценностью и каждый из супругов может владеть, пользоваться и распоряжаться ими в интересах семьи. По этой причине закон не относит к совместной собственности личные вещи, которые приобретаются в браке за счет общих доходов супругов. Более того, приобретенные в период раздельного проживания супругов вещи суд может признать индивидуальной собственностью одного из супругов. В данном случае супруг, который их приобретает, должен доказать тот факт, что семейные отношения фактически прекращены, но брак юридически не расторгнут.

Драгоценности, верхняя одежда и часы как предметы роскоши. Хотелось бы уделить отдельное внимание исследованию некоторых объектов, поскольку, на наш взгляд, их раздел вызывает ряд вопросов и дискуссий. В частности, речь идет о драгоценностях. Семейный кодекс РФ в ст. 36 прямо указывает, что драгоценности не относятся к вещам индивидуального пользования и при разделе совместной собственности должны входить в состав спорного имущества. Несмотря на то, что СК РФ не раскрывает понятие «драгоценности», тем не менее в ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» [13] говорится, что ценности – это драгоценные металлы и (или)

драгоценные камни. При этом в качестве драгоценных металлов Закон называет золото, серебро, платину и металлы этой группы, находящиеся как в любом состоянии, в том числе и в виде ювелирных изделий. Драгоценными камнями признаются природные алмазы, изумруды, рубины, сапфиры и александриты, природный жемчуг, а в некоторых случаях и уникальные янтарные образования. Следовательно, любые ювелирные и бытовые изделия, выполненные из драгоценных камней и (или) металлов, должны быть отнесены к совместной собственности, независимо от их цены и материального положения семьи. Из этого следует, что при возникновении спора супруг (супруги) не обязаны предоставлять доказательства отнесения вещей, выполненных из драгоценных металлов и камней, к предмету роскоши, на них распространяется презумпция общей совместной собственности. Однако в настоящее время суды исследуют доказательства отнесения драгоценностей к предметам роскоши, что порождает разнообразную судебную практику. Так, в одном из дел суд апелляционной инстанции признал серьги с бриллиантами за 475 983 руб. вещью индивидуального пользования, поскольку это женские серьги и истец по встречному иску не представил в суд первой инстанции доказательств того, что указанное ювелирное украшение является предметом роскоши [2].

Аналогичная проблема складывается и в отношении мужских и женских наручных часов, которые достаточно часто являются предметом спора о разделе совместной собственности. Сложность данного вопроса заключается в том, что такие предметы изначально находятся в фактическом владении и пользовании одним из супругов, а при разделе совместной собственности суды в некоторых случаях признают их предметами роскоши. Так, например, в одном из дел нижестоящие суды не признали мужские часы стоимостью 1 190 604 руб. предметом роскоши, указав на то, что их фактически носит супруг, следовательно, это вещь индивидуального пользования. Однако с таким выводом не согласился Верховный суд РФ, указав, что суды не исследовали видовые характеристики вещи, ее стоимость, ценность для семьи и др. [8]. Отсюда возникает вопрос: «Почему вещь, которая изначально приобре-

талась для использования только лишь одним супругом и удовлетворяла исключительно его интересы, может в дальнейшем затрагивать интересы всей семьи?».

На наш взгляд, признание часов предметом роскоши должно быть обусловлено какими-то исключительными обстоятельствами, например, их высокой ценностью и (или) уникальностью вещи, а также их редкостью. При этом категорию «ценность» можно также рассматривать со ссылкой на нормы ФЗ «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» и признавать часы предметом роскоши только тогда, когда они выполнены из драгоценных камней или металлов. Не случайно ювелирные изделия и часы в основном из драгоценных металлов фактически составляют основу предметов роскоши и включены практически во все известные современные товарные классификации соответствующих товаров [6]. Чтобы определить уникальность вещи, мы можем обратиться к толковому словарю С. И. Ожегова, в котором «уникальный» означает «единственный в своем роде, неповторимый» [7]. Следовательно, высокая цена сама по себе не должна быть основанием для признания наручных часов предметом роскоши, поскольку это может быть обусловлено не столько уникальностью и редкостью вещи, а сколько известностью бренда.

В настоящее время еще одной достаточно часто встречающейся в судебной практике спорной вещью является верхняя одежда, особенно если она выполнена из натурального меха. На наш взгляд, признание таких вещей общими представляется достаточно сложным, поскольку, во-первых, вещь приобретается для фактического использования одним из супругов по ее целевому назначению; а, во-вторых, необходимость ее приобретения может быть обусловлена определенными климатическими условиями. Об этом свидетельствует и судебная практика, в частности суд в качестве доказательств признания норковой шубы вещью индивидуального пользования ссылался на наличие в регионе проживания морозных и долгих зим [9].

Отнесение верхней одежды из натурального меха к предмету роскоши не совсем верно, поскольку ее приобретение обусловлено необходимостью защиты в холодное время года. В соответствии со ст. 36 СК РФ одежда и обувь являются вещами индивидуального пользова-

ния, отсюда мы можем сделать вывод о том, что верхняя одежда также является вещью, принадлежащей только лишь одному из супругов. А вот будет ли такая вещь из натурального или искусственного меха выбором супругов, ведь совершая такого рода сделку, предполагается, что супруг действует с согласия другого супруга. Более того, зачастую разделу подлежат не новые шубы, а бывшие в употреблении и с высоким процентом износа, что также не позволяет относить их к предметам роскоши.

Выводы. Таким образом, исследуя категорию «предмет роскоши» в спорах о разделе общей совместной собственности, мы пришли к выводу о том, что не всегда вещи, которые предназначены исключительно для пользования одним из супругов, могут быть признаны предметами роскоши. При рассмотрении таких споров суды должны исходить из уникальности и редкости вещи, а также ее высокой ценности, а не стоимости. Названные критерии должны быть исследованы в суде в каждом конкретном случае, что не позволяет на законодательном уровне определить перечень вещей, относящихся к предметам роскоши. С целью формирования единства правоприменительной практики наиболее верным решением является принятие Постановления Пленума Верховного суда РФ, в котором будут даны разъяснения относительно таких категорий, как «уникальность», «редкость» и «ценность» вещи.

Список использованных источников

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.12.2017 по делу № 33-48682/2017 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 23.01.2025).
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 26 ноября 2024 г. № 33-41857/24 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.01.2025).
3. *Бабайцева Е. А., Инжиева Б. Б.* Категория «предметы роскоши» в российском семейном законодательстве, научной доктрине и судебной практике // Юрист. 2022. № 3 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.01.2025).
4. *Баландина С. И., Мухтарова Е. А.* Семейное право: учебное пособие. Вологда: Вологодский институт права и экономики ФСИН России, 2017. 168 с.
5. *Кузнецова И. М.* Семейное право: учеб. М.: Юристъ, 1999. 118 с.
6. *Кучеров И. И.* Драгоценности в составе предметов роскоши: правовая сторона вопроса // Юрист. 2020.

№ 10 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2025).

7. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://slovarozhegova.ru/about.php> (дата обращения: 01.02.2025).

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 31.07.2018 N 5-КГ18-179 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.01.2025).

9. Решение Долгопрудненского городского суда Московской области от 07.06.2011. URL: <https://old.судебныерешения.рф/bsr/case/201461> (дата обращения: 11.01.2025).

10. Савельева Н. М. Имущество каждого из супругов: проблемы теории и практики // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2014. № 2. С. 254–261.

11. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 03.02.2025).

12. Смолина Л. А. Правовое регулирование отношений супругов и бывших супругов: дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2006. 184 с.

13. Федеральный закон «О драгоценных металлах и драгоценных камнях» от 26.03.1998 № 41-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 04.02.2025).

References

1. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 18.12.2017 in case No. 33-48682/2017. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 23.01.2025) [in Russ.].

2. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 26 November 2024 No. 33-41857/24. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 20.01.2025) [in Russ.].

3. Babaytseva E. A., Inzhieva B. B. The category of "luxury items" in Russian family legislation, scientific doctrine and judicial practice. *Jurist*. 2022. No. 3. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 15.01.2025) [in Russ.].

4. Balandina S. I., Mukhtarova E. A. Family law: textbook. Vologda: Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2017. 168 p. [in Russ.].

5. Kuznetsova I. M. Family law: textbook. Moscow: Jurist Publ., 1999. 118 p. [in Russ.].

6. Kucherov I. I. Jewelry as part of luxury items: the legal side of the issue. *Jurist*. 2020. No. 10. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 30.01.2025) [in Russ.].

7. Ozhegov S. I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Available at: <https://slovarozhegova.ru/about.php> (date of access: 01.02.2025) [in Russ.].

8. Definition of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 31.07.2018 No. 5-KG18-179. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 25.01.2025) [in Russ.].

9. Decision of the Dolgoprudny City Court of the Moscow Region dated 07.06.2011. Available at: <https://old.судебныерешения.рф/bsr/case/201461> (date of access: 11.01.2025) [in Russ.].

10. Savelyeva N. M. Property of each of the spouses: problems of theory and practice. *Bulletin of TvSU. Series: Law*. 2014. No. 2. P. 254-261 [in Russ.].

11. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025). *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 03.02.2025) [in Russ.].

12. Smolina L. A. Legal regulation of relations between spouses and former spouses: dis. ... PhD in Law. Chelyabinsk, 2006. 184 p. [in Russ.].

13. Federal Law "On Precious Metals and Precious Stones" dated March 26, 1998 No. 41-FZ (as amended and supplemented, entered into force on September 1, 2024). *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 04.02.2025) [in Russ.].

Поступила в редакцию 10.02.2025

Received February 10, 2025

Зиновьев Игорь Петрович,
декан юридического факультета
Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего образования
«Южный федеральный университет»,
доцент, кандидат юридических наук,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: ipzinovev@sfnedu.ru

Zinoviev, Igor P.,
Dean of the Law Faculty,
Southern Federal University,
Associate Professor,
PhD in Law,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: ipzinovev@sfnedu.ru

Тихонов Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент, доцент
кафедры гражданского и предпринимательского
права, Южно-Российский институт
управления – филиал РАНХиГС, 344002,
г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54;
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: tiho13@rambler.ru

Tikhonov, Vladimir V.,
PhD in Law, Associate Professor, Associate
Professor at the Department of Civil and Business
Law, South-Russian Institute of Management
of Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration,
70/54 Pushkinskaya Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation;
Associate Professor at the Department of Civil
Law, Law Faculty, Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: tiho13@rambler.ru

К ВОПРОСУ О СУДЬБЕ ЗАЛОГА ПРИ ОБРАЩЕНИИ В ДОХОД ГОСУДАРСТВА ИМУЩЕСТВА, ПОЛУЧЕННОГО В РЕЗУЛЬТАТЕ НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ

ON THE ISSUE OF THE FATE OF COLLATERAL WHEN APPLYING TO THE STATE INCOME OF PROPERTY OBTAINED AS A RESULT OF VIOLATIONS OF ANTI-CORRUPTION LEGISLATION

АННОТАЦИЯ. В работе анализируются правовые последствия реализации нормы подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ в отношении имущества, обремененного залогом. Авторы приводят сформированные как в судебной практике, так и правовой доктрине позиции «за» и «против» сохранения/прекращения залога имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции и подлежащего обращению в доход Российской Федерации. Также в работе авторы моделируют возможные изменения отечественного «злогового» законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: публичный интерес, частный интерес, государство, банк, предпринимательский риск, кредитор, коррупция, добросовестность

ABSTRACT. The paper analyzes the legal consequences of the implementation of the rule of sub-clause 8, clause 2, Article 235 of the Civil Code of the Russian Federation in relation to property encumbered by collateral. The authors cite the positions formed both in judicial practice and legal doctrine “for” and “against” the preservation/termination of the pledge of property obtained as a result of violations of anti-corruption legislation and subject to conversion to the income of the Russian Federation. The authors also model possible changes in the domestic “collateral” legislation.

KEYWORDS: public interest, private interest, government, bank, entrepreneurial risk, creditor, corruption, good faith

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Зиновьев, И. П. К вопросу о судьбе залога при обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции / И. П. Зиновьев, В. В. Тихонов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 52–57. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-8

FOR CITATION:

Zinoviev, I. P., Tikhonov, V. V. (2025) On the Issue of the Fate of Collateral When Applying to the State Income of Property Obtained as a Result of Violations of Anti-Corruption Legislation. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 52-57 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-8

С введением в отечественное гражданское законодательство нормы, предусматривающей принудительное изъятие у собственника на основании решения суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законных основаниях (подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ), возник ряд проблемных вопросов сопряженных с практической реализацией данной нормы [1, 2, 3, 4, 6, 10]. Одним из них стал вопрос о правовой судьбе залогового права (залога), обременяющего изъятое (или только подлежащее изъятию) имущество.

Вполне ожидаемо в судебной практике появились примеры удовлетворения исков прокуратуры о прекращении залоговых прав в отношении имущества, обращаемого в доход государства на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Мотивируя свои акты, суды указывали, что данная норма не является санкцией или мерой наказания, а реализуется как юридическое и фактическое следствие отсутствия у должностного лица законных оснований для обладания изымаемым имуществом. Поскольку судами было установлено отсутствие законных оснований для возникновения права собственности на данное имущество, то и право залога, по их мнению, не возникло (См. напр.: решение Троицкого районного суда г. Москвы от 24.12.2020 по делу № 02-2126/2020). В научной литературе обозначался и другой подход, обосновывающий позицию прокуратуры, в соответствии с которым норма подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ является особой мерой ответственности за коррупционные правонарушения [11], направленной не просто на лишение собственности должностного лица, но и на обращение изымаемого имущества в доход Российской Федерации. Следовательно, в определенном смысле можно допустить, что прекращение за-

лога в отношении имущества, изымаемого на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, является средством изъятия такого имущества из гражданско-правового и хозяйственного оборота именно в доход государства.

Была сформулирована и прямо противоположная точка зрения. Представляется, что наиболее полная и качественная ее аргументация была приведена в статье К. И. Скловского, посвященной исследованию отдельных проблем применения законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции [10]. Автор указанной статьи полагает, что в этом случае залог сохраняется в полном объеме, и приводит следующие аргументы. Во-первых, «...вопрос определенно решен законом уже тем, что изъятие имущества в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ не предусмотрено в качестве основания прекращения залога». Во-вторых, «...меры по обращению имущества в доход государства, предусмотренные гражданским законом для случаев, когда правонарушение не установлено, а лишь предполагается...» (подп. 8 п. 2 ст. 235), не могут «...иметь более широкое действие, чем меры, предусмотренные уголовным (административным) законом для случаев конфискации, когда преступление (правонарушение) установлено актом суда или иного компетентного органа». Иными словами, если залог в силу прямого указания закона (ст. 353 ГК РФ, ч. 2 ст. 41 Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке») сохраняется при конфискации, то он должен сохраняться и при изъятии имущества на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Кроме того, по мнению этого автора, при разрешении таких споров не должна приниматься во внимание даже добросовестность залогодержателя (его неосведомленность о том, что заложное имущество получено так или иначе в результате коррупции), так как это

не соответствует закону, но прежде всего потому, что «ситуация, когда судьба залоговых прав ставится в зависимость от усмотрения прокурора и суда о добросовестности банка, в полной мере создаст именно тот самый замораживающий эффект, который и приведет к коллапсу кредитного рынка». Более того, иной подход, «...вступает в противоречие с основами того правопорядка, который сложился в современном российском обществе...» и «повлечет подрыв экономической основы существования государства и общества».

Итог в этом споре (как представляется, все же промежуточный) подвела Судебная коллегия Верховного Суда РФ (далее также – Судебная коллегия), которая в своем определении от 12.03.2024 по делу № 4-КГ23-95К1 поддержала позицию, артикулированную К. И. Скловским, использовав фактически ту же аргументацию. Справедливости ради следует отметить, что Судебная коллегия не была столь же категорична и, во-первых, отметила как существенное (это важно) то обстоятельство, что недобросовестность залогодержателя при заключении договора, обеспеченного залогом, и договора залога судами первой и апелляционной инстанций не установлена, во-вторых, окончательного решения не вынесла, а отменив в соответствующей части постановления нижестоящих судов, направила дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

Обращает на себя внимание то, что позиция Судебной коллегии строится прежде всего на сопоставлении изъятия имущества в порядке подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ с конфискацией. В то же время введение данной «антикоррупционной» нормы в отечественное законодательство, пожалуй, имеет собственные мотивы и природу, ибо в противном случае законодатель мог бы внести соответствующие изменения (дополнения) в уже имеющийся в отечественной юрисдикции институт «конфискация».

Между тем, этот далеко не только теоретический спор, получивший, как представляется, наилучшее с позиции *de lege lata* разрешение, обнаружил проблему, которая, по мнению авторов, подлежит внимательному изучению и окончательному решению с позиции *de lege ferenda*.

Так, в одном из последних своих постановлений Конституционный Суд РФ отметил:

«Поскольку именно незаконное обогащение является конечной целью совершения деяния коррупционной направленности, государство обязано принимать такие меры, которые любую попытку достигнуть подобной цели делали бы бессмысленной и бесперспективной. Это согласуется с общими направлениями и принципами государственной антикоррупционной политики, включая перечисленные в ст. 3 Федерального закона “О противодействии коррупции” принципы неотвратимости ответственности за совершение противоправных деяний коррупционной направленности, комплексного использования политических, организационных, информационно-пропагандистских, социально-экономических, правовых, специальных и иных мер, а также приоритетного применения мер по предупреждению коррупции. Иное способствовало бы коррупционному обогащению, легализации имущества, полученного в результате коррупционных деяний, в том числе путем преобразования его (доходов от него) в иное имущество, допускало бы беспрепятственный оборот такого имущества, не ставя тем самым надлежащих преград коррупционному поведению» (Постановление Конституционного Суда РФ от 31.10.2024 № 49-П).

В то же время гарантированное и безусловное сохранение прав залогодержателя на имущество, обращенное в доход государства на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ, как раз и может создать благоприятные условия для обхода антикоррупционных мер. Обременение залогом имущества, в отношении которого существует и не опровергнута презумпция его коррупционного происхождения, не должно превращаться в «индულгенцию» для любого, в том числе недобросовестного, залогодержателя, освобождающую это имущество от любых притязаний государства.

Ввиду изложенного следует признать необходимость корректировки действующего законодательства о залоге, с целью минимизации рисков использования некоторых его положений для обхода антикоррупционных мер и легализации доходов, полученных преступным путем. При этом возможность прекращения залога имущества в случае его изъятия на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ также не должна быть безусловной и допускаться лишь в случаях, прямо установленных законом.

Очевидно, что в первую очередь эти изменения должны коснуться профессиональных участников рынка услуг по кредитованию – кредитные организации (в дальнейшем именуемые – банки). Хотя это утверждение, как представляется, не нуждается в специальном обосновании, об этом свидетельствует и то обстоятельство, что практически все известные нам случаи из правоприменительной практики, вызвавшие к жизни обсуждаемую дискуссию, связаны с тем, что тот или иной кредитный договор и обеспечивающий его договор залога с банком заключались (по мнению правоохранительных органов) заемщиком с единственной целью – конвертировать имеющее коррупционное происхождение имущество в деньги для их вывода или легализации, в том числе путем имитации законности источника получаемых доходов. При этом условия этих договоров, экономическое обоснование и порядок их заключения далеко не всегда укладывались в стандарты обычной банковской практики.

Вместе с тем представляется, что такая законодательная инициатива требует дополнительного обоснования с позиции ее соответствия принципам, заложенным в основу действующего правового регулирования.

В рассматриваемом случае налицо подлежащая разрешению конкуренция интересов. С одной стороны – имущественный интерес банка (залогодержателя), выдавшего кредит под обеспечение залогом имущества с целью получения преимущества при удовлетворении своих требований из его стоимости. С другой стороны – публичный интерес Российской Федерации, в доход которой подлежит обращению имущество, имеющее коррупционное происхождение. Последний, к слову, имеет характер как имущественный (компенсация имущественного ущерба, нанесенного коррупционными правонарушениями), так и неимущественный (обеспечение экономической безопасности государства, социальной справедливости, недопустимости получения выгоды от противоправного поведения, профилактика коррупционных правонарушений и пр.).

Представляется, что законодательное решение этого вопроса должно опираться на правовые категории добросовестности и предпринимательского риска. Так, в соответствии с п. 3 ст. 1 ГК РФ, закрепляющей основные начала

гражданского законодательства, «при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно». Более того, в силу п. 4 этой же статьи «никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения».

В общем виде, в качестве добросовестного принято принимать поведение, ожидаемое от любого законопослушного участника гражданского оборота (см., например, п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

При этом, как справедливо отмечает Конституционный суд РФ, «специфика норм о добросовестности состоит в том, что фактические обстоятельства, при которых эти нормы должны применяться, и правовые последствия, возникающие при их применении, не определяются в законе *a priori*, а признаки (критерии) добросовестности выводятся из обстоятельств конкретного дела, причем добросовестность оценивается как в контексте условий договора, отличающихся от условий, предусмотренных законом, так и в контексте поведения сторон» (Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П).

В свою очередь банки, являясь профессиональными участниками рынка финансовых услуг, профессиональными кредиторами и залогодержателями, обладают соответствующими компетенциями, опытом и подготовленным персоналом. Следовательно, в качестве обязательного критерия добросовестности их поведения при выдаче кредитов и заключении договоров залога может и должна рассматриваться *должная степень разумности и осмотрительности в выборе контрагента, оценке его мотивов и целей при заключении договора залога, реальности гарантий возврата кредита, имущественного положения заемщика, а также в исследовании вопросов правомерности приобретения им (контрагентом) прав на предмет залога с учетом рисков его возможного коррупционного происхождения.*

Не следует забывать и о том, что в соответствии с Федеральным законом от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации

(отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» на банки, как субъекты первичного финансового мониторинга, возложены совершенно конкретные обязанности, в том числе по идентификации клиентов, выгодоприобретателей, бенефициарных владельцев клиентов, по определению характера их деловых отношений, целей финансово-хозяйственной деятельности, финансового положения, деловой репутации и пр. (см., например, ст. 7 указанного закона).

При оценке добросовестности поведения банка следует также учитывать, что действующее законодательство (ст. 2 ГК РФ) и сложившаяся судебная практика исходят из того, что:

- предпринимательская деятельность может быть сопряжена с рисками (в том числе и неполучения ожидаемого дохода), требующими проявления разумной осмотрительности при выборе контрагента и вступлении в гражданские правоотношения (Определение Конституционного Суда РФ от 14.12.2021 № 2645-О);

- при выборе контрагента субъекты предпринимательской деятельности, как правило, оценивают не только условия сделки и их коммерческую привлекательность, но и деловую репутацию, платежеспособность контрагента, риск неисполнения обязательств и предоставление обеспечения их исполнения, наличие у контрагента необходимых ресурсов (производственных мощностей, технологического оборудования, квалифицированного персонала) и соответствующего опыта; а при совершении значимых сделок, например по поводу дорогостоящих объектов недвижимости, изучают историю взаимоотношений предшествующих собственников и принимают тому подобные меры («Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020)).

Таким образом, именно банки как субъекты, осуществляющие предпринимательскую деятельность, должны нести соответствующие риски выбора контрагента и предмета залога и как следствие – риски утраты залога в отношении имущества, изымаемого в доход Российской Федерации на основании подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ (при условии внесения, конечно, соответствующих изменений в действующее законодательство). Иное будет означать фактическое перенесение соответствующих рисков

из имущественной сферы банка-предпринимателя в публичную имущественную сферу.

Отвечая на аргументы о том, что подобный подход в итоге экономически не целесообразен и даже может повлечь обвал кредитного рынка, а вслед за ним и гражданского оборота в целом [10], следует иметь в виду, что, во-первых, последствия создания гарантированных «лазеек» для коррупционного поведения могут привести (и приведут) к куда более тяжелым последствиям для национальной экономики и экономической безопасности государства (об этом так много написано и сказано, что считаем возможным отставить этот тезис без дополнительных пояснений) [5, 8, 9]. Во-вторых, с учетом уже имеющегося регулирования и возложенных на банки обязанностей в сфере противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, предлагаемые изменения вряд ли станут «откровением» для добросовестных банков и приведут к кардинальному изменению их кредитной политики. Напротив, эти изменения станут лишь логичным дополнением уже существующего нормативного регулирования.

Исходя из вышеизложенных соображений, в рассматриваемом нами случае приоритет в правовой защите должен отдаваться не частному (имущественному) интересу банка, чьи действия как залогодержателя квалифицированы как недобросовестные, а публичному интересу Российской Федерации. Как было показано выше, это вполне согласуется с основами национального правопорядка, а значит, вопросы необходимости и возможности его применения лежат не в доктринально-юридической, а политико-правовой плоскости.

В случае принятия такого подхода законодателем соответствующие изменения должны быть внесены как в общие положения о залоге в ст. ст. 352 и 353 ГК РФ, так и соответствующие нормы Федерального закона от 16.07.1998 № 102-ФЗ «Об ипотеке» (ч. 2 ст. 41).

Кроме того, должна быть решена проблема защиты публичного интереса и в случаях, когда имущество, подлежащее обращению в доход Российской Федерации в соответствии с подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и ставшее предметом залога в результате недобросовестных действий, будет уже реализовано после обращения

на него взыскания банком-залогодержателем. Полагаем, что в этом случае источником удовлетворения публичного интереса могут стать денежные средства, вырученные действовавшим недобросовестно банком от реализации предмета залога.

Список использованных источников

1. Багаутдинов Ф. Н. Контроль за соответствием расходов государственных служащих их доходам: вопросы совершенствования законодательства и практики применения // *Законность*. 2023. № 6. С. 24–31.
2. Бочкарев С. А. Субъекты гражданско-правовой ответственности за коррупцию // *Законность*. 2021. № 3. С. 3–8.
3. Закалюжный Р. С., Закалюжная А. Р. Актуальные проблемы применения Федерального закона № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» (на примере конкретного дела) // *Вестник исполнительного производства*. 2019. № 2. С. 33–37.
4. Илюшина М. Н. Гражданско-правовые элементы механизма контроля за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам // *Гражданское право*. 2019. № 6. С. 3–7.
5. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // *Собрание законодательства РФ*. 26.06.2006. № 26. Ст. 2780.
6. Конева Д. В. Трансграничное исполнение решений российских судов об обращении в доход Российской Федерации недвижимого имущества, находящегося на территории иностранного государства // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2024. № 8. С. 29–32.
7. Максименко А. А., Дейнека О. С., Крылова Д. В., Духанова Л. Н. Отношение россиян к коррупции // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2020. Т. 13. Вып. 4. С. 407–428.
8. Окутина Н. Н. Коррупция как угроза безопасности современного общества и государства // *Государственная власть и местное самоуправление*. 2022. № 10. С. 20–23.
9. Решняк М. Г. Коррупционные преступления: взгляд через призму социальных последствий в сфере осуществления прав и свобод человека и гражданина // *Безопасность бизнеса*. 2022. № 1. С. 56–64.
10. Скловский К. И. Применение законодательства об обращении в доход государства имущества, полученного в результате нарушения законодательства о противодействии коррупции // *Вестник экономического правосудия Российской Федерации*. 2024. № 11. С. 156–186.
11. Яковенко Е. В. Обращение имущества в доход Российской Федерации как гражданско-правовой ин-

струмент противодействия коррупции: проблемы правоприменения и основные пути их решения // *Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации*. 2024. № 4. С. 45–51.

References

1. Bagautdinov F. N. Control over the compliance of expenses of civil servants with their incomes: issues of improving legislation and application practices. *Legality*. 2023. No. 6. P. 24-31 [in Russ.].
2. Bochkarev S. A. Subjects of civil liability for corruption. *Legality*. 2021. No. 3. P. 3-8 [in Russ.].
3. Zakalyuzhny R. S., Zakalyuzhnaya A. R. Actual problems of the application of Federal Law No. 230-FZ "On control over the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes" (on the example of a specific case). *Bulletin of Enforcement Proceedings*. 2019. No. 2. P. 33-37 [in Russ.].
4. Ilyushina M. N. Civil law elements of the mechanism for monitoring the compliance of expenses of persons holding public positions and other persons with their incomes. *Civil Law*. 2019. No. 6. P. 3-7 [in Russ.].
5. The United Nations Convention against Corruption (adopted in New York on 31.10.2003 by Resolution 58/4 at the 51st plenary meeting of the 58th session of the UN General Assembly). *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 26.06.2006. No. 26. Art. 2780 [in Russ.].
6. Konev D. V. Cross-border enforcement of decisions of Russian courts on the conversion of immovable property located on the territory of a foreign state to the income of the Russian Federation. *Arbitration and Civil Procedure*. 2024. No. 8. P. 29-32 [in Russ.].
7. Maksimenko A. A., Deineka O. S., Krylova D. V., Dukhanova L. N. The attitude of Russians to corruption. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. 2020. Vol. 13. Issue 4. P. 407-428 [in Russ.].
8. Okutina N. N. Corruption as a threat to the security of modern society and the state. *State power and local self-government*. 2022. No. 10. P. 20-23 [in Russ.].
9. Reshnyak M. G. Corruption crimes: a look through the prism of social consequences in the sphere of human and civil rights and freedoms. *Business security*. 2022. No. 1. P. 56-64 [in Russ.].
10. Sklovskiy K. I. Application of legislation on the conversion of property received as a result of violations of anti-corruption legislation to state income. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*. 2024. No. 11. P. 156-186 [in Russ.].
11. Yakovenko E. V. The conversion of property into income of the Russian Federation as a civil law instrument for combating corruption: problems of law enforcement and the main ways to solve them. *Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation*. 2024. No. 4. P. 45-51 [in Russ.].

Федорова Инна Владимировна,
преподаватель кафедры гражданского права,
юридический факультет,
Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: shipetina@sfnedu.ru

Fedorova, Inna V.,
Lecturer at the Department of Civil Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: shipetina@sfnedu.ru

Станиславов Павел Денисович,
магистрант 1 года обучения, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88,
email: stanislavov@sfnedu.ru

Stanislavov, Pavel D.,
1st year Master's Student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: stanislavov@sfnedu.ru

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ НЕЙРОТЕХНОЛОГИЙ

LEGAL ASPECTS OF PROTECTION OF USERS OF NEUROTECHNOLOGIES

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена анализу проблем правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием и применением нейротехнологий. Авторы предпринимают одну из немногих научных попыток анализировать право на нейромодификацию как одну из составляющих нейроправ человека. Дается авторское определение понятия «пользователь нейротехнологий» и особо подчеркивается отсутствие единой системы критериев правового регулирования отношений с их участием. В статье рассматриваются ключевые вопросы дифференциации дееспособности лиц с нейростройствами, в частности с нейрочипами. Существующая практика их использования указывает на возможности достижения устойчивых успехов в психофизической стабильности недееспособных граждан, в связи с чем авторами предлагается включение в п. 2 ст 30 ГК РФ, п. 3 ст. 29 ГК РФ самостоятельного условия ограничения дееспособности лица, страдающего психическим расстройством, как осознание и руководство своими действиями лишь с помощью использования нейростройства. В представленной работе обозначен ряд проблем, сопряженных с возможными рисками незаконного вмешательства в когнитивные процессы человека. В связи с указанным обстоятельством предлагается при-

ABSTRACT. This article is devoted to analysing the problems of legal regulation of relations arising in connection with the development and application of neurotechnologies. The authors make one of the few scientific attempts to analyse the right to neuromodification as one of the components of neurorights. The authors define the concept of 'user of neurotechnologies' and emphasise the absence of a unified system of criteria for the legal regulation of relations involving neurotechnologies. The article considers key issues of differentiation of legal capacity of persons with neurodevices, in particular, with neurochips. The existing practice of their use indicates steady success in achieving psychophysical stability of incapacitated persons, in connection with which the authors propose the inclusion in paragraph 2 of Article 30 of the Civil Code of the Russian Federation and paragraph 3 of Article 29 of the Civil Code of the Russian Federation of an independent condition for limiting the legal capacity of a person suffering from a mental disorder, such as awareness and management of their actions due to the use of a neurodevice. The presented work identifies a number of problems associated with possible risks of illegal interference in human cognitive processes. In connection with this circumstance, it is proposed to give legal certainty to the rights to cognitive autonomy and inviolability of consciousness. The information obtained during the use

дать правовую определенность правам на когнитивную автономию и неприкосновенность сознания. Полученная в ходе использования нейроустройств информация должна быть приравнена к персональным данным с возложением ответственности на разработчиков за утечку полученной информации. Авторами анализируется состояние действующего международного законодательства по исследуемому вопросу, отмечаются позитивные тенденции российского права. В заключение статьи подчеркивается необходимость совершенствования законодательства в сфере нейротехнологий, направленное на достижение баланса между технологическим прогрессом и защитой фундаментальных прав нейропользователей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нейроправа, нейротехнологии, нейромодификация, нейропользователь, когнитивная автономия, неприкосновенность сознания, дееспособность

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Федорова, И. В. Правовые аспекты защиты пользователей нейротехнологий / И. В. Федорова, П. Д. Станиславов. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 58–63. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-9

В контексте социальных ценностей права и свободы человека выступают в роли ключевых ориентиров развития современного общества. Будучи гарантией личной автономии и защиты интересов индивидов, вместе с тем они призваны обеспечивать устойчивое функционирование правопорядка через определение границы допустимого поведения. Указанное обстоятельство сопряжено с параллельной трансформацией общественных институтов и их адаптацией к новым социальным реалиям. В современных условиях развития российского правового пространства четко прослеживается тенденция увеличения нормативных масштабов регулирования различных направлений инновационных технологий, в т. ч. бионейромедицинских исследований, непосредственно затрагивающих наиболее значимые основы правового положения человека. Реалии сегодняшнего дня таковы, что нейротехнологии заняли устойчивое место на арене мирового прогресса. Так, уже не вызывают удивления кохлеарные импланты – специальные электронные устройства, передающие электрические импульсы в мозг и позволяющие компенсировать потерю слуха лицам с нейросенсорной тугоухостью. Разрабатываются устройства для глубокой стимуляции мозга

of neurodevices should be equated to personal data with the imposition of responsibility on the developers for the leakage of the information obtained. The authors analyse the state of current international legislation on the issue under study, and note positive trends in Russian law. The article concludes by emphasising the need to improve legislation in the field of neurotechnology, aimed at achieving a balance between technological progress and the protection of fundamental rights of neural users.

KEYWORDS: neurorights, neurotechnology, neuromodification, neurouser, cognitive autonomy, inviolability of consciousness, capacity

FOR CITATION:

Fedorova, I. V., Stanislavov, P. D. (2025) Legal Aspects of Protection of Users of Neurotechnologies. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 58-63 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-9

для лечения таких заболеваний, как болезнь Альцгеймера, Паркинсона, других психических расстройств и различных зависимостей. В подобных условиях происходит конвергенция права и технологического прогресса, что указывает на необходимость формирования нового поколения прав человека – нейроправ.

В этом контексте прогрессивным видится мнение И. А. Кравца, который предлагает разработку концептуальной основы нового правового образования – бионейроконституционализма. Цель формирования указанной парадигмы конституционного регулирования выражается в «признании специфических прав человека в области нейротехнологий и нейроправа для целей достижения нейроэтического благополучия, основанного на уважении и поддержании когнитивного достоинства человека и человечества» [6].

Соглашаясь с изложенным мнением, добавим, что государство обязано обеспечить институциональные и нормативные гарантии защиты когнитивной автономии личности посредством разработки комплексного правового механизма регулирования нейротехнологий, который должен включать закрепления правового статуса нейропользователей и допустимого предела вмешательства в их когнитивные

процессы, а также систему юридических гарантий, направленных на предотвращение злоупотреблений в условиях глобальных вызовов в сфере здравоохранения.

Как известно, нейротехнологии – это технические средства, работа которых связана с влиянием на нейропсихологическую активность человека, а значит, на возможность понимать значение своих действий и руководить ими. Пользователем нейротехнологий, по нашему мнению, выступает физическое лицо, использующее устройство, которое взаимодействует с центральной или периферической нервной системой человека, с целью анализа, восстановления либо замены нейронных и телесных функций, в т. ч. для лечения различных нейродегенеративных заболеваний.

Первым человеком с вживленным нейроустройством стал парализованный композитор и художник Джонни Рэй, которому был имплантирован чип, позволяющий при помощи мозговой активности управлять стрелкой мыши на компьютере [13].

В настоящее время закон не устанавливает, а научная доктрина не предлагает каких-либо определяющих критериев правового регулирования отношений с участием пользователей нейротехнологий. В рамках сложившейся мировой тенденции большее внимание уделяется техническому обеспечению данных технологий. Об этом свидетельствует п. 98 Преамбулы Регламента Европейского Парламента и Совета Европейского Союза о медицинских изделиях, регулирующий процессы имплантации медицинских устройств [12].

Интересно обратиться к практике зарубежных стран, где уже сделан первый шаг на пути признания и закрепления нейроправ человека. Так, 7 октября 2020 года группа чилийских сенаторов во главе с Гвидо Жирарди Лавином подготовили поправки в Конституцию Чили, которые направлены на защиту психической неприкосновенности, свободы воли и права на доступ к нейротехнологиям всех граждан без какой-либо дискриминации. Цель внесения изменений в статью 19 Конституции Чили в том, чтобы «защитить мозг от вмешательства с помощью достижений и возможностей, полученных в результате развития нейротехнологий» [20]. К сожалению, вынуждены отметить, что до настоящего времени указанные поправки

так и не нашли свое место на страницах главного закона страны.

В 2021 году правительство Испании приняло «Хартию цифровых прав» (Carta de Derechos Digitales) [9], которая служит ориентиром для обеспечения прав граждан в условиях быстрого развития цифровых технологий. В разделе 5.XXVI «Цифровые права при использовании нейротехнологий» подчеркивается необходимость законодательного регулирования условий, ограничений и гарантий применения нейротехнологий с целью обеспечения: контроля каждого человека над своей личностью (а), гарантии индивидуального самоопределения, суверенитета и свободы принятия решений (b), обеспечения конфиденциальности и безопасности данных, полученных или касающихся мозговых процессов, и полного контроля над ними (с), регулирование использования человеко-машинных интерфейсов, которые могут повлиять на физическую или психологическую целостность (d), обеспечение основанных на нейротехнологиях решений и процессов, которые не будут обусловлены предоставлением неполных, нежелательных, неизвестных или предвзятых данных, программ или информации (e).

Особого внимания заслуживает часть 2, которая декларирует возможность регулировать те ситуации и условия использования нейротехнологий, которые, помимо их терапевтического применения, направлены на увеличение умственных способностей, стимулирование или расширение возможностей человека.

По нашему убеждению, одним из элементов нейроправ выступает также право на нейромоодификацию, т. е. на улучшение работы мозга и обеспечение устойчивого развития когнитивных способностей человека посредством использования нейротехнологий. Вместе с тем в литературе выражается обеспокоенность формирования идеи достижения телесного или умственного «совершенства» с помощью биотехнических инструментов [4]. Как указывает М. В. Залоило, стремительное развитие нейротехнологий приведет к условному выделению нейромоодифицированных субъектов и субъектов, отказавшихся от использования данных технологий [3]. В связи с чем расширение интеллектуальных возможностей человека возможно лишь в пределах, установленных

правовым режимом охраны конституционных прав человека [1, с. 108].

По убеждению В. И. Красикова, идея формирования «нейроправ» как категории фундаментальных прав человека следует из проблемы столкновения нейротехнологий с человеческой психикой и мозгом [7]. В целом российское гражданское законодательство исходит из дифференциации правового статуса лиц, страдающих психическими расстройствами, путем признания их недееспособными (ст. 29 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), либо ограниченно дееспособными (ст. 30 ГК РФ). Критериями, учитываемыми при решении вопроса относительно дееспособности гражданина, выступает сознательный (способность понимания значения своих действий) и волевой критерии (возможность руководства своими поступками). Одновременное нарушение указанных компонентов в совокупности вследствие психического расстройства является основанием для признания лица недееспособным [2]. Способность к восприятию информации и реализации принятых решений путем привлечения помощи стороннего лица дает основание суду признать гражданина ограниченно дееспособным с наделением его возможностью самостоятельно распоряжаться своим заработком и совершать мелкие бытовые сделки.

Вместе с тем, как было неоднократно обозначено, проведение нейромодификации способно нивелировать когнитивные дисфункции, которые стали причиной поражения лица в его дееспособности. В настоящее время созданы нейроимпланты, вживляемые в кору мозга, которые способны поддерживать функции клеток, поврежденных вследствие, например, болезни Паркинсона [10]. Подобные позитивные изменения в психической деятельности недееспособного лица могут восстановить его частичную способность к принятию юридически значимых решений.

Считаем, что при установке нейрочипа с подтвержденной в последующем позитивной коррекцией психофизической деятельности недееспособного гражданина вопрос о его дееспособности должен быть разрешен судом в пользу ее ограничения на основании п. 3 ст. 29 ГК РФ. В данной связи видится обоснованным включение в п. 2 ст. 30 ГК РФ, а также в упомянутый п. 3 ст. 29 ГК РФ самостоятельного условия

ограничения дееспособности лица, страдающего психическим расстройством, как осознание и руководство своими действиями вследствие использования нейроустройства. Подобное решение направлено на защиту прав и интересов указанных лиц и создаст новое нормативное регулирование, обращенное в будущее.

Между тем, важно понимать, что такой нейропротез, будучи технически сложным устройством, способен к поломке, что неизбежно приведет к регрессу использования ресурсов мозга. В связи с чем суду при решении вопроса о привлечении к ответственности гражданина, ограниченного в дееспособности вследствие психического заболевания и являющегося пользователем нейроустройства, за причиненный им вред в каждом конкретном случае следует выяснять, насколько он мог понимать значение своих действий и руководить ими в момент совершения.

Несмотря на обозначенные благоприятные тенденции использования нейрочипа, в литературе неоднократно отмечается угроза внешнего вмешательства со стороны злоумышленников с получением доступа к персональным данным лица и возможностью манипулировать волей и сознанием человека [16]. Недобросовестные действия со стороны разработчиков имплантированного устройства также могут способствовать утечке полученной информации.

Концепция защиты нейроданных актуальна не только для лиц, в тело которых были интегрированы нейроустройства. Так, новейшие достижения в сфере сбора и обработки больших данных позволяют отслеживать умственную нагрузку сотрудников и прогнозировать будущую производительность на рабочем месте. Например, шлем SmartCap предназначен для выявления и предупреждения об усталости работников в таких отраслях, как горнодобывающая промышленность, авиация и нефтегазовое производство [17; 19]. А компания Amazon использует передовые алгоритмы для сбора данных о когнитивной продуктивности своих сотрудников. Полученная информация в дальнейшем используется для оценки эффективности и поощрения работников [15].

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что пользователи нейротехнологий, оставаясь без должного нормативного внима-

ния, уязвимы в своей правовой незащищенности. Развивающиеся процессы метода внедрения нейромодификации до настоящего времени все еще обладают характером научного эксперимента, сопряженного с особым медицинским риском.

Согласно статье 24 «Биомедицинские исследования с участием уязвимых контингентов» Модельного закона о защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ, к наиболее уязвимой категории лиц относятся в том числе лица с психическими и ментальными расстройствами. При проведении биологического исследования обеспечивается соблюдение специальных процедур, учитывающих факторы возрастной, интеллектуальной, ментальной или социальной незрелости личности участника исследования [8].

Права и свободы любого человека должны рассматриваться как превалирующие над интересами исследований. Особое когнитивное состояние нейропользователей требует от государства предложения юридических решений для защиты их прав и интересов, адекватных вызовам сегодняшней жизни. Уже сейчас на увеличение нормативных масштабов регулирования в России указывает принятие Постановления Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 [11], которым для нейротехнологий и технологий искусственного интеллекта предусматривается создание экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций, «т. е. формирование правовой базы для ускоренного внедрения на практике» [14, с. 33].

В свете меняющихся представлений о содержании права на неприкосновенность частной жизни данные обстоятельства указывают на формирования особых, неизвестных ранее прав на когнитивную автономию и неприкосновенность сознания. Ключевыми идеями должны стать признание полученной информации об активности и функциях мозга как разновидности персональных данных, императивный запрет на любые нейровоздействия без согласия носителя, а также защита человеческого разума от внешнего контроля и несанкционированного доступа.

В заключение хотелось бы отметить, что нейротехнологии, опережая правовое реагирование законодателя, вызывают к себе все больший

научный и прикладной аналитический интерес. Стремительный прогресс нейронауки заставляет нас переосмыслить пределы собственной субъективности, оставляя без ответа вопрос: мое тело все еще принадлежит мне или оно принадлежит медицинским технологиям? [5, с. 80]

Список использованных источников

1. Акимцева Я. В. Конституционно-правовые аспекты биомедицинских исследований на человеке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 183 с.
2. Воронцова И. В., Долотина Р. Р., Сулейманова А. Ш. Материальные и процессуальные аспекты правового регулирования состояния дееспособности лица при оценке его сознания и элементов психики // Вестник гражданского процесса. 2022. № 6. С. 43–64.
3. Залоило М. В. Правовая меметика в исследовании правоприменения // Журнал российского права. 2024. № 11. С. 19–32.
4. Зенин С. С., Некрасов М. А. Соматические биотехнологии в системе социальных ценностей современного российского общества // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 1. С. 22–32.
5. Изуткин Д. А. Человеческое тело как объект биомедицинских технологий: философские и этические аспекты // Гуманитарный вектор. 2018. № 2. С. 76–81.
6. Кравец И. А. Бионейроконституционализм и достоинство: теоретические основы, диалог этических и юридических требований и перспективы взаимодействия (часть I) // Журнал российского права. 2022. Т. 26. № 2. С. 5–22.
7. Красиков В. И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // Вестник Российской правовой академии. 2023. № 1. С. 65–83.
8. Модельный закон о защите прав и достоинства человека в биомедицинских исследованиях в государствах-участниках СНГ (Принят в г. Санкт-Петербурге 18.11.2005 Постановлением 26-10 на 26-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 2006. № 37. С. 312–326.
9. Официальный сайт председателя правительства Испании и Совета министров. URL: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/140721-Carta_Derechos_Digitales_RedEs.pdf (дата обращения: 23.01.2025).
10. Пдакина В. В., Филук А. Я. Мозговые импланты: на что они способны? URL: https://medaboutme.ru/articles/mozgovye_implanty_na_chto_oni_sposobny (дата обращения: 01.02.2025).
11. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // Собрание законодательства РФ. 02.11.2020. № 44. Ст. 7003.

12. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2017/746 от 5 апреля 2017 г. о медицинских изделиях для диагностики *in vitro*, а также об отмене Директивы 98/79/ЕС и Решения 2010/227/ЕС Европейской Комиссии (Страсбург, 5 апреля 2017 г.) // ГАРАНТ.РУ. URL: <https://base.garant.ru/72074006> (дата обращения: 01.02.2025).

13. Соколова М. Е. Киборгизация человека: социально-правовое измерение // Социальные новации и социальные науки. 2022. № 4. С. 52–64.

14. Филипова И. А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 2. С. 32–49.

15. De Stefano V. “Negotiating the algorithm”: automation, artificial intelligence, and labor protection // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2019. Vol. 41. No. 1. P. 15-46.

16. Moreu Carbonell E. The Regulation of Neuro-Rights // *European Review of Digital Administration & Law – Erdal*. 2021. Vol. 2. P. 149-162.

17. Muhl E., Andorno R. Neurosurveillance in the workplace: do employers have the right to monitor employees’ minds? // *Frontiers in Human Dynamics*. 2023. P. 1-11.

18. Richardson E. H., Turner B. S. Bodies as Property: From Slavery to DNA Maps // *Body Lore and Laws: Essays on Law and the Human Body* / eds.: A. Bainham, Sh. D. Sclater, M. Richards. Cambridge, 2002. P. 29-42.

19. Struić G. The Regulation of Neurorights in National Legislation: What Should be Kept in Mind? // *British Journal of Philosophy, Sociology and History*. 2023. Vol. 2. P. 1-8.

20. The UNESCO Courier. URL: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vpered-i-v-dele-zaschity-neyroprav> (дата обращения: 23.01.2025).

References

1. Akimtseva Ya. V. Constitutional and legal aspects of biomedical research on human beings: dissertation for the degree of candidate of legal sciences. Moscow, 2023. 183 p. [in Russ.].

2. Vorontsova I. V., Dolotina R. R., Suleymanova A. Sh. Material and procedural aspects of the legal regulation of the state of legal capacity of a person when assessing his consciousness and elements of psyche. *Vestnik of civil process*. 2022. No. 6. P. 43-64 [in Russ.].

3. Zaloilo M. V. Legal memetics in the study of law enforcement. *Journal of Russian Law*. 2024. No. 11. P. 19-32 [in Russ.].

4. Zenin S. S., Nekrasov M. A. Somatic Biotechnologies in the System of Social Values of Modern Russian Society. *Actual Problems of Russian Law*. 2024. No. 1. P. 22-32 [in Russ.].

5. Izutkin D. A. Human body as an object of biomedical technologies: philosophical and ethical aspects. *Humanitarian vector*. 2018. No. 2. P. 76-81 [in Russ.].

6. Kravets I. A. Bioneuroconstitutionalism and dignity: theoretical foundations, dialogue of ethical and legal requirements and prospects of interaction (part 1). *Journal of Russian Law*. 2022. No. 2. P. 5-22 [in Russ.].

7. Krasikov V. I. Features of new human rights in the conditions of development of modern neurotechnologies. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2023. No. 1. P. 65-83 [in Russ.].

8. Model Law on Protection of Human Rights and Dignity in Biomedical Research in the CIS Member States (Adopted in St. Petersburg 18.11.2005 by Resolution 26-10 at the 26th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). *Newsletter. Interparliamentary Assembly of the Member States of the Commonwealth of Independent States*. 2006. No. 37. P. 312-326 [in Russ.].

9. Official website of the President of the Government of Spain and the Council of Ministers. Available at: https://www.lamoncloa.gob.es/presidente/actividades/Documents/2021/140721-Carta_Derechos_Digitales_RedEs.pdf (date of access: 23.01.2025) [in Russ.].

10. Pdakina V. V., Filuk A. Ya. Brain implants: what are they capable of? Available at: https://medaboutme.ru/articles/mozgovye_implanty_na_chno_oni_sposobny (date of access: 01.02.2025) [in Russ.].

11. Resolution of the Government of the Russian Federation of 28.10.2020 No. 1750 ‘On approval of the list of technologies used in the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovation’. *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 02.11.2020. No. 44. Art. 7003 [in Russ.].

12. Regulation of the European Parliament and of the Council of the European Union 2017/746 of 5 April 2017 on medical devices for *in vitro* diagnostics, as well as on the repeal of Directive 98/79/EC and Decision 2010/227/EC of the European Commission (Strasbourg, 5 April 2017). Available at: <https://base.garant.ru/72074006> (date of access: 01.02.2025) [in Russ.].

13. Sokolova M. E. Human cyborgisation: socio-legal dimension. *Social innovations and social sciences*. 2022. No. 4. P. 52-64 [in Russ.].

14. Filipova I. A. Neurotechnologies in law and law enforcement: past, present and future. *Law Enforcement*. 2022. Vol. 6. No. 2. P. 32-49 [in Russ.].

15. De Stefano V. “Negotiating the algorithm”: automation, artificial intelligence, and labor protection. *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2019. Vol. 41. No. 1. P. 15-46.

16. Moreu Carbonell E. The Regulation of Neuro-Rights. *European Review of Digital Administration & Law – Erdal*. 2021. Vol. 2. P. 149-162.

17. Muhl E., Andorno R. Neurosurveillance in the workplace: do employers have the right to monitor employees’ minds? *Frontiers in Human Dynamics*. 2023. P. 1-11.

18. Richardson E. H., Turner B. S. Bodies as Property: From Slavery to DNA Maps. *Body Lore and Laws: Essays on Law and the Human Body*. Eds. A. Bainham, Sh. D. Sclater, M. Richards. Cambridge, 2002. P. 29-42.

19. Struić G. The Regulation of Neurorights in National Legislation: What Should be Kept in Mind? *British Journal of Philosophy, Sociology and History*. 2023. Vol. 2. P. 1-8.

20. The UNESCO Courier. Available at: <https://courier.unesco.org/ru/articles/chili-na-shag-vpered-i-v-dele-zaschity-neyroprav> (date of access: 23.01.2025).

Храпунова Екатерина Александровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права,
юридический факультет, Федеральное
государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: khrapunova@yandex.ru

Khrapunova, Ekaterina A.,
PhD in Law, Associate Professor
at the Department
of Civil Law, Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: khrapunova@yandex.ru

Шикина Ольга Владимировна,
студент 4 курса, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Южный федеральный университет»,
344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: shikina.olga2407@yandex.ru

Shikina, Olga V.,
4th year Student,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: shikina.olga2407@yandex.ru

ПРОБЛЕМА СОБЛЮЖДЕНИЯ БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ СТОРОН В ОТНОШЕНИЯХ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЗАЙМА

THE ISSUE OF BALANCING THE INTERESTS OF THE PARTIES IN CONSUMER LOAN RELATIONS

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается проблема обеспечения баланса интересов сторон правоотношения, которые имеют разные организационные и финансовые возможности. Раскрываются причины, из-за которых может возникнуть подобная асимметрия возможностей. Приводится судебная практика по применению способов защиты слабой стороны, предусмотренные законодателем. Также обращается внимание на особое положение сторон в заемных правоотношениях, которое меняется в зависимости от стадии развития правоотношения. Анализируются попытки законодателя по урегулированию деятельности кредитных организаций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: баланс интересов сторон, слабая сторона, потребитель, заемные правоотношения, нарушение прав граждан, злоупотребление, защита прав

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Храпунова, Е. А. Проблема соблюдения баланса интересов сторон в отношениях потребительского займа / *Е. А. Храпунова, О. В. Шикина.* – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 64–70. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-10

ABSTRACT. The article deals with the problem of ensuring a balance of interests between the parties to a legal relationship, which have different organizational and financial capabilities. The reasons why such an asymmetry of possibilities may arise are revealed. The article provides judicial practice on the application of methods of protecting the weak side provided by the legislator. Attention is also drawn to the special position of the parties in the loan relationship, which varies depending on the stage of development of the legal relationship. The attempts of the legislator to regulate the activities of credit institutions are analyzed.

KEYWORDS: balance of interests of the parties, weak side, consumer, loan relations, violation of citizens' rights, abuse, protection of rights

FOR CITATION:

Khrapunova, E. A., Shikina, O. V. (2025) The Issue of Balancing the Interests of the Parties in Consumer Loan Relations. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU.* 12(1): 64-70 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-10

В гражданских правоотношениях часто имеет место ситуация, когда интересы участников противоположно направлены, так как каждая из сторон преследует собственные цели, желая достичь максимальной выгоды. Это приводит к тому, что в юридической науке возникает вопрос об обеспечении баланса интересов сторон, под которым понимается такое состояние правоотношения, при котором стороны имеют равные возможности для реализации своих законных интересов [17]. Баланс интересов наиболее значим в сфере договорных правоотношений, особенно на стадии согласования условий договора в процессе переговоров. В силу принципа свободы договора стороны могут по своему усмотрению определять условия договора. Однако это не означает возможность для одной из сторон устанавливать обременительные условия в ситуации, когда участники гражданского оборота вступают в договорные отношения, где имеется экономически более сильная сторона. Как правило, сильная сторона договора профессионально осуществляет деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний. Включение в договор условий, создающих неблагоприятные последствия для слабой стороны договора, недопустимо [12].

Таким образом, проблема в соблюдении баланса интересов субъектов гражданского правоотношения заключается прежде всего в наличии слабой стороны правоотношения, которая не имеет финансовых и организационных возможностей оценить обременительность договорных условий на случай наступления тех или иных обстоятельств при исполнении договора.

Согласно п. 9 Постановления Пленума ВАС № 16 слабой стороной договора следует считать сторону, находящуюся в положении, затрудняющем согласование иного содержания отдельных условий договора, предложенных другой стороной [16]. В доктрине отсутствует общий критерий выделения слабой стороны. Так, одни авторы определяют слабую сторону в зависимости от ее роли в правоотношениях. С. А. Хохлов указывает, что в обязательствах таковой реально являются кредитор, потерпевший и другие лица, утратившие то, что им полагается по закону [6]. По мнению Е. В. Вавилина, скорее всего, должник относится к слабому субъекту, поскольку он обременен не-

обходимостью совершать определенные действия (либо воздерживаться от обозначенных действий) в пользу другой стороны [3]. Исходя из указанных предложений, слабой стороной может считаться как кредитор, так и должник. Поэтому используемый критерий нельзя считать универсальным.

На наш взгляд, «слабость» одной из сторон может быть связана с ее непрофессионализмом, в том числе с отсутствием необходимых знаний и информационным неравенством сторон. Кроме того, хотелось бы отметить, что слабой стороной, как правило, в литературе считают физическое лицо, которое является контрагентом юридического лица по договору. По нашему мнению, такая точка зрения является неверной, так как слабой стороной может оказаться и юридическое лицо, обладающее меньшим объемом организационных возможностей, профессиональных, материальных или информационных ресурсов по сравнению со своим контрагентом.

Подобная асимметрия возможностей ставит одну сторону в зависимость от другой и требует создания механизмов защиты той стороны, которая в меньшей степени влияет на содержание договора. В договоре присоединения присоединяющаяся сторона лишена возможности по согласованию его условий, поэтому считается слабой стороной. В связи с этим законодатель выработал способы по обеспечению баланса интересов сторон. Так, согласно п. 2 ст. 428 ГК РФ, присоединяющаяся сторона вправе потребовать расторжения или изменения договора, если договор присоединения содержит явно обременительные для нее условия, которые она исходя из своих разумно понимаемых интересов не приняла бы при наличии у нее возможности участвовать в определении условий договора [4].

Суды используют указанный способ защиты и признают условия договора несправедливыми, нарушающими баланс интересов сторон и противоречащими основным началам гражданских правоотношений, базирующихся на равенстве их участников [15].

По нашему мнению, в каждой конкретной ситуации стоит уяснить, имели ли место переговоры о заключении договора. Для применения ст. 428 ГК РФ суды должны оценивать фактические обстоятельства заключения до-

говора, в том числе соотношение переговорных возможностей сторон, а также установить, было ли присоединение к предложенным условиям вынужденным. Необходимо учитывать уровень профессионализма сторон в соответствующей сфере, конкуренцию на соответствующем рынке, наличие у присоединившейся стороны реальной возможности вести переговоры или заключить аналогичный договор с третьими лицами на иных условиях и т. д. [16]. Подобные требования усложняют использование указанного механизма по защите прав слабой стороны, поэтому суды зачастую ошибочно не усматривают наличие обременительных условий и оснований для признания договора недействительным. Так, Арбитражный суд Дальневосточного округа, отменяя решение нижестоящего суда, установил, что неравенство переговорных возможностей между сторонами было явным. Истец заключил договор путем подачи заявления о присоединении к Общим условиям кредитования Банка, поэтому считается слабой стороной [14]. Таким образом, возможность признания договора договором присоединения ставится в зависимость от способа его заключения и возможности влиять на его условия. При этом на присоединяющуюся сторону возлагается обязанность доказать, что она была поставлена в положение, затрудняющее согласование иного содержания отдельных условий договора.

Слабой стороной также выступает потребитель, поэтому законодатель предоставляет ему дополнительные права и гарантии. Так, согласно ст. 426 ГК РФ, при заключении публичного договора лицо, осуществляющее предпринимательскую или иную приносящую доход деятельность, не вправе оказывать предпочтение одному лицу перед другим лицом. Также при необоснованном уклонении указанного лица от заключения публичного договора потребитель вправе понудить его к заключению договора [4]. Названная норма призвана уравнивать положение обеих сторон посредством создания дополнительных возможностей для слабой стороны.

На наш взгляд, гражданин-потребитель становится наиболее зависимым от воли контрагента при получении кредита, а именно на стадии согласования условий договора. Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ

«О потребительском кредите (займе)» закрепил перечень условий договора потребительского кредита, которые делятся на общие и индивидуальные [20]. При этом, к общим условиям применяется ст. 428 ГК РФ о договоре присоединения, а следовательно, и предусмотренные способы защиты присоединяющейся стороны. Стоит отметить, что на кредитную организацию возлагается обязанность по доведению до заемщика общих условий договора бесплатно. Индивидуальные же условия согласуются с каждым заемщиком отдельно и непосредственно влияют на размер его обязательств. Следовательно, законодатель отходит от практики заключения договора потребительского кредита в порядке, предусмотренном для договора присоединения [13].

Законодатель также защищает заемщика от включения в договор условий, влекущих дополнительные расходы. Так, суды признают недействительными соглашения, навязывающие услуги потребителю при заключении кредитного договора [8]. В частности, кредитор по договору потребительского кредита не вправе обуславливать процентную ставку по нему обязанностью заемщика заключить договор страхования с конкретной страховой компанией [9; 10].

Указанные положения закона направлены на доведение до заемщика всей информации о кредитовании и его защиту от действий недобросовестного кредитора. Законодатель стремится урегулировать процесс получения кредита, создать «прозрачный» механизм, который позволил бы обеспечить баланс отношений сторон. Так, последовательное совершение сторонами ряда действий при заключении договора потребительского кредита, в частности, формирование кредитором общих условий потребительского кредита, размещение кредитором информации об этих условиях, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», согласование сторонами индивидуальных условий договора потребительского кредита, составление письменного договора потребительского кредита по установленной форме, ознакомление с ним потребителя, подписание его сторонами, создает гарантии соблюдения прав заемщика. Упрощенный же порядок заключения договора, например с подтверждением только через СМС,

нивелирует все гарантии и противоречит положениям закона № 353-ФЗ [11].

Хотим подчеркнуть, что изменения очередности погашения платежей по просроченному кредиту в условиях недостаточности средств у заемщика также направлены на защиту граждан как экономически слабой стороны в кредитном договоре [18]. Теперь эта очередность выглядит так: задолженность по процентам, задолженность по основному долгу, проценты за текущий период платежей, сумма основного долга, неустойка и иные платежи. До внесения изменений заемщики в первую очередь погашали штрафы и пени, потом – проценты, а затем – сумму основного долга. Если финансовое положение заемщика ухудшалось, он не мог выплатить основную сумму долга, на которую продолжали начисляться проценты, что приводило к замкнутому кругу.

Более того, предлагаемые изменения в Федеральный закон от 30 декабря 2004 г. № 218-ФЗ «О кредитных историях», которые вступят в силу 1 марта 2025 г., направлены на защиту интересов заемщика от мошенничества при кредитовании. Они направлены на исключение возможности получения кредита от имени другого лица. Так, в информационную часть кредитной истории предлагается включить сведения о запрете на заключение договоров потребительского займа (кредита), который устанавливается на основании заявления субъекта кредитной истории. При этом, согласно изменениям в Закон № 353-ФЗ, при наличии сведений о действующем запрете в кредитной истории кредитная организация, микрофинансовая организация отказывают заемщику в заключении договора потребительского кредита (займа). Более того, теперь на кредитную организацию будет возложена обязанность не ранее чем за тридцать календарных дней до даты заключения договора потребительского кредита (займа) запросить во всех квалифицированных бюро кредитных историй информацию о наличии в кредитной истории заемщика сведений о запрете [19].

Хотелось бы обратить внимание, что «слабость» заемщика при получении кредита не вызывает сомнений, поэтому законодатель предусмотрел множество способов его защиты. Такое положение вещей часто приводит к тому, что заемщик считается единственной

слабой стороной. Однако, на наш взгляд, положение кредитора-заимодавца не всегда так очевидно, как положение постоянно сильной стороны в договоре. Представляется, что оно может меняться в зависимости от этапа развития заемного правоотношения. По нашему мнению, для договора потребительского кредита характерна ситуация, при которой слабая сторона определяется стадией правоотношения. Безусловно, на стадии согласования условия слабой стороной считается заемщик, но на стадии исполнения слабым может оказаться и кредитор. Это связано с тем, что законодатель не в силах повлиять на волю сторон правоотношения. Так, на этапе выдачи кредита законодатель не может обязать кредитора передать денежные средства заемщику, что делает последнего слабой стороной. После передачи денежных средств кредитор-заимодавец становится стороной, которая может лишь ожидать воли к добросовестному исполнению. Единственный способ защиты кредитора на этой стадии правоотношений – это меры гражданско-правовой ответственности, которые предусмотрел законодатель. К ним можно отнести ответственность заемщика при нарушении сроков исполнения обязательств. Более того, исходя из принципа добросовестности, на заемщика также возлагается преддоговорная обязанность по предоставлению достоверной информации. Следовательно, не только кредитор, но и заемщик должен раскрывать необходимые данные. Указанные положения позволяют выровнять информационное неравенство сторон при заключении договора и снизить риск недобросовестности со стороны контрагента.

Еще сложнее обеспечить баланс интересов сторон при заключении договора микрозайма, так как в данном случае диспропорция возможностей выражена наиболее явно. Сложность заключается в том, что причина, по которой гражданам навязывают обременительные условия, кроется в том числе и в неосмотрительности самих заемщиков. Граждане не задумываются о последствиях получения микрозаймов из-за низкого уровня правовой культуры и финансовой грамотности. Желая быстро получить кредит, они не обращают внимание на информацию, написанную мелким шрифтом и, конечно, не интересуются последствиями в случае невозврата денег в срок. Однако причи-

на, по которой заемщики соглашаются на такие обременительные условия, заключается не только в отсутствии правовой культуры среди населения, в этом есть вина и самих микрофинансовых организаций. Как отмечал А. В. Чирков, на стадии заключения договора возникает информационная диспропорция, поскольку клиент финансовой организации по вполне объективным причинам не слишком хорошо понимает содержание оказываемой услуги [21]. В данном случае потребитель выступает слабой стороной договора, поэтому законодатель должен выработать меры по преодолению такого неравенства сторон. Предлагаем установить перечень типовых условий, с которыми микрофинансовая организация должна будет ознакомить заемщика независимо от его требования. В первую очередь, к таким условиям должны относиться процентная ставка, санкции за ненадлежащее исполнение обязательств заемщика, а также информация об увеличении суммы, которую заемщик должен будет вернуть. Конечно, ст. 5 Закона № 353-ФЗ предусматривает обязанность кредитора размещать информацию об Общих условиях кредитного договора, однако она не обязывает кредитные организации разъяснить заемщику значение этих условий. Подробное же раскрытие информации позволит выровнять положение сторон в преддоговорных отношениях.

Стоит отметить, что желание заключить договор микрозайма также обусловлено легким и быстрым порядком его выдачи. Так, заемщик не обязан предоставлять дополнительные сведения, подтверждающие его платежеспособность, что создает риски неплатежа для кредитора. Поэтому обеспечить баланс интересов будет возможно также путем возложения на стороны связанных между собой обязанностей. Так, кредитор должен будет потребовать, а заемщик – предоставить информацию для проверки платежеспособности последнего. Для этого необходимо установить перечень документов, которые микрофинансовые организации обязаны будут требовать у клиента, среди которых существенное значение имеет справка 2-НДФЛ, а также информация о рабочем стаже. Также считаем, что должна быть законодательно закреплена возможность получения кредита или микрозайма одним из супругов при условии получения согласия друго-

го супруга. Это позволит убрать «из-под удара» кредитных и микрофинансовых организаций общее имущество супругов и супруга, не знающего о выдаче микрозайма. В настоящее время действующее законодательство не содержит обязанность предоставлять согласие супруга при получении банковского кредита, поскольку установлена презумпция согласия одного супруга на действия второго по распоряжению общим имуществом. Однако представляется интересным предложение Агентства Республики Казахстан по регулированию и развитию финансового рынка по установлению Правил получения согласия супруга на предоставление банковского займа или микрокредита физическому лицу. На наш взгляд, усложнение процедуры получения микрозайма заставит граждан более ответственно к этому относиться.

Асимметрия возможностей при получении микрозайма угрожает не только самим сторонам, но и влечет за собой возникновение потребительского экстремизма. Как ранее было сказано, заемщик не всегда является слабой стороной, так как он может ненадлежаще исполнять свои обязанности. Это может рассматриваться как злоупотребление с его стороны. Для того чтобы понять, как в данном случае обеспечить баланс интересов сторон, необходимо установить причины указанного явления. Как отмечает В. А. Анисимов, потенциальный конфликт между участниками потребительских отношений обусловлен разнонаправленностью их интересов [2], при этом в силу своей особой правовой природы потребительский интерес имеет приоритет [1]. Г. А. Ожегова также указывает на предоставление гражданам значительного объема преференций, которыми любят пользоваться недобросовестные субъекты [7]. Так, названные авторы считают, что существование потребительского экстремизма связано с большим количеством механизмов, направленных на защиту прав потребителей. С данной позицией не согласны Н. А. Киселева и О. Н. Митрошин, по мнению которых значительный объем преференций у потребителя является исключительно от недобросовестного поведения хозяйствующего субъекта. Ведь при отсутствии нарушений нет оснований для реализации прав у потребителя [5].

На наш взгляд, возникновение потребительского экстремизма при осуществлении микро-

финансовой деятельности связано с поведением обеих сторон правоотношений – заемщика и микрофинансовых организаций. Как ранее нами было отмечено, на стадии заключения договора микрофинансовые организации существенно злоупотребляют своими возможностями, навязывая потребителю обременительные условия кредитования. Однако это не является основанием для оправдания неразумного поведения самих граждан, которые не задумываются о последствиях своих действий. Причина, по которым граждане соглашаются на такие условия договора, обусловлена их желанием легкого получения кредита. Для решения рассматриваемой проблемы необходимо детально урегулировать деятельность субъектов микрофинансовой деятельности. Так, мы предлагаем установить стандарты разумного поведения как для микрофинансовых организаций, так и для самих потребителей. В задачу законодателя, в первую очередь, должно входить доведение до граждан информации о последствиях получения микрозаймов. Повышение уровня финансовой грамотности и правовой культуры будет способствовать формированию ответственного поведения заемщиков. Такой подход обеспечит баланс интересов участников рассматриваемых правоотношений.

Таким образом, принцип баланса интересов сторон выступает в противовес принципу свободы договора. Он защищает слабую сторону от навязывания обременительных условий и снижает риски неблагоприятных последствий. Однако в случае заключения договоров потребительского кредита или микрозайма в зависимости от стадии существования правоотношений слабой стороной может выступать и кредитор, и заемщик. Поэтому достигнуть баланса интересов сторон возможно путем одновременного воздействия законодателя на регламентацию прав и обязанностей сторон договора на каждой стадии правоотношений с учетом того обстоятельства, что позиция слабой стороны на различных стадиях может меняться.

Список использованных источников

1. Анисимов В. А. Актуальные проблемы гражданско-правовой охраны потребительского интереса // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 2. С. 31–38.

2. Анисимов В. А. Особенности гражданско-правовой квалификации недобросовестного поведения участников потребительских отношений как злоупотребления правом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 5 (118). С. 107–114.

3. Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Волтерс Клувер, 2009. 338 с.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Российская газета. 1994. 8 дек.

5. Киселева Н. А., Митрошин О. Н. К вопросу о содержании понятия «потребительский экстремизм» // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 10. С. 6–8.

6. Козырь О. М., Маковский А. Л., Хохлов С. А. Гражданский кодекс Российской Федерации: часть вторая: текст, комментарии, алфавитно-предметный, указатель. М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. 700 с.

7. Ожегова Г. А. К понятию «потребительский экстремизм» // Юрист. 2014. № 14. С. 15–19.

8. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2023 № 18-КГ23-58-К4 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

9. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2022 № 48-КГ22-20-К7 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

10. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2023 № 49-КГ22-23-К6 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 23.05.2023 № 85-КГ23-1-К1 // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 18.10.2023 № 305-ЭС23-8962 по делу № А40-33927/2022 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

13. Пономаренко Л. А. К вопросу преддоговорного регулирования в отношениях потребительского кредитования: обеспечение баланса интересов сторон // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 67–72.

14. Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 25.03.2024 № Ф03-450/2024 по делу № А51-7780/2023 // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

15. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.03.2024 № Ф09-9747/23 по делу № А71-19380/2022 // СПС «Консультант Плюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.12.2024).

16. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «Консультант-Плюс».

тантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322 (дата обращения: 01.12.2024).

17. Пьянкова А. Ф. Баланс интересов сторон в правовом регулировании договорных отношений // Традиции и новации в системе российского права. Международная межвузовская научная конференция молодых ученых: сб. тезисов. М., 2009. С. 241–243.

18. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 5 и 7 Федерального закона «О потребительском кредите (займе)» от 19.12.2023 № 607-ФЗ // Российская газета. 2023. 22 дек.

19. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «О кредитных историях» Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 26.02.2024 № 31-ФЗ // Российская газета. 2024. 28 фев.

20. Федеральный закон «О потребительском кредите (займе)» от 21.12.2013 № 353-ФЗ // Российская газета. 2013. 23 дек.

21. Чирков А. В. Особенности правового регулирования микрофинансовой деятельности микрофинансовых организаций: монография. М.: Проспект, 2018. 176 с.

References

1. Anisimov V. A. Actual problems of civil-legal protection of consumer interests. *Legal Bulletin of Samara University*. 2017. Vol. 3. No. 2. P. 31–38 [in Russ.].

2. Anisimov V. A. Features of civil law qualification of unfair behavior of participants in consumer relations as abuse of law. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 5 (118). P. 107–114 [in Russ.].

3. Vavilin E. V. Implementation and protection of civil rights. Moscow: Wolters Kluwer, 2009. 338 p. [in Russ.].

4. The Civil Code of the Russian Federation of November 30, 1994 No. 51-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 1994. December 8 [in Russ.].

5. Kiseleva N. A., Mitroshin O. N. On the content of the concept of “consumer extremism”. *State power and local self-government*. 2022. No. 10. P. 6–8 [in Russ.].

6. Kozyr O. M., Makovsky A. L., Khokhlov S. A. The Civil Code of the Russian Federation: part two: text, comments, alphabetical and subject index. Moscow: International Center for Financial and Economic Development, 1996. 700 p. [in Russ.].

7. Ozhegova G. A. On the concept of “consumer extremism”. *Lawyer*. 2014. No. 14. P. 15–19 [in Russ.].

8. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.07.2023 No. 18-KG23-58-K4. *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

9. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.09.2022 No. 48-KG22-20-K7. *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

10. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 14.02.2023 No. 49-KG22-23-K6. *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

11. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.05.2023 No. 85-KG23-1-K1. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

12. Ruling of the Judicial Board for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation dated 18.10.2023 No. 305-ES23-8962 in case No. A40-33927/2022. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

13. Ponomarenko L. A. On the issue of pre-contractual regulation in consumer lending relations: ensuring a balance of interests of the parties. *North Caucasian Legal Bulletin*. 2020. No. 4. P. 67–72 [in Russ.].

14. Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated March 25, 2024 No. F03-450/2024 in case No. A51-7780/2023. *Legal reference system “Consultant-Plus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

15. Resolution of the Arbitration Court of the Ural District dated March 1, 2024 No. F09-9747/23 in case No. A71-19380/2022. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: <https://www.consultant.ru> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

16. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 14.03.2014 No. 16 “On Freedom of Contract and Its Limits”. *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322 (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

17. Pyankova A. F. Balance of interests of the parties in the legal regulation of contractual relations. *Traditions and innovations in the system of Russian law. International inter-university scientific conference of young scientists: collection of abstracts*. Moscow, 2009. P. 241–243 [in Russ.].

18. Federal Law “On Amendments to Articles 5 and 7 of the Federal Law “On Consumer Credit (Loan)” dated 19.12.2023 No. 607-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 2023. Dec. 22 [in Russ.].

19. Federal Law “On Amendments to the Federal Law “On Credit Histories Federal Law “On Consumer Credit (Loan)” dated 26.02.2024 No. 31-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 2024. Feb. 28 [in Russ.].

20. Federal Law “On Consumer Credit (Loan)” dated 21.12.2013 No. 353-FZ. *Rossiyskaya Gazeta*. 2013. Dec. 23 [in Russ.].

21. Chirkov A. V. Features of Legal Regulation of Microfinance Activities of Microfinance Organizations: Monograph. Moscow: Prospect Publ., 2018. 176 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 09.12.2024

Received December 09, 2024

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

УДК 343

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-11

Артеменко Наталья Викторовна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой уголовного права и
криминологии, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: nvartemenko@sfedu.ru

Artemenko, Natalia V.,
PhD in Law,
Associate Professor,
Head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: nvartemenko@sfedu.ru

Шимбарева Нина Георгиевна
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и
криминологии, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: ngshimbareva@sfedu.ru

Shimbareva, Nina G.,
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: ngshimbareva@sfedu.ru

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ КАК АЛЬТЕРНАТИВА УСЛОВНОМУ ОСУЖДЕНИЮ

COMPULSORY LABOR AS AN ALTERNATIVE TO SUSPEND SENTENCE

АННОТАЦИЯ. Анализ статистических данных позволяет наглядно определить актуальный вектор правоприменения. В 2023 г. по сравнению с 2020 г. российские суды стали в пять раз чаще назначать наказание в виде принудительных работ. Однако их доля в структуре назначаемых наказаний все равно пока крайне незначительна (в 2023 г. всего 2,76 %). Основной альтернативой реальному лишению свободы продолжает оставаться условное осуждение. В статье обращается внимание на неоднозначную практику условного осуждения лиц, имеющих на момент осуждения неснятую или непогашенную судимость, а также совершивших преступление в период испытательного срока. Авторы считают, что именно эта категория осужденных должна стать первоочередным контингентом для применения принудительных работ. Рост их применения будет способствовать решению и целого ряда других задач.

ABSTRACT. An analysis of statistical data (including data for 6 months of 2024) clearly outlines the current trends in law enforcement practices. In 2023, compared to 2020, Russian courts imposed compulsory labor as a punishment five times more frequently. However, its share in the overall structure of sentences remains minimal (only 2.76% in 2023). Conditional sentences continue to be the primary alternative to actual imprisonment. The article highlights the ambiguous practice of imposing conditional sentences on individuals who, at the time of sentencing, have an expunged or outstanding criminal record, or who have committed a crime during their probation period. The authors argue that this category of convicted persons should be the primary group targeted for the application of compulsory labor. The increase in its use could facilitate a solution to a number of other related issues.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гуманизация уголовной ответственности, уголовное наказание, альтернативы лишению свободы, принудительные работы, условное осуждение

KEYWORDS: humanization of criminal responsibility, criminal punishment, alternatives to imprisonment, compulsory labor, conditional sentencing

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Артеменко, Н. В. Принудительные работы как альтернатива условному осуждению / Н. В. Артеменко, Н. Г. Шимбарева. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 71–80. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-11

FOR CITATION:

Artemenko, N. V., Shimbareva, N. G. (2025) Compulsory Labor as Analternative to Suspend Sentence. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 71-80 [in Russ.]. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-11

Постановка проблемы. Гуманизация как один из наиболее значимых трендов уголовной политики заключается не только и не столько в создании новых норм или модификации уже имеющихся, но и в гуманизации правоприменительной (наказательной) практики. Между тем, несмотря на весьма «солидную» и достаточно дифференцированную

систему уголовных наказаний наиболее применяемым видом в течение многих лет является лишение свободы (реальное и условное), оно ежегодно назначается свыше 50 % осужденных (в 2020 г. – 55 %, в 2021 г. – 56 %, в 2022 – 55 %, 2023 г. – 53 %, первые 6 мес. 2024 г. – 51 % от общего числа осужденных) (рис. 1).

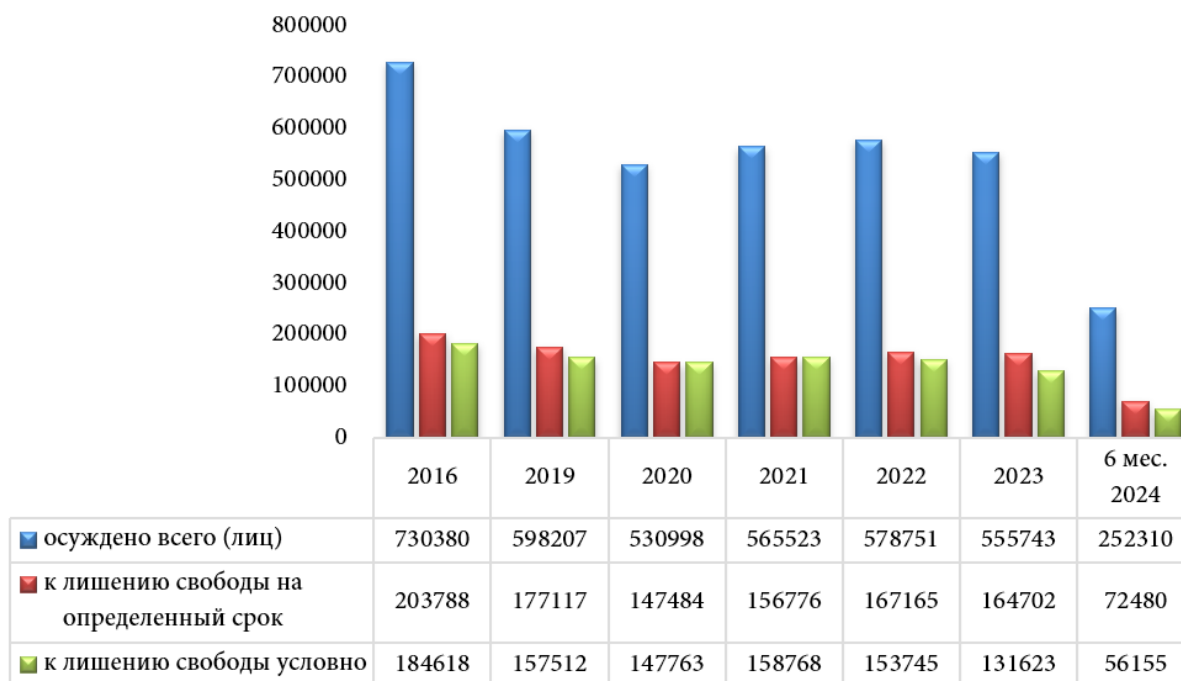

Рис. 1. Динамика назначения наказания в виде лишения свободы

Кроме устойчивого доминирования лишения свободы в структуре применяемых наказаний, обращает на себя внимание относительно стабильная пропорция между реальным и условным лишением свободы – примерно в соотношении 1:1 [13]. При этом, эта картина отмечается на фоне существенного снижения числа осужденных вообще и отбывающих наказание в местах лишения свободы, в частности, коли-

чество таких лиц в абсолютных цифрах сократилось более чем в 2 раза [6; 8]. Преобладающей альтернативой реальному лишению свободы в течение длительного времени продолжает оставаться условное осуждение. К тому же заметное распространение получила и неоднозначно оцениваемая практика повторного условного осуждения лиц, совершивших преступление в период испытательного срока. Однако даже

поверхностный анализ законотворческой и правоприменительной деятельности позволяет утверждать, что идет активный поиск иных альтернатив лишению свободы. Это проявляется, с одной стороны, в ограничении условий применения ст. 73 Уголовного кодекса РФ (за период ее действия соответствующие изменения вносились более 10 раз (!)). С другой стороны, как законодатель, так и иные ключевые акторы четко артикулируют задачу расширения практики применения уголовных наказаний, связанных с трудом, и в первую очередь, принудительных работ. Полагаем, что из всех предусмотренных действующим уголовным законодательством видов «трудовых» наказаний (обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, ограничение по военной службе), именно принудительные работы являются наиболее оптимальной альтернативой лишению свободы, в том числе назначаемому условно. Еще один немаловажный аспект поднятого в статье вопроса – взгляд на принудительные работы сквозь призму актуальных народнохозяйственных задач, проблеме острого дефицита трудовых ресурсов.

Методология. Методологической основой настоящей работы является диалектический метод, ориентирующий на рассмотрение проблемы не изолированно, а во взаимосвязи и в контексте существующих социальных реалий. Статья основана на использовании общенаучных (метод анализа) и частно-научных (формально-догматический, статистический, метод изучения документов (обвинительных приговоров)) методов. Для подтверждения своей позиции авторы обратились к статистике назначения уголовных наказаний. С целью определения представленности «трудовых» наказаний в действующем Уголовном кодексе была проанализирована структура санкций уголовно-правовых норм в статьях действующей редакции Особенной части УК РФ. В целях выявления предполагаемой корреляции были изучены размещенные в открытом доступе обвинительные приговоры с назначением повторного условного лишения свободы за преступления, совершенные в период испытательного срока, и приговоры с назначением наказания в виде принудительных работ. Совокупность использованных методов в их взаимосвязи позволила обосновать возможность и необходимость соответствующей «пере-

настройки» практики назначения уголовных наказаний.

Основная часть. Магистральной общепризнанной линией современной уголовной политики является расширение практики применения альтернативных лишению свободы видов наказаний. Продолжая эту мысль, следует высказать предположение, что доля лишения свободы в структуре применяемых наказаний с течением времени должна снижаться, а доля применения наказаний, не связанных с лишением свободы, возрастать. Так ли это? К сожалению, цифры демонстрируют обратное: доля применения наказаний, не связанных с лишением свободы, в течение длительного времени колеблется в относительно небольшом диапазоне 40–45 %, то есть фактически остается на одном и том же уровне [13] (см. рис. 2).

На этом фоне представляет интерес следующее сопоставление. В настоящее время (на 01.01.2025) Особенная часть Уголовного кодекса РФ содержит 1067 основных и квалифицированных составов преступлений с соответствующими санкциями. Из них более 3/4 от общего числа включают альтернативные лишению свободы наказания (при подсчете как альтернативные не рассматривались наказания в виде пожизненного лишения свободы и смертной казни). Например, в разделе VIII «Преступления в сфере экономики» (главы 21–23) таких санкций свыше 85 % от общего числа санкций данного раздела, а в разделе X «Преступления против государственной власти» – их доля составляет немногим более 75 %. «Лидерами» в этом плане можно считать санкции главы 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» и главы 32 «Преступления против порядка управления», в которых санкции с наказаниями, альтернативными лишению свободы, составляют соответственно 87 % и 83 % от общего числа санкций раздела. Эти цифры резко диссонируют с данными об уровне применения наказаний, не связанных с лишением свободы. Так, за первое полугодие 2024 г. за экономические преступления (раздел VIII УК РФ) только 34 % осужденных были назначены наказания, не связанные с лишением свободы [13], в то время как законодательно такой шанс был более, чем в 80 % ситуаций.

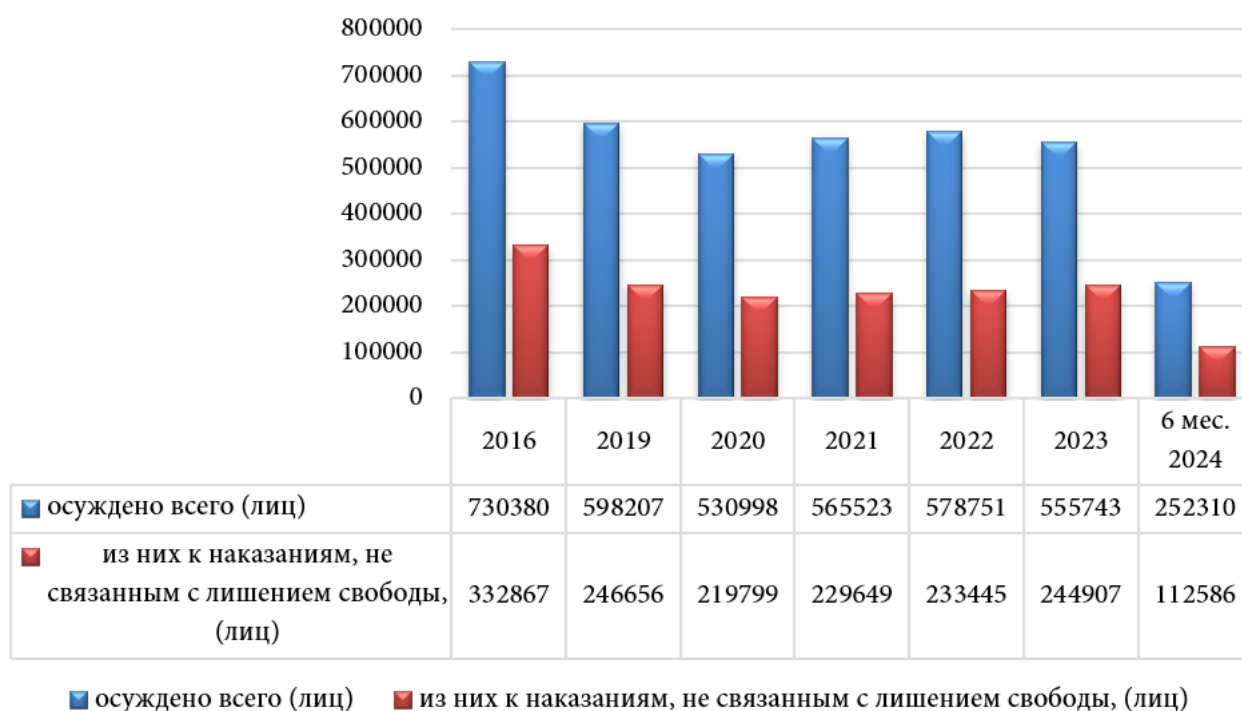

Рис. 2. Динамика применения наказаний, не связанных с лишением свободы

Таким образом, более востребованы практикой не все предусмотренные законом альтернативы, а условное осуждение все к тому же лишению свободы. Доля условного осуждения к иным видам наказаний (исправительные работы и содержание в дисциплинарной воинской части) является мизерной, она не превышает 1,5 % от общего числа осужденных, поэтому не оказывает существенного влияния на оценку общей картины [13]. Тем более, что вопрос о целесообразности условного осуждения к исправительным работам был и остается дискуссионным. При этом подчеркнем, что условное осуждение распространено не только за преступления небольшой и средней тяжести (что вполне объяснимо и предсказуемо), но и за тяжкие преступления. Кроме того, в структуре наказуемости бросаются в глаза хотя и сравнительно небольшие, но много говорящие цифры о назначении условного осуждения за особо тяжкие преступления: 2018 г. – 1108 чел., 2019 – 1158, 2020 – 1000, 2021 – 1172, 2022 – 1157, 2023 – 1224, 1-е полугодие 2024 г. – 534 (увеличение хотя и незначительное, но довольно заметное: с 0,65 % в 2018 г. до 0,95 % в первом полугодии 2024 г. от общего числа условно осужденных). Что касается тяжких преступлений, то тенденция роста ус-

ловного осуждения в этой группе преступлений более чем отчетлива: с 37,6 % в 2018 г. до 52,6 % за первые 6 мес. 2024 г. Так, в 2018 г. к условному лишению свободы было осуждено 63 726 чел. или 37,6 % от общего числа осужденных, в 2019 г. – 63 158 (40 %), в 2020 г. – 58 812 (39,8 %), в 2021 г. – 67 327 (42,4 %), в 2022 г. – 66 023 (42,9 %), в 2023 г. – 64 054 (48,7 %), в первом полугодии 2024 г. – 29 542 (52,6 %). В числе данных преступлений квалифицированные виды кражи, наркопреступления, коррупционные преступления, грабежи и др. [13].

Статистически высокий уровень лишения свободы, назначаемого условно, дополняется и заметным в последнее время увеличением случаев повторного условного осуждения лиц, совершивших преступление в период испытательного срока. Уголовный закон прямо предусматривает такую возможность в отношении несовершеннолетних подсудимых (ст. 89 УК РФ) и не исключает ее для остальных (табл. 1).

Приведенные статистические данные заставляют задуматься... На протяжении длительного времени лишение свободы условно назначается в среднем не менее 30 % осужденным, имеющим неснятую или непогашенную судимость на момент судебного разбиратель-

Таблица 1

Показатель [14]	2018	2019	2020	2021	2022	2023	6 мес. 2024 г.
Осуждено к лишению свободы условно, всего лиц	169 484	157 512	147 763	158 768	153 745	131 623	56 155
<i>из них</i>							
лиц, имеющих неснятую или непогашенную судимость на момент судебного разбирательства	63 157 37,3%	61 079 38,8%	60 479 40,9%	61 976 39%	57 787 37,6%	46 470 35,3%	17 725 31,6%
лиц, совершивших преступление в период испытательного срока, будучи условно осужденными к лишению свободы (на момент судебного разбирательства) / в % от общего числа осужденных условно	33 462/ 20 %	30 093/ 19%	25 933/ 18%	25 720/ 16%	25 502/ 17%	22 584/ 17%	8 757/ 15,6%
и в % от условно осужденных судимых	53%	49%	43%	41,5%	44%	49%	49,4%

ства, то есть, по существу, «рецидивистам» (в 1-м полугодии 2024 г. их число составило 17 725 чел., или почти 32 % от общего числа условно осужденных). Из них половина, причем этот показатель также стабилен на протяжении нескольких лет, совершили преступление в период испытательного срока, будучи условно осужденными [14]. Это показывает, что исправительно-предупредительный потенциал последнего оказался не реализованным, цели условного осуждения – не достигнутыми, а доверие осужденному – не оправдалось.

Авторы задались вопросом, насколько обоснованы такие решения? Изучение обвинительных приговоров с повторным условным осуждением показало, что речь идет о ситуациях, когда подсудимый, с одной стороны, совершил преступление в период испытательного срока, с другой стороны, новое преступление не отличается высокой степенью общественной опасности, подсудимый социально устроен, имеет постоянное место жительства, как правило, имеет позитивное социальное окружение – семью, на иждивении детей или родителей, подрабатывает и т. п. Иными словами, оснований для назначения реального

лишения свободы даже при повторяющихся преступлениях вроде нет, но и другие более мягкие виды наказаний, по мнению суда, не отвечают принципу справедливости. То есть суд вновь все-таки выбирает лишение свободы, но постановляет считать его условным. В текстах изученных обвинительных приговоров отчетливо просматриваются и элементы формального подхода: повторный испытательный срок по длительности, как правило, не превышает назначенный ранее (средний испытательный срок, как по первоначальному, так и по повторному приговорам, равен двум годам); дополнительные обязанности не назначаются, их набор стандартный – не менять постоянного места жительства без уведомления специализированного государственного органа, являться на регистрацию в инспекции по месту жительства осужденного.

Изложенное заставляет усомниться в эффективности повторного условного осуждения. Уместно отметить, что и в целом по поводу эффективности условного осуждения ведется дискуссия, вплоть до радикальных выводов об отмене этой меры уголовно-правового воздействия [9, с. 46–50].

На наш взгляд, повторное условное осуждение возможно, но скорее, как исключение, например, если новое преступление совершено: при наличии исключительных смягчающих обстоятельств (ст. 64 УК РФ); при наличии оснований для снижения категории вновь совершенного преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ); новое преступление имеет «случайный» характер (например, совершено в ситуации превышения необходимой обороны); новое преступление совершено по неосторожности; совершение умышленного преступления небольшой или средней тяжести обусловлено стечением тяжелых жизненных обстоятельств и др.

На самом деле, очевидно, что практика испытывает потребность в таком карательном инструменте, который являлся бы более строгим, чем условное осуждение к лишению свободы, но менее строгим, чем реальное лишение свободы. Считаем, что подобным инструментом могут стать принудительные работы. Многие специалисты [16, с. 219–225], в том числе и авторы настоящей статьи [1, с. 203–206], в своих работах отмечали, что по способу исполнения принудительные работы по существу являются «предлишением свободы», занимая место между реальным лишением свободы и наказаниями, не связанными с ним, и это, вне всякого сомнения, более строгая мера уголовной ответственности, чем условное лишение свободы. В этом плане мы солидаризируемся с мнением Н. А. Лопашенко, которая в одной из своих недавних статей подчеркнула, что принудительные работы по строгости «должны быть указаны в системе наказаний перед срочным лишением свободы» [7, с. 33–48]. Этот вывод подтверждается текстами изученных нами приговоров с назначением принудительных работ, в мотивировочной части которых сначала аргументируется необходимость назначения лишения свободы, а потом содержится однотипная фраза: «...Вместе с тем, учитывая наличие смягчающих наказание обстоятельств, отсутствие отягчающих наказание обстоятельств, суд считает возможным исправление подсудимого без реального отбывания наказания в местах лишения свободы (выделено авт.), но в условиях принудительного привлечения осужденного к труду» [10]. Из контекста отчетливо видно, что суд оценивает принудительные работы как более строгое наказание,

чем лишение свободы, назначаемое условно, но менее строгое, чем реальное лишение свободы.

Полагаем, что противоречие в оценке строгости принудительных работ и их места в системе наказаний обусловлено дискуссионной природой как принудительных работ (самостоятельное наказание или нормативная альтернатива лишению свободы), так и условного осуждения (способ исполнения наказания, самостоятельная форма реализации уголовной ответственности, самостоятельное наказание, особый способ назначения наказания и др.). Условное лишение свободы в отличие от принудительных работ в системе наказаний отсутствует, но применяется фактически наравне или даже чаще, чем иные альтернативы реальному лишению свободы. Определенные шаги в разрешении обозначенного противоречия в части принудительных работ уже делаются. Так, Государственная Дума РФ приняла в первом чтении законопроект, которым предлагается определять принудительные работы как самостоятельный вид наказания [4].

В настоящее время принудительные работы содержатся в санкциях 249 из 400 статей Особенной части УК (учтены все статьи, если хотя бы в одной ее части предусмотрены принудительные работы) (см. табл. 2).

Таким образом, как следует из данной таблицы, законодательная представленность принудительных работ в Особенной части УК РФ очень высокая. Более того, предполагается, что она значительно возрастет, поскольку в упомянутом выше законопроекте, прошедшем первое концептуальное чтение, помимо изменения статуса принудительных работ предлагается дополнительно предусмотреть данный вид наказания еще в 27 статьях Особенной части УК РФ (гл. 16 +1, гл. 20 +2, гл. 22 + 3, гл. 23 +3, гл. 24 +6, гл. 25 +3, гл. 26 +2, гл. 27 +2, гл. 29 +1, гл. 30 +2, гл. 32 +2 статьи) [4].

Однако несмотря на то, что, как было показано, возможность назначения принудительных работ предусмотрена практически в 2/3 действующих статей Особенной части УК РФ, число осужденных к данному виду наказания в 2022 г. составляло лишь 0,5 % от их общего числа, в 2023 г. эти цифры хотя и подросли, но достигли всего лишь 3 % (если быть более точными, то 2,76 %) [13].

Таблица 2

Раздел УК	Глава УК	Кол-во статей в главе	Всего статей в разделе	Кол-во статей с принудительными работами (ПР)	Всего статей с ПР в разделе и в % от общего количества статей
VII	16	25	65	20	49 или 75,4 %
	17	6		6	
	18	5		3	
	19	20		17	
	20	9		3	
VIII	21	17	87	17	73 или 84 %
	22	61		53	
	23	9		3	
IX	24	45	119	22	75 или 63 %
	25	36		23	
	26	19		14	
	27	13		10	
	28	6		6	
X	29	28	95	10	51 или 53,6 %
	30	19		5	
	31	24		17	
	32	24		19	
XI	33	23	23	-	-
XII	34	11	11	1	1 или 9 %
ИТОГО			400	249	

В условном «топе» 2023–2024 гг. по назначаемости принудительных работ – деяния, предусмотренные статьями 157 «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей», 158 «Кража» и 2641 УК РФ «Управление транспортным средством в состоянии опьянения лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость». Но эти же преступления мы видим и в «топе» по применению условного лишения свободы, причем нередко повторного. Когда знакомишься с текстами соответствующих обвинительных приговоров, то до последних слов остается загадкой, какую же меру воздействия применит в итоге суд – условное осуждение или принудительные работы. Мотивировка совпадает практически дословно! В подтверждение приведем извлечение из двух сопоставимых и достаточно типовых обвинительных приговоров. В обоих случаях подсудимые женщины ранее судимы по ч. 1 ст. 157 УК РФ «Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей» с назначением лишения свободы

условно, с продлением испытательного срока. Обе женщины снова обвиняются в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 157 УК РФ, относящегося к категории небольшой тяжести, на чем акцентируется внимание в данных приговорах.

Извлечение первое: «...Смягчающими наказанием обстоятельствами является полное признание Жигулиной К. А. своей вины, раскаяние в содеянном... Отягчающих наказание обстоятельств суд не усматривает... характеризуется по месту жительства со стороны участкового уполномоченного удовлетворительно... С учетом всех материалов дела, характеристики личности подсудимой, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, того факта, что Жигулина К. А. ранее судима за аналогичное преступление, предыдущего наказания оказалось недостаточно для ее исправления, суд считает возможным достижение целей исправления подсудимой и предупреждение совершения ею новых преступлений только при назначении наказания

в виде лишения свободы... При этом суд считает возможным на основании ч. 2 ст. 531 УК РФ заменить Жигулиной К. А. наказание в виде лишения свободы принудительными работами...» [11].

Другой приговор: «...К обстоятельствам, смягчающим наказание подсудимой, суд относит признание вины, раскаяние в содеянном... Обстоятельств, отягчающих наказание ФИО1, судом не установлено... При назначении подсудимой вида наказания за совершенное преступление суд, с учетом общественной опасности совершенного деяния, размера причиненного ущерба, наличия смягчающих и отсутствия отягчающих обстоятельств, личности ФИО1, которая часть данного преступления совершила в период испытательного срока, назначенного за совершение аналогичного преступления, а также в целях восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений, суд приходит к выводу, что для обеспечения целей наказания подсудимой ФИО1 следует назначить наказание в виде лишения свободы. Вместе с тем, учитывая совокупность смягчающих обстоятельств, поведение подсудимой после совершенного преступного деяния, тот факт, что ФИО1 не допускает нарушений возложенных обязанностей по условному осуждению, приняла меры к получению источника дохода, встав на учет в центр занятости населения в поисках подходящей работы для реализации обязанности по выплате денежных средств на содержание несовершеннолетнего ребенка, суд применяет к подсудимой положения ст. 73 УК РФ, предоставив возможность в течение испытательного срока доказать свое исправление вне изоляции от общества...» [12].

Совпадает квалификация, как первого, так и повторного преступлений, совокупность смягчающих обстоятельств – одинаковая, отягчающие наказание обстоятельства в обоих случаях отсутствуют, но в одном случае суд приходит к выводу о применении принудительных работ, а во втором – условного осуждения.

Еще один немаловажный аспект рассматриваемого вопроса – взгляд на принудительные работы через проблему решения народнохозяйственных задач. Большинство работодателей в России считают дефицит кадров главной проблемой 2024 года [2]. Сложившаяся в по-

следнее время ситуация (сплетение неблагоприятных для страны геополитических, демографических, экономических и др. проблем) требует нестандартных решений. В числе трудовых ресурсов, которые должны обеспечить социально-экономическое развитие страны в ближайшие годы, активно называют и осужденных к принудительным работам [3; 5].

После печально известных событий в Крокус Сити Холле в СМИ получила новый отрицательный импульс «мигрантская» тема. В центре внимания правоохранительных органов – рост преступности среди мигрантов, коррупционная «окраска» этой темы. Все это повлекло ужесточение миграционной политики, что, естественно, в свою очередь, приведет к сокращению трудовой миграции, поток которой сейчас и так невелик. И здесь на смену мигрантам в строительную, сельскохозяйственную и другие отрасли экономики также могут прийти осужденные к принудительным работам. Контингент осужденных – это более, чем на 90 % лица трудоспособного возраста. По данным за первые 6 мес. 2024 г. число осужденных, не достигших пенсионного возраста, на момент совершения преступления, составляет 237 928 чел., то есть 94 % от общего числа осужденных за данный период [15]. Естественно, что этих людей можно и нужно рассматривать как потенциальный «внутренний резерв» российского рынка труда.

Выводы. Итак, принудительные работы, по нашему мнению, обладают не только специфическим карательным исправительно-предупредительным потенциалом, но и используемым еще не в полную меру социально-полезным, причем разновекторным. В частности, для самих осужденных позитивные, работающие на ресоциализацию эффекты могут выражаться, например, в получении новой профессии, работы, а значит, и заработной платы, возможности возмещения ущерба, причиненного преступлением, сохранении семейных связей и пр., а для общества и государства – это и привлечение трудовых ресурсов; и расширение производства; и строительство, и создание новых объектов социальной инфраструктуры, и освоение удаленных (труднодоступных) территорий [1, с. 206]. Но самое главное, подобная переориентация практики назначения наказаний позволит не только снизить долю лиц,

лишенных свободы, но и дать новый шанс как осужденным, так и обществу в целом.

Список использованных источников

1. Артеменко Н. В., Шимбарева Н. Г. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 199–208.

2. Большинство работодателей в России считают дефицит кадров главной проблемой 2024 года. URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/501872-bol-sinstvo-rabotodatelej-v-rossii-scitaut-deficit-kadrov-glavnoj-problemoj-2024-goda> (дата обращения: 02.12.2024).

3. Во ФСИН рассказали о серьезном спросе бизнеса на труд осужденных. URL: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989384-vo-fsin-rasskazali-o-sprose-biznesa-na-trud-osuzhdennih> (дата обращения: 02.12.2024).

4. Законопроект № 585548-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о совершенствовании институтов исправительных работ и принудительных работ). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/585548-8> (дата обращения: 02.12.2024).

5. Зателепин О. К. Верховный суд не видит оснований усечения видов наказаний. Ответы на вопросы в Открытой студии РАПСИ на XII Петербургском международном юридическом форуме (ПМЮФ). URL: https://rapsinews.ru/incident_news/20240626/310035407.html (дата обращения: 02.12.2024).

6. Лебедев В. М. Практика назначения альтернативных видов наказания. Презентация к докладу // Верховный Суд РФ. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/31479> (дата обращения: 02.12.2024).

7. Лопашенко Н. А. Об уголовном наказании в России: заметки на полях Уголовного кодекса (от настоящего к будущему) // Закон. 2021. № 12. С. 33–48.

8. Минюст: число осужденных в колониях за 10 лет сократилось более чем в два раза. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/10/05/999038-chislo-osuzhdennih-v-koloniyah> (дата обращения: 20.01.2025).

9. Петров С. А. Необходим ли институт условного осуждения? // Законность. 2022. № 7. С. 46–50.

10. Приговор Похвистневского районного суда (Самарской области) по уголовному делу № 1-212/2023 1-30/2024 от 28 февраля 2024 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zKlgYNYvZEбр> (дата обращения: 24.12.2024).

11. Приговор Онежского городского суда Архангельской области по уголовному делу №1-56/2024 от 27 мая 2024 г. URL: <https://судебныерешения.рф/83270545/extended> (дата обращения: 24.12.2024).

12. Приговор Печорского городского суда Республики Коми по уголовному делу №1-96/2021 г. от 11 марта 2021 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/faIULoxAрiбу> (дата обращения: 24.12.2024).

13. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России. Форма 10.1 «Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания» // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 01.10.2024)¹.

14. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России. Форма 11 «Отчет о составе осужденных, месте совершения преступления» // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 01.10.2024)².

15. Сводные статистические данные о состоянии судимости в России. Форма 11.1 «Отчет о демографических признаках осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» // Судебный департамент при Верховном суде РФ. URL: <http://www.cdpr.ru/?id=79> (дата обращения: 20.01.2025).

16. Уткин В. А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. 240 с.

References

1. Artemenko N. V., Shimbareva N. G. Compulsory labor in the criminal punishment system: untapped opportunities. *Tomsk State University Journal*. 2024. No. 498. P. 199-208 [in Russ.].

2. Most employers in Russia consider staff shortage to be the main problem of 2024. Available at: URL: <https://www.forbes.ru/svoi-biznes/501872-bol-sinstvo-rabotodatelej-v-rossii-scitaut-deficit-kadrov-glavnoj-problemoj-2024-goda> (date of access: 02.12.2024) [in Russ.].

3. The Federal Penitentiary Service of Russia told about the high demand of business for the labor of convicted criminals. Available at: <https://www.vedomosti.ru/management/articles/2023/08/10/989384-vo-fsin-rasskazali-o-sprose-biznesa-na-trud-osuzhdennih> (date of access: 02.12.2024) [in Russ.].

4. Draft law No. 585548-8 “On amendments being made to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation” (on improving the institutions of correctional labor and compulsory labor). Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/585548-8> (date of access: 02.12.2024) [in Russ.].

5. Zatelepin O. K. The Supreme Court sees no reason to reduce the types of punishments. Answers to questions in the Open Studio of the Russian Agency of Legal and Judicial Information at the XII St. Petersburg International Law Forum (SPILF). Available at: https://rapsinews.ru/incident_news/20240626/310035407.html (date of access: 02.12.2024) [in Russ.].

¹ Вследствие масштабного сбоя в работе сервисов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, произошедшем в начале октября 2024 г. некоторые статистические данные за 2016–2023 гг., использованные авторами, до настоящего момента не восстановлены.

² Вследствие масштабного сбоя в работе сервисов Судебного департамента при Верховном Суде РФ, произошедшем в начале октября 2024 г. некоторые статистические данные за 2018–2023 гг., использованные авторами, до настоящего момента не восстановлены.

6. *Lebedev V. M.* The practice of alternative punishment. The report presentation. *The Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <https://www.vsrfr.ru/files/31479> (date of access: 02.12.2024) [in Russ.].
7. *Lopashenko N. A.* On criminal punishment in Russia: marginal notes in the Criminal Code (from the present to the future). *Law*. 2021. No. 12. P. 33-48 [in Russ.].
8. Ministry of Justice: The number of convicted criminals in the colonies has declined by more than half in a decade. Available at: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2023/10/05/999038-chislo-osuzhdennih-v-koloniyah> (date of access: 20.01.2025) [in Russ.].
9. *Petrov S. A.* Is the conditional sentence institution necessary? *Justice*. 2022. No. 7. P. 46-50 [in Russ.].
10. Verdict of the Pokhvistnevsky District Court (Samara region) in criminal case No.1-212/2023 1-30/2024 dated February 28, 2024. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/zKlgYNYvZE6p> (date of access: 24.12.2024) [in Russ.].
11. Verdict of the Onega City Court of the Arkhangelsk region in criminal case No.1-56/2024 dated May 27, 2024. Available at: <https://судебныерешения.рф/83270545/extended> (date of access: 24.12.2024) [in Russ.].
12. Verdict of the Pechora City Court of the Komi Republic in criminal case No.1-96/2021 dated March 11, 2021. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/faIUloxApi6u> (date of access: 24.12.2024) [in Russ.].
13. Summary statistics of criminal convictions in Russia. Form 10.1 «Report on the number of persons convicted of a criminal offence and types of criminal penalties». *Court Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of access: 01.10.2024) [in Russ.].
14. Summary statistics of criminal convictions in Russia. Form 11 «Report on the composition of convicted criminals and the location of the crime». *Court Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of access: 01.10.2024) [in Russ.].
15. Summary statistics of criminal convictions in Russia. Form 11.1 «Report on demographic characteristics of convicted persons for all types of crimes specified in the Criminal Code of the Russian Federation». *Court Department at the Supreme Court of the Russian Federation*. Available at: <http://www.cdep.ru/?id=79> (date of access: 20.01.2025) [in Russ.].
16. *Utkin V. A.* Issues of the criminal punishment theory: lecture course. Tomsk: Publishing House of the Tomsk State University. 2018. 240 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 03.02.2025
Received February 03, 2025

Саядян Сусанна Григорьевна,
старший преподаватель кафедры уголовного
права и криминологии, юридический
факультет, Федеральное государственное
автономное образовательное учреждение
высшего образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: Susanna-sayadyan@mail.ru

Sayadyan, Susanna G.,
Senior Lecturer, Department
of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: Susanna-sayadyan@mail.ru

ОТСРОЧКА ОТБЫВАНИЯ НАКАЗАНИЯ БОЛЬНЫМ НАРКОМАНИЕЙ: ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РФ НОВОЕ, ВОПРОСЫ СТАРЫЕ

DEFERRAL OF PUNISHMENT FOR INDIVIDUALS SUFFERING FROM DRUG ADDICTION: THE RULING OF THE PLENARY SESSION OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IS NEW, BUT THE ISSUES ARE OLD

АННОТАЦИЯ. Предметом исследования явилось постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» в части отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Автором подчеркнуты положения, которые внесли ясность в вопросы, вызывающие дискуссии на протяжении многих лет существования ст. 82¹ УК РФ. Вместе с тем выявлены некоторые неоднозначные и противоречивые разъяснения Верховного Суда РФ. Автор приходит к выводу, что высшая судебная инстанция оставила вне поля своего зрения ряд проблемных аспектов, имеющих существенное значение как в ходе разрешения вопроса об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией, так и для достижения целей ее назначения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: отсрочка отбывания наказания больным наркоманией, освобождение от отбывания наказания, осужденные, больные наркоманией, курс лечения от наркомании, медицинская и социальная реабилитации, добровольное излечение, ремиссия, судимость, назначенное впервые лишение свободы

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Саядян, С. Г. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией: постановление Пленума Верховного Суда РФ новое, вопросы старые / С. Г. Саядян. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 81–86. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-12

ABSTRACT. The subject of the study was the ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 19, 2023, No. 47 “On the Practice of Applying the Legislation on the Deferral of Punishment” in relation to the deferral of punishment for individuals suffering from drug addiction. The author highlights the provisions that have clarified issues that have been a subject of discussion for many years since the existence of Article 82.1 of the Criminal Code of the Russian Federation. At the same time, certain ambiguous and contradictory explanations provided by the Supreme Court of the Russian Federation are identified. The author concludes that the highest judicial authority has overlooked a number of problematic aspects that are significant both in resolving the issue of deferring punishment for individuals with drug addiction and for achieving the goals of such a deferral.

KEYWORDS: delay of serving a sentence for drug addiction, release from serving a sentence, convicted persons, drug addicts, treatment course for drug addiction, medical and social rehabilitation, voluntary recovery, remission, criminal record, first-time deprivation of liberty

FOR CITATION:

Sayadyan, S. G. (2025) Deferral of Punishment for Individuals Suffering from Drug Addiction: the Ruling of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation is New, but the Issues are Old. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 81-86 [in Russ.]. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-12

Вводная часть. Прошло примерно 29 лет с момента применения ст. 82 УК РФ и 14 лет – ст. 821 УК РФ, когда Верховный суд РФ дал разъяснения относительно применения отсрочки отбывания наказания. Сразу оговорим, что в настоящей статье мы остановимся лишь на вопросах об отсрочке отбывания наказания больным наркоманией в рамках постановления Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» [4].

Необходимо отметить, что высшей судебной инстанции удалось устранить ряд дискуссий, которые на протяжении не одного десятка лет существовали в научной литературе. Так, в частности, очерчен круг лиц, который может претендовать на отсрочку, описаны процессуальные аспекты применения: форма выражения волеизъявления, стадия уголовного процесса, в период которой допустимо выраженное согласие на лечение, особенности резолютивной части обвинительного приговора, требования к заключению эксперта и др.

Попробуем последовательно разобраться с положениями рассматриваемого постановления.

Анализ разъяснений Верховного Суда РФ по вопросам отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Пункт 14 Постановления содержит три абзаца, каждый из которых подробно говорит об осужденных больных наркоманией, которым может быть предоставлена отсрочка.

Итак, приведем абзац 1: *«По смыслу части 1 статьи 82¹ УК РФ отсрочка отбывания наказания может быть применена как к лицу, впервые совершившему одно или несколько преступлений, предусмотренных частью 1 статьи 228, частью 1 статьи 231 и статьей 233 УК РФ, за которые ему назначено наказание в виде лишения свободы, так и к лицу, которое ранее осуждалось за их совершение к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и вновь совершило одно или несколько таких преступлений, за которые назначено лишение свободы».* То есть отсрочка отбывания наказания может быть применена в отношении подсудимых,

во-первых, фактически и юридически впервые совершивших преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ,

и впервые осужденных за них к лишению свободы. Невозможно не обратить внимание на уточнение, которое осталось вне поля зрения Пленума ВС РФ. Так, не разъяснено, кто же из числа претендующих на отсрочку имеет шансы: те, которым за каждое отдельное преступление назначено лишение свободы, или же тем осужденным, которые приговорены к лишению свободы по совокупности преступлений?

во-вторых, с непогашенной судимостью за их совершение и осужденным к наказаниям, не связанным с лишением свободы, и вновь совершившим одно или несколько таких преступлений, за которые назначено лишение свободы.

В абзаце 2 разъясняется: *«Положения части 1 статьи 82¹ УК РФ распространяются также на лиц, имеющих непогашенную судимость за преступления, не указанные в данной норме, независимо от вида назначенного им наказания»*, то есть не ограничивают возможности отсрочки, а напротив расширяются: дозволено применять отсрочку и при наличии судимости к лишению свободы за иные преступления, не указанные в ст. 82¹ УК РФ.

Следующий абзац: *«В случае совершения лицом иного преступления, помимо преступлений, указанных в части 1 статьи 82¹ УК РФ, отсрочка отбывания наказания по данному основанию не предоставляется»*, – создает открытые вопросы. Во-первых, в каком значении используется «помимо» – «за исключением кого-чего-н.» или «в добавление к кому-чему-н.»? [8] Если в значении «за исключением чего-нибудь», тогда мы видим нелогичность между абз. 2 и 3 п. 14 постановления. Предположим, что во 2-м абзаце речь идет о лицах, все еще имеющих непогашенную (неснятую) судимость, но уже отбывших наказание по предыдущему приговору. А в 3-м абзаце подразумеваются виновные, впервые совершившие несколько преступлений, и лишь одно из которых предусмотрено ч. 1 ст. 82¹ УК РФ. В данном ракурсе уместно подчеркнуть, что лица, имеющие судимость, повторно совершившие преступление, являются более общественно опасной фигурой, нежели лица, впервые совершающие преступления. Кроме того, в данном контексте 2-й абзац п. 14 ППВС РФ в определенной степени противоречит, прежде всего, ч. 4 и 5 ст. 82¹ УК РФ, в соответствии с кото-

рым отсрочка отменяется, если лицо совершает преступление иное, не указанное в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, и не имеет значение, отбыло ли оно наказание по предыдущему приговору или нет. В контексте изложенного возникает вопрос: почему в отношении лиц, отбывших наказание, но все еще имеющих судимость, предусматривается возможность применения отсрочки, а в отношении лиц, совершивших наряду с указанными в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ иное преступление, запрещается? Сказанное предопределяет вывод о том, что выглядит логичным предоставление отсрочки в том числе и лицам, совершившим наряду с закрепленными в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ и иные преступления.

Рассматривая «помимо» («В случае совершения лицом иного преступления, помимо преступлений, указанных в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ...») в значении «в добавление к чему-нибудь» [8], то существенно меняется смысл предложения. Это означает, что Верховный Суд РФ говорит о запрете применения отсрочки к лицам, совершившим иные преступления, не указанные в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ. Таким образом, «помимо» в значении «за исключением» в данном случае не противоречит и ч. 4 ст. 82¹ УК РФ и п. 19 ППВС РФ, в котором разъясняется, что отсрочка отменяется и лицу назначается наказание по правилам совокупности преступлений. На наш взгляд, для обеспечения единообразного толкования и применения норм следует отказаться в разъяснениях от слов, имеющих противоречивое/неоднозначное содержание. Напомним, ранее ВС РФ, комментируя данную ситуацию (в частности, при которой впервые совершается два или более преступлений, одно из которых предусмотрено ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, другое – нет), подчеркивал, что в случае совершения лицом иного преступления, помимо преступления, указанного в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, отсрочка не предоставляется [2].

Суды в такой ситуации склонны воздерживаться от предоставления отсрочки отбывания наказания больным наркоманией. Кроме того, наблюдается расширительное толкование ими понятия «впервые к лишению свободы за преступления, предусмотренные...» Так, Первый кассационный суд общей юрисдикции, рассматривая вопрос об отсрочке, постановил, что положения ст. 82¹ УК РФ не могут быть применены к Б. Р. ввиду того, что распространяют

свое действие в отношении лиц, которым наказание в виде лишения свободы назначено впервые, тогда как Б. ранее осуждался к лишению свободы по ч. 1 и ч. 2 ст. 158 УК РФ [3]. Таким образом, обоснование непредоставления отсрочки в связи с не первым разом назначения лишения свободы некорректно, ведь ст. 82¹ УК РФ говорит о назначении лишения свободы исключительно к конкретным составам преступления. Следует подчеркнуть, что на момент осуждения по ч. 1 ст. 228 УК РФ лицо уже отбыло наказание, но имело неснятую и непогашенную судимость [5].

Далее в абзаце 2 п. 15 ППВС РФ разъясняется следующее: «Подсудимый вправе выразить желание в устной или письменной форме добровольно пройти курс лечения от наркомании, а также медицинскую и социальную реабилитацию на любой стадии судебного разбирательства по делу до удаления суда в совещательную комнату, что отражается в протоколе судебного заседания». При наличии совокупности условий и оснований предоставления отсрочки целесообразно отражать в протоколе судебного заседания не только желание, но и нежелание подсудимого излечиться от наркозависимости.

В части 3 статьи 82¹ УК РФ закреплено «после прохождения курса лечения от наркомании и медицинской реабилитации, социальной реабилитации, но не более чем на пять лет, и при наличии объективно подтвержденной ремиссии, длительность которой после окончания лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации составляет не менее двух лет, суд освобождает осужденного, признанного больным наркоманией, от отбывания наказания или оставшейся его части». На наш взгляд, законодатель разводит срок отсрочки и срок ремиссии. В связи с этим считаем, что положение анализируемого постановления противоречит ч. 3 ст. 82¹ УК РФ. В п. 16 разъясняется, что общая продолжительность курса лечения, в том числе реабилитаций и ремиссии, не должна превышать пяти лет. То есть ВС РФ все три срока (лечения, реабилитации, ремиссии) определяет максимально в пять лет¹. Мы же убеждены, что законодательная идея отличается от разъяснений ВС РФ. Так, в част-

¹ Некоторые ученые также придерживаются идею максимального пятилетнего срока, который охватывает и ремиссию. См., например, [1, с. 26].

ности, срок лечения и медицинской реабилитации, социальной реабилитации – не более чем на пять лет, срок ремиссии («длительность которой после окончания лечения, медицинской реабилитации, социальной реабилитации») – не менее двух лет.

В пункте 17 ВС РФ упоминает о несовершеннолетних осужденных, делая акцент на учет их поведения и отношения к учебе при освобождении от наказания полностью или частично в условиях примененной отсрочки. Напомним, что законодатель заблокировал возможность назначать несовершеннолетним лишение свободы за преступления небольшой тяжести (ч. 6 ст. 88 УК РФ). Таким образом, это своего рода алогизм двух норм УК РФ, соответственно, положения ст. 82¹ УК РФ априори не могут распространяться на несовершеннолетних.

Данные обстоятельства являются ключевым доводом относительно нашей позиции о необходимости закрепления отсрочки отбывания наказания больным наркоманией к несовершеннолетним. Полагаем, что отсрочку в контексте применения к несовершеннолетним необходимо пересмотреть и не ограничиваться преступлениями, указанными в ч. 1 ст. 82¹ УК РФ, а расширить и законодательно прописать в отношении несовершеннолетних, впервые совершивших преступления небольшой или средней тяжести, признанных больными наркоманией [7, с. 9].

Еще одним «слабым местом» в ППВС РФ является использование термина «медико-социальная реабилитация» (абз. 2 п. 18), который еще в 2013 году законодатель специально разделил на два самостоятельных [9]. На наш взгляд, некорректно использовать термины, которые законодатель целенаправленно изменил, придав тем самым каждому виду реабилитации самостоятельность.

Заключительная часть. Помимо обозначенных противоречий, неточностей, которые создало ППВС РФ, есть ряд проблемных аспектов, которые остались за пределами обзора ВС РФ.

Так, в частности, Верховный Суд не затронул вопросы относительно предоставления отсрочки в период отбывания лишения свободы. В ч. 3 ст. 82¹ УК РФ есть такая текстуальная форма как «освобождается от оставшейся части наказания», в ч. 3 ст. 177 УИК РФ содержится следующее: «Администрация исправи-

тельного учреждения, получив определение суда об отсрочке отбывания наказания в отношении осужденного, освобождает его», а в п. 7 Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией, определено, что «при освобождении осужденного администрация исправительного учреждения направляет в инспекцию копию определения суда и ...» [6], то есть приведенное свидетельствует о допустимости освобождения осужденного из исправительного учреждения с отсрочкой. Таким образом, осужденные имеют эвентуальное право быть освобожденными от оставшейся части наказания. И это не противоречит положению ч. 3 ст. 18 УИК РФ: больным наркоманией, учреждением, исполняющим указанные виды наказаний, применяется обязательное лечение. Известно, что успешность излечения от любого заболевания зависит не только от врача, но и от желания и стремления пациента выздороветь. В связи с этим, вероятность того, что при отсрочке цель излечения наркозависимого будет достигнута, выше, чем при возложенной обязанности излечения в исправительном учреждении.

Кроме того, упускаются из виду случаи неудачного лечения по причинам, не зависящим от осужденного. На наш взгляд, такие ситуации не должны стать причиной отмены отсрочки. Для достижения целей отсрочки целесообразнее направить осужденного в другую медицинскую организацию.

Не умаляя важности и необходимости разъяснений, которые внес ВС РФ, на наш взгляд, остался спектр вопросов. Так, все еще непонятно, возможно ли предоставление отсрочки, если лицо условно осуждено к лишению свободы за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 82¹ УК РФ? В данной плоскости напомним, что и условное осуждение и отсрочка являются, по сути, разновидностями освобождения от отбывания наказания. Учитывая условия и основания, иницирующие применение отсрочки, следует вывод, что при повторном совершении преступления (неважного того же или нового), доступ к отсрочке отбывания наказания невозможен. В то время как условное осуждение, напротив, позволяет суду сохранить виновному условное осужде-

ние при повторном совершении преступления небольшой тяжести, к которым, в частности, относятся все три состава (ч. 1 ст. 228, ч. 1 ст. 231 и ст. 233 УК РФ). К тому же суд вправе на условно осужденного возложить обязанность пройти курс лечения от наркомании (ч. 5 ст. 73 УК РФ). В данном случае это обязательное лечение для осужденного, в отличие от отсрочки, где он должен добровольно изъявить о своем желании излечиться. Опять же, как мы отмечали выше, добровольное лечение более результативно, чем обязательное для осужденного. Кроме того, как показывает анализ нормативных актов, обеспечение лечения и контроль при отсрочке более глобальны: в обязательном порядке проводится экспертиза для установления диагноза, определен порядок осуществления контроля за поведением осужденного, в сравнении с обязанностью пройти курс лечения от наркомании при условном осуждении.

Верховный Суд РФ оставил без внимания вопросы, касающиеся ремиссии: кто и на основании чего устанавливает срок, кто и каким образом подтверждает отсутствие клинических симптомов наркозаболевания, на основании которого будет ставиться вопрос об освобождении от части или всего срока наказания, какая медицинская организация контролирует процесс ремиссии (государственная/муниципальная или частная, где, к примеру, осуществлялась реабилитация).

Список использованных источников

1. Кобзева Е. В. Отсрочка отбывания наказания больным наркоманией // Законность. 2012. № 6. С. 25–28.
2. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133131 (дата обращения: 01.12.2024).
3. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 17.10.2023 № 77-4857/2023. Приговор: по ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ001&n=146887&dst=100004> (дата обращения: 01.12.2024).

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2023 № 47 «О практике применения судами законодательства об отсрочке отбывания наказания» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465014 (дата обращения: 01.12.2024).

5. Приговор Дивеевского районного суда Нижегородского области от 30.01.2023 по делу № 1-12/2023. Обвинение: По ч. 1 ст. 228 УК РФ (незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов...) // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ001&n=146887&dst=100004> (дата обращения: 01.12.2024).

6. Приказ Минюста России № 169, Минздрава России № 425н от 07.07.2015 «Об утверждении Порядка осуществления контроля за соблюдением условий отсрочки отбывания наказания осужденными, признанными в установленном порядке больными наркоманией» (Зарегистрировано в Минюсте России 17.07.2015 № 38075) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507220042> (дата обращения: 01.12.2024).

7. Саядян С. Г. Отсрочка отбывания наказания: историческое развитие, правовая природа, законодательная регламентация: автореф. ... дис. канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2016. 27 с.

8. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BC%D0%BE> (дата обращения: 01.12.2024).

9. Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации по вопросам охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 25.11.2013 № 317-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154744 (дата обращения: 12.12.2024).

References

1. Kobzeva E. V. Deferment of sentence for drug addicts. *Legality*. 2012. No. 6. P. 25-28 [in Russ.].
2. Answers to questions received from the courts regarding the application of federal laws of March 7, 2011 No. 26-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation” and of December 7, 2011 No. 420-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 27, 2012). *Legal reference system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133131 (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].
3. Resolution of the First Cassation Court of General Jurisdiction of 17.10.2023 No. 77-4857/2023. Sentence: under Part 1 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal acquisition, storage, transportation,

manufacture, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues...). *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ001&n=146887&dst=100004> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 19.12.2023 No. 47 "On the practice of applying the legislation on deferment of serving a sentence by the courts". *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_465014 (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

5. Sentence of the Diveevsky District Court of the Nizhny Novgorod Region dated 30.01.2023 in case No. 1-12/2023. Charge: Under Part 1 of Article 228 of the Criminal Code of the Russian Federation (illegal acquisition, storage, transportation, manufacture, processing of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues...). *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=KSOJ001&n=146887&dst=100004> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

6. Order of the Ministry of Justice of Russia No. 169, the Ministry of Health of Russia No. 425n dated 07.07.2015 "On

approval of the Procedure for monitoring compliance with the conditions for deferment of sentences by convicts recognized in the established manner as drug addicts" (Registered in the Ministry of Justice of Russia on 17.07.2015 No. 38075). *Official Internet portal of legal information*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001201507220042> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

7. Sayadyan S. G. Deferment of sentence: historical development, legal nature, legislative regulation: synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Rostov-on-Don, 2016. 27 p. [in Russ.].

8. Ozhegov's Explanatory Dictionary. Available at: <https://gufo.me/dict/ozhegov/%D0%BF%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D0%BC%D0%BE> (date of access: 01.12.2024) [in Russ.].

9. Federal Law "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Recognizing as Invalid Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation on Health Protection of Citizens in the Russian Federation" dated 25.11.2013 No. 317-FZ. *Legal reference system "ConsultantPlus"*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154744 (date of access: 12.12.2024) [in Russ.].

Поступила в редакцию 08.02.2025
Received February 08, 2025

Семенчук Василий Владимирович,
кандидат экономических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного процесса,
Дальневосточный юридический институт
МВД России имени И. Ф. Шилова,
680020, г. Хабаровск,
пер. Казарменный, д. 15,
email: semenchuk_ord@mail.ru

Semenchuk, Vasilii V.,
PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Criminal Procedure,
The Far Eastern Law Institute of the Ministry of
Internal Affairs of Russia named after I. F. Shilov,
15 Kazarmenny Lane, Khabarovsk,
680020, Russian Federation,
email: semenchuk_ord@mail.ru

ПРИОСТАНОВЛЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ ПО СЧЕТАМ КАК СПОСОБ ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ПРЕСЕЧЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

SUSPENSION OF TRANSACTIONS ON ACCOUNTS AS A WAY TO SOLVE THE TASK OF OPERATIVE-INVESTIGATIVE ACTIVITY RELATED TO THE SUPPRESSION OF CRIMES

АННОТАЦИЯ. Развитие финансово-кредитной системы, в том числе дистанционного обслуживания, упростило возможность использования банковских операций в преступной деятельности. В таких условиях правоохранительные органы должны обладать адекватными полномочиями по пресечению незаконных операций, тем самым не позволяя наступать противоправным последствиям. Так как оперативно-розыскная деятельность нацелена на активное противодействие преступности, формирование соответствующих компетенций актуально именно в сфере ее осуществления. С учетом изучения теоретических представлений, существующих наработок в сфере законодательного строительства, автором предложены изменения в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», позволяющие осуществлять приостановление операций по счетам. Предлагаемые изменения нацелены на оперативное пресечение преступлений и одновременно с этим содержат комплекс правовых гарантий для обеспечения законности и защиты прав участников правоотношений в рассматриваемой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: оперативно-розыскная деятельность, финансово-кредитная система, пресечение преступлений, приостановление операций по счетам, кредитные организации

ABSTRACT. The development of the financial and credit system, including remote servicing, has simplified the possibility of using banking operations in criminal activities. In such conditions, law enforcement bodies must have adequate powers to suppress illegal operations, preventing unlawful consequences. Given that operative-investigative activity aimed at actively combating crime, the formation of relevant competencies is relevant in the area of its implementation. Taking into account the study of theoretical concepts, existing developments in the field of legislative development, the author proposed amendments to the Federal Law of August 12, 1995 No. 144-FZ "On operative-investigative activity", allowing for the suspension of operations on accounts. The proposed amendments, aimed at promptly suppressing crimes, simultaneously contain a set of legal guarantees to ensure the legality and protection of the rights of participants in legal relations in the area under consideration.

KEYWORDS: operative-investigative activity, financial and credit system, prevention of crimes, suspension of account transactions, credit institutions

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Семенчук, В. В. Приостановление операций по счетам как способ обеспечения решения задачи оперативно-розыскной деятельности, связанной с пресечением преступлений / В. В. Семенчук. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 87–93. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-13

Денежные средства испокон веков являлись предметом преступных посягательств. С развитием финансово-кредитной системы (далее – ФКС) ее возможности также стали использоваться для совершения преступлений и финансирования преступной деятельности. Особую актуальность это обрело, когда вслед за совершенствованием информационно-телекоммуникационных технологий произошли трансформация классических и появление новых направлений преступной деятельности. В качестве наиболее ярких примеров можно привести переход незаконного оборота наркотических средств и мошенничества от контактных к бесконтактным способам совершения [9].

С учетом изложенного, современную преступность сложно представить без использования возможностей ФКС, в первую очередь расчетно-кассового обслуживания в кредитных организациях.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее – ОРД), в ходе решения основных задач получают значительный объем информации об использовании возможностей расчетно-кассового обслуживания при совершении преступлений. При этом своевременное пресечение операций, имеющих криминальный характер, могло бы исключить наступление противоправных последствий.

В данном контексте стоит отметить, что пресечение подготавливаемых преступлений приоритетнее раскрытия уже совершенных, т. к. позволяет избежать негативных последствий, устранение которых порой невозможно. Так, даже в случае раскрытия преступления не всегда возможно возместить причиненный им ущерб, т. к. денежные средства могут быть оперативно выведены преступниками.

Следует согласиться с учеными, отмечавшими, что при обеспечении защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина, собственности, а также обеспечения безопасности общества и государства, недопустима пассив-

FOR CITATION:

Semenchuk, V. V. (2025) Suspension of Transactions on Accounts as a Way to Solve the Task of Operative-Investigative Activity Related to the Suppression of Crimes. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 87-93 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-13

ность при проведении оперативно-розыскных мероприятий и они должны осуществляться своевременно и в достаточном объеме [3].

Этот вывод можно распространить и на другие полномочия в сфере ОРД. Однако эффективность использования сведений, полученных оперативно-розыскным путем, для своевременного пресечения незаконных финансовых операций оставляет желать лучшего.

Без полномочий органов, осуществляющих ОРД (далее – субъекты ОРД) в рассматриваемой сфере, информация используется опосредованно.

Например, результаты ОРД, указывающие на использование расчетного счета в совершении преступления, после их представления в уголовное судопроизводство могут стать основанием наложения ареста на имущество в порядке, предусмотренном ст. 115 УПК РФ.

В ходе социологического исследования, проведенного автором в 2021 г., среди процессуальных решений, для информационного обоснования которых могут быть использованы результаты ОРД (с учетом возможности выбора нескольких вариантов ответа), наложение ареста на имущество выбрали 53,2 % опрошенных судей краевых, областных судов, суда автономной области¹, 44,4 % судей районных и городских судов², 44,7 % сотрудников следственных органов СК России³, 33,4 % со-

¹ Проведено анкетирование 77 судей краевых, областных судов, суда автономной области (Алтайский, Приморский и Хабаровский краевые суды, Амурский и Сахалинский областные суды, суд Еврейской автономной области).

² Проведено анкетирование 45 судей районных и городских судов (Ленинский районный, Железнодорожный районный и Октябрьский районный суды Барнаула, Фрунзенский районный суд Владивостока, Индустриальный районный и Центральный районный суды Хабаровска, Южно-Сахалинский городской суд).

³ Проведено анкетирование 244 сотрудников следственных органов СК России (следственные органы по Республике Ингушетия, Алтайскому краю, Камчатскому краю, Приморскому краю, Хабаровскому краю и Еврейской автономной области, Амурской, Магаданской и Сахалинской областям).

трудников следственных органов МВД России¹.

Однако с учетом быстроты совершения преступлений, с одной стороны, и времени, необходимого для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и последующего наложения ареста на имущество, – с другой, утрачивается возможность использования возможностей ОРД с целью пресечения преступлений.

Если уголовное дело не возбуждено, ситуация обстоит еще хуже. На практике встречаются попытки заблокировать операции, совершаемые в рамках преступной деятельности, неправовыми средствами – путем направления субъектами ОРД соответствующих писем в адрес кредитных организаций. Однако, как отмечается исследователями, такие просьбы удовлетворялись только в 17,9 % случаев [1, с.106]. Это не вызывает удивления в силу отсутствия надлежащих правовых оснований.

Вне уголовно-правовой сферы меры по замораживанию (блокированию) денежных средств могут быть приняты по инициативе Росфинмониторинга на основании положений ст. 7 Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма».

Хотя реализация таких мер не всегда требует возбуждения уголовного дела, но она, во-первых, допустима только в отношении преступлений террористической и экстремистской направленности, во-вторых, Росфинмониторинг не относится к числу субъектов-получателей результатов ОРД.

Также в рамках реализации положений Федерального закона от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» кредитные организации вправе отказать в совершении операции при наличии подозрения, что операция совершается в целях легализации (отмыва-

ния) доходов, полученных преступным путем, или финансирования терроризма.

Однако судебная практика свидетельствует о том, что без предварительного запрашивания уточняющих сведений у клиента, подобные отказы в последствии могут быть восприняты как необоснованные [см. подробнее: 10]. В такой ситуации также утрачивается оперативность реагирования.

Кроме того, не обладая полномочиями правоохранительных органов, кредитные организации далеко не всегда могут установить сомнительность операций. Например, только в 2023 г. количество мошеннических операций с использованием платежных карт составило 984,77 тыс. операций [5].

С учетом изложенного, с целью ускорения процедуры пресечения преступлений, обеспечения сохранности имущества, подлежащего конфискации, а также необходимого для погашения ущерба от преступления, следует рассмотреть возможность наделения субъектов ОРД полномочиями, связанными с приостановлением операций по счетам в банках, а также переводов электронных денежных средств.

Идея по правовой регламентации таких полномочий уже нашла отклик в научной литературе [1; 8, с. 8; 11, с. 512–514]. Ее актуальность отмечается и в Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, предполагающей введение внесудебного механизма блокировки банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа по инициативе субъектов ОРД на срок до 30 суток лиц, в отношении которых имеются достаточные сведения о причастности к незаконному обороту наркотиков [4].

Практическим шагом в данном направлении стала разработка Росфинмониторингом и вынесение на публичное обсуждение в 2019 г. [6] и 2021 г. [7] законопроектов по рассматриваемой тематике. Содержащиеся в них предложения носят в целом схожий характер и схематично выглядят следующим образом:

– предлагалось наделить ФСБ России и МВД России полномочиями принимать решения о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, на срок до 10 рабочих дней;

¹ Проведено анкетирование 467 сотрудников следственных органов МВД России (следственные органы Управления на транспорте МВД России по Дальневосточному федеральному округу, территориальных ОВД республик Бурятия, Саха (Якутия), Алтайского, Камчатского, Красноярского, Приморского и Хабаровского краев, Иркутской, Магаданской, Новосибирской и Оренбургской областей).

– решение может быть принято в случаях, не терпящих отлагательства, и при наличии достаточных, предварительно подтвержденных и задокументированных сведений об использовании банковских счетов (вкладов) или электронных средств платежа в целях финансирования: незаконного оборота наркотических средств; терроризма; экстремизма; деятельности, направленной на организацию и (или) проведение публичных мероприятий с нарушением установленного порядка;

– дальнейшее приостановление осуществляется по решению суда (до отмены такого решения);

– решение должно быть исполнено кредитной организацией незамедлительно, но не позднее рабочего дня, следующего за днем его получения. В день приостановления операций кредитная организация информирует об этом клиента;

– проверка законности решений, принятых субъектами ОРД, входит в компетенцию прокурорского надзора. В течение 24 часов с момента принятия копия решения должна быть направлена уполномоченному прокурору, который наделяется правом приносить протесты в отношении таких решений;

– в течение одного рабочего дня с момента принятия соответствующего решения об этом уведомляется Росфинмониторинг.

Вместе с тем в заключении Минэкономразвития России на рассматриваемый законопроект был сделан вывод о наличии положений, содержащих избыточные ограничения и обязанности для субъектов экономической деятельности, а также способствующие возникновению у них необоснованных расходов.

При этом в качестве предложений было рекомендовано:

– включить обязательное согласование рассматриваемых решений с органами прокуратуры Российской Федерации;

– обеспечить принятие решения о приостановлении операций исключительно руководством центральных аппаратов ФСБ России, МВД России, а также Росфинмониторинга [2].

В итоге рассмотренные законопроекты так и не были реализованы.

Это не свидетельствует об отсутствии актуальности рассматриваемого правомочия. По нашему мнению, с учетом всех позитивных

предложений, к законодательной регламентации рассматриваемого правомочия все же стоит подойти несколько с иной стороны.

Во-первых, в рассмотренных законопроектах основное содержание правомочия раскрывалось на уровне законов, определяющих статус соответствующих органов власти (Федеральные законы от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»), и законов, регламентирующих противодействие отдельным направлениям противоправной деятельности (Федеральные законы от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах»).

Представленный подход вызывает ряд вопросов:

А) Возможно пресечение только части направлений преступной деятельности.

При этом не уделяется внимание иным преступлениям, совершаемым с использованием расчетно-кассового обслуживания, например, мошенничествам, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, получившим широчайшее распространение в правоприменительной практике. В данном контексте следует подчеркнуть, что цель ОРД состоит в защите интересов личности, так же как и общества, и государства.

Е. В. Фирсовой при анализе рассматриваемых законодательных предложений указывалось на необходимость допущения приостановления операций в рамках противодействия любым тяжким и особо тяжким преступлениям [11, с. 514].

Поддерживая данного ученого, отметим, что следует пойти дальше и распространить возможность приостановки операций для противодействия всем преступлениям вне зависимости от тяжести.

Б) Правомочие касается только двух органов власти.

Это не совсем обосновано, даже с учетом изначально ограниченного перечня оснований его применения (направлений преступной дея-

тельности). Так, например, таможенными органами осуществляется противодействие незаконному обороту наркотиков, а оперативными подразделениями ФСИН России – преступлений экстремистской направленности, но в качестве субъектов таких прав они не рассматривались.

Во-вторых, ряд аспектов реализации рассматриваемого правомочия снижают его эффективность.

Так, выглядит декларативным указание на незамедлительность исполнения при наличии ссылки на предельный срок в виде окончания рабочего дня, следующего за получением решения. За это время расходные операции могут быть совершены и преступление будет окончено.

Такому же выводу способствует уведомление клиента о приостановлении операций.

В-третьих, не были указаны сроки, на которые осуществляется приостановка операций по решению суда, что не соответствует временному характеру ограничительных мер, применяемых в уголовно-правовой сфере.

Сказанное свидетельствует о том, что законопроект, хотя и имея немало положительных черт, не в полной мере удовлетворял потребности правоприменительной практики и не соответствовал духу правового регулирования в сфере ОРД.

С учетом изложенного, считаем целесообразным предложить авторское видение регламентации рассматриваемого правомочия. С этой целью предлагаются следующие изменения в Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД):

1. Дополнить часть 1 статьи 15 ФЗ об ОРД пунктом 6 следующего содержания:

«В случаях, не терпящих отлагательства, и при наличии достаточных, предварительно подтвержденных и задокументированных сведений об использовании банковских счетов (вкладов) или электронных средств платежа для совершения преступлений, с целью пресечения преступлений и недопущения наступления противоправных последствий от их совершения, руководитель органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, имеет право принять решение о приостановлении операций, связанных со списанием денежных

средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, сроком на 48 часов с уведомлением органов прокуратуры в течение 24 часов. Решение должно быть исполнено кредитной организацией незамедлительно, но не позднее 3 часов с момента его получения в период рабочего времени кредитной организации.

На основании судебного решения срок приостановления операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, может быть продлен до 30 суток. Копия судебного решения направляется органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, для исполнения в кредитную организацию».

2. Дополнить часть 1 статьи 14 ФЗ об ОРД пунктом 8 следующего содержания:

«Уведомлять прокуратуру и федеральный орган исполнительной власти, осуществляющий функции по противодействию легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения о решении о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, не позднее 24 часов с начала его исполнения».

3. Ввести в статью 9 ФЗ об ОРД часть 9 следующего содержания, одновременно признав часть 9 действующей редакции частью 10:

«В порядке, предусмотренном настоящей статьей, рассматриваются также ходатайства органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств».

4. Дополнить ст. 12.1 ФЗ об ОРД частью 4 следующей редакции:

«Кредитным организациям запрещается информирование клиентов о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, осуществляемых по решению руководителей органов, осуществляющих опера-

тивно-розыскную деятельность. Уведомление клиента осуществляется после поступления судебного решения о приостановлении таких операций».

Реализация данных предложений позволит осуществлять оперативную приостановку операций в случаях, не терпящих отлагательства без уведомления владельца счета, тем самым препятствуя их выводу со счета.

С другой стороны, оперативное уведомление прокуратуры и получение судебного решения на продление сроков приостановления операций позволит обеспечить контроль за законностью данного решения. В свою очередь уведомление владельца счета о приостановлении операций по истечению первых 48 часов осуществления позволит ему воспользоваться правом на обжалование решений субъектов ОРД.

Также считаем, что следует предусмотреть гарантии исполнения кредитными организациями обязанности по приостановлению операций.

Проводя аналогию, отметим, что в налоговом законодательстве такой подход реализован в части установления штрафов за неисполнение банком обязанности по приостановлению операций по счетам налогоплательщика (ст. 134 НК РФ).

Оперативно-розыскное законодательство не предусматривает санкций за неисполнение содержащихся в нем обязанностей. В связи с этим, правовые гарантии могут быть сформированы в виде административной ответственности за неисполнение такой обязанности.

С учетом изложенного, следует дополнить КоАП РФ статьей 15.9.1 «Неисполнение кредитной организацией решения органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или суда о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств» следующего содержания:

«Осуществление кредитной организацией операций, связанных со списанием денежных средств с банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств, при наличии у кредитной организации решения органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, или суда о приостановлении операций – влечет наложение

административного штрафа на юридических лиц в размере суммы совершенной операции».

Подводя итог, отметим, что реализация выдвинутых предложений позволит осуществлять оперативное пресечение операций, связанных с преступной деятельностью, одновременно с этим обеспечивая соблюдение законности в рассматриваемой сфере.

Список использованных источников

1. Дорош Е. Ю. Блокирование денежных средств на банковских счетах (вкладах), электронных средств платежа, в качестве меры обеспечения проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленной на противодействие коррупции // Органы внутренних дел в системе противодействия коррупционной преступности: материалы внутриведомственного круглого стола. СПб., 2023. С. 104–107.

2. Заключение об оценке регулирующего воздействия на проект федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и (или) иных противоправных деяний» (исх. от 04.02.2022 № 3523-АХ/Д26и) // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=121323> (дата обращения: 24.08.2024).

3. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности»: постатейный / А. И. Алексеев, О. А. Вагин, Д. В. Закаляпин и [др.]; под ред. А. И. Алексеева, В. С. Овчинского. М.: Проспект, 2011.

4. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9beded9a90290e1 (дата обращения: 23.08.2024).

5. Обзор операций, совершенных без согласия клиентов финансовых организаций за 2023 г. // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023 (дата обращения: 25.08.2024).

6. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и иных противоправных деяний» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=90349> (дата обращения: 24.08.2024).

7. Проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия финансированию терроризма и (или) иных противоправных деяний» // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=121323> (дата обращения: 24.08.2024).

8. Родичев М. Л. Оперативно-розыскное противодействие легализации имущества, приобретенного преступным путем (на примере Северо-Западного федерального округа Российской Федерации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. 23 с.

9. Семенчук В. В., Батоев В. Б. Предпосылки формирования концепции развития оперативно-розыскной деятельности в цифровой сфере (часть 1) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 3 (66). С. 132–136.

10. Семенчук В. В. Противодействие фиктивным организациям в банковской сфере: возможности и перспективы совершенствования // Банковское право. 2016. № 4. С. 25–31.

11. Фирсова Е. В. Противодействие легализации доходов от незаконного оборота наркотиков на современном этапе: учеб. пособие в двух частях. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 831 с.

References

1. Dorosh E. Yu. Blocking of funds in bank accounts (deposits), electronic means of payment, as a measure to ensure the implementation of operative-investigative activity aimed at combating corruption. *Internal Affairs Agencies in the System of Combating Corruption Crime: Materials of the Intradepartmental Round Table*. Saint Petersburg, 2023. P. 104-107 [in Russ.].

2. Conclusion on the assessment of the regulatory impact on the draft federal law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Combating the Financing of Terrorism and (or) Other Illegal Acts” (from 04.02.2022 No. 3523-AX/D26i). *Federal portal of draft regulatory legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=121323> (date of access: Aug. 24, 2024) [In Russ.].

3. Commentary on the Federal Law “On operative-investigative activity”: article-by-article. Edited by A. I. Alekseev, V. S. Ovchinsky. Moscow: Prospect Publ., 2011 [In Russ.].

4. Decree of the President of the Russian Federation dated on November 23, 2020, No. 733 On approval of the Strategy of the state anti-drug policy of the Russian Federation for the period up to 2030. *Law assistance system “ConsultantPlus”*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_368501/88c278a9358f0df60725188db9bed9a90290e1 (Accessed: Aug. 23, 2024) [In Russ.].

5. Review of transactions carried out without the consent of clients of financial institutions for 2023. *Bank of Russia*. Available at: https://www.cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2023 (date of access: Aug. 25, 2024) [In Russ.].

6. Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Combating the Financing of Terrorism and Other Illegal Acts”. *Federal portal of draft regulatory legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=90349> (date of access: Aug. 24, 2024) [In Russ.].

7. Draft Federal Law “On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation in Terms of Combating the Financing of Terrorism and (or) Other Illegal Acts”. *Federal portal of draft regulatory legal acts*. Available at: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=121323> (date of access: Aug. 24, 2024) [In Russ.].

8. Rodichev M. L. Operative-investigative counteraction to the legalization of property acquired by criminal means (on the example of the Northwestern Federal District of the Russian Federation): synopsis of a thesis for the degree of PhD in Law. Saint Petersburg, 2015. 23 p. [in Russ.].

9. Semenchuk V. V., Batoev V. B. Prerequisites for the formation of the concept of development of operative-investigative activity in the digital sphere (part 1). *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2023. No. 3 (66). P. 132-136 [in Russ.].

10. Semenchuk V. V. Counteracting fictitious organizations in the banking sector: opportunities and prospects for improvement. *Banking law*. 2016. No. 4. P. 25-32 [in Russ.].

11. Firsova E. V. Combating the legalization of proceeds from illegal drug trafficking at the present stage: a textbook in two parts. Moscow: UNITY-DANA, 2023. 831 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 03.12.2024

Received December 03, 2024

УДК 340

DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-14

Козлова Анастасия Александровна,
старший преподаватель-методист отделения
планирования и контроля качества
учебного процесса и практики учебного
отдела Калининградского филиала Санкт-
Петербургского университета МВД России,
236006, г. Калининград, ул. Генерала Галицкого,
д. 30; соискатель кафедры теории государства
и права Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя,
117437, г. Москва,
ул. Академика Волгина, д. 12,

Kozlova, Anastasia A.,
Senior Lecturer-Methodologist at the
Department of Planning and Quality Control
of the Educational Process and Practice of the
Educational Department, Kaliningrad branch of
the St. Petersburg University of the Ministry of
Internal Affairs of Russia, 30 General Galitsky
Str., Kaliningrad, 236006, Russian Federation;
Applicant for the Department of Theory of State
and Law, Kikot Moscow University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 12 Akademika Volgina
Str., Moscow, 117437, Russian Federation,

РОЛЬ ПРАВА В ЗАЩИТЕ ТРАДИЦИОННЫХ ДУХОВНО- НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ ЕГО ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE ROLE OF LAW IN THE PROTECTION OF TRADITIONAL SPIRITUAL AND MORAL VALUES OF RUSSIAN SOCIETY IN THE CONTEXT OF ITS DIGITALIZATION

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена обоснованию того, что в условиях цифровизации существенно увеличивается роль права в защите традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества. Несмотря на то, что право не является универсальным инструментом решения значимых для общества проблем, в данном конкретном случае использование его инструментария оказывается реально значимым – и силу того, что в эпоху цифровизации влияние на умы людей морали и религии неуклонно снижается, и в силу усиления юридикации общественной жизни. Решая вопрос о том, что может в современных условиях повлиять на эффективность права в защите духовно-нравственных ценностей российского общества, автор акцентирует внимание на том, что юридические средства защиты могут быть эффективны только при условии широкого применения средств правовой идеологии, транслирующей значимость таких ценностей права, которые неразрывно связаны с моральными и религиозными ценностями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право в условиях цифровизации, правовые средства, традиционные ценности, правовая защита духовно-нравственных ценностей, право и мораль

ABSTRACT. The article is devoted to the substantiation of the fact that in the conditions of digitalization, the role of law in the protection of traditional spiritual and moral values of Russian society is significantly increasing. Despite the fact that law is not a universal tool for solving problems significant to society, in this particular case, the use of its tools turns out to be really significant – both due to the fact that in the era of digitalization, the influence of morality and religion on people's minds is steadily decreasing, and due to the increased legitimization of public life. Solving the question of what can affect the effectiveness of law in protecting the spiritual and moral values of Russian society in modern conditions, the author focuses on the fact that legal remedies can be effective only if legal ideology is widely used, which translates the importance of such values of law, which are inextricably linked with moral and religious values.

KEYWORDS: law in the context of digitalization, legal means, traditional values, legal protection of spiritual and moral values, law and morality

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Козлова, А. А. Роль права в защите традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях его цифровизации / А. А. Козлова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 94–99. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-14

FOR CITATION:

Kozlova, A. A. (2025) The Role of Law in the Protection of Traditional Spiritual and Moral Values of Russian Society in the Context of its Digitalization. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 94-99 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-14

В современных условиях правовые средства активно используются в защите традиционных для российского общества духовно-нравственных ценностей. Однако известно, что право – не универсальный инструмент решения значимых для общества проблем. Многие вопросы, в том числе возникающие в духовной сфере, невозможно решить исключительно правовыми мерами. Например, если законодательно закрепить принципы гуманизма и справедливости, создать юридические механизмы, способствующие их осуществлению, установить ответственность за действия, не отвечающие названным принципам, то это еще не будет гарантией их реализации.

С учетом изложенного возникает ряд вопросов. В частности, действительно ли право играет в защите духовно-нравственных ценностей значимую роль? Меняется ли роль правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей общества в тех специфических условиях, которые ассоциируются с цифровизацией общественных отношений? Является ли безусловной связь между усилением правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и повышением уровня их реальности защищенности? Если нет, то что важно учитывать, чтобы повлиять на повышение эффективности права в защите духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях его цифровизации?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, можно вспомнить множество исторических примеров, подтверждающих то, что право не просто всегда использовалось в защите духовно-нравственных ценностей российского общества, но и неизменно играло в ней значимую роль.

Например, одной из традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества является семья. Уже в самых древ-

них памятниках русского права мы встречаем множество положений, нацеленных на защиту семьи и брака. В частности, имеются такие нормы в Уставе князя Ярослава Владимировича [6, с. 539–542]. Уставная грамота смоленского князя Ростислава Мстиславовича содержит нормы такой же направленности. В статье 11 она включает в перечень правонарушений, подлежащих ведению церковного суда, деяния, которые противоречат религиозно-нравственным устоям, а также сложившимся на их основе в массовом сознании традиционным представлениям о семье и семейных отношениях [7, с. 259–262, 265–272].

Значимость правовой защиты семьи как традиционной для российского общества ценности, а также постепенное расширение и усложнение средств ее защиты предопределили то, что уже при Иване Грозном началось формирование семейного права как самостоятельной отрасли права. Об этом, в частности, пишет А. А. Дорская, подчеркивая, что значимость семейных ценностей повлияла даже на правовое регулирование военной службы: по ее точному наблюдению, «ярчайшим свидетельством роли семьи в построении всей государственно-общественной системы» служит «изменение принципа дворянской службы в Соборном Уложении 1649 г.: не по службе – поместью, а по поместью – служба» [4, с. 34].

В дальнейшем параллельно развитию российского общества неизменно развивалось и семейное право, обеспечивая не просто юридическое упорядочение отношений между супругами, между родителями и детьми, между другими родственниками, но и защиту семьи как традиционной для российского общества духовно-нравственной ценности.

Ценность семьи универсальна, поскольку она выполняет важные функции, способствующие благополучному существованию и развитию общества, – репродуктивную, социали-

зирующую, хозяйственно-бытовую и многие другие. Ни одна нация, ни одна культурная общность не может обойтись без института семьи, играющего важную роль в укреплении здоровья и воспитания, обеспечении экономического и социального прогресса общества, в улучшении демографических процессов. Прежде всего именно семья прививает ребенку такие общечеловеческие ценности, как патриотизм, достоинство, гуманизм, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, именно семья учит любить и уважать близких, стремиться к созидательному труду и нести ответственность за свои поступки.

Тем не менее, к сожалению, сегодня универсальная ценность института семьи осознается не всеми: «Традиционная семья, оставаясь для многих людей основной формой семейных отношений между мужчиной и женщиной, в то же время в ряде государств уже не рассматривается в качестве единственной и доминирующей формы семьи. Ее нетрадиционные формы отражают идущие изменения в обществах, наиболее сильно вовлеченные в процессы глобализации и утратившие под их воздействием духовные ценности, определявшие развитие в течение тысячелетия» [3, с. 235]. Так как именно в атмосфере семьи складывается система ценностей личности, происходит формирование отношения к миру, обществу, государству, разрушение семьи нарушает действие механизма трансляции традиционных духовно-нравственных ценностей, затрудняя их сохранение и создавая условия для их подмены ценностями общества потребления.

К сожалению, часто людьми в современных условиях не осознается ценность не только семьи, но и справедливости, милосердия, гуманизма, патриотизма – того, что является духовной опорой для человека и играет роль духовных скреп российского общества. Этому во многом способствует цифровизация. Последняя представляет собой не просто процесс, оказывающий осязаемое влияние на жизнь человека в современном мире, не просто своего рода «тренд», который затрагивает различные сферы жизнедеятельности общества. Под влиянием цифровизации общественных отношений возникают новые, ранее не существовавшие угрозы как семье, так и другим традиционным для российского общества ценностям.

Процесс цифровизации неразрывно связан с активным освоением интернет-пространства. Общение между людьми все чаще происходит не в личностном, а в виртуальном диалоговом формате, что способствует разрушению реальных социальных связей, а как следствие, затрудняет трансляцию традиционных ценностей, связанных с ними установок и соответствующих им моделей поведения.

«Человеку нужен человек» – это обыденная истина, которая остается актуальной во все времена. Однако люди, работающие в удаленном формате, испытывают дефицит личного общения. При этом, если они одиноки, их образ жизни уменьшает их шансы создать семью и таким образом устранить существующий дефицит общения. Проблемой для них становится не только отсутствие личных контактов, снижающее вероятность найти подходящего для создания семьи партнера, но и то, что, постоянно находясь дома, люди постепенно утрачивают навыки общения, при личной встрече им сложно найти тему для разговора и поддержать его, им трудно формулировать мысли и аргументировать свое мнение.

То, что проблемы десоциализации человека и дефицита личного общения связаны с цифровизацией и актуальны не только для российского общества, подтверждают исследования. Так, «в ходе специальных исследований под названием “Домашняя сеть” в США еще в 1998 г. исследователями Университета Карнеги-Меллона было установлено, что питтсбургские жители, пользовавшиеся Интернетом, реже стали общаться с членами своих семей, а их социальные связи сузились» [5, с. 103].

В условиях цифровизации возрастает влияние контента, размещенного в сети Интернет (в том числе цифровых СМИ), на сознание людей. При этом Интернет несет в себе потенциальную угрозу, связанную с распространением негативной и даже общественно опасной информации. Наибольшую опасность такая информация представляет для детей: в силу психологических особенностей они оказываются особо уязвимыми для деструктивного информационно-психологического воздействия [8, с. 61].

Большая часть информации, деструктивно влияющей на сознание людей, публикуется в Даркнете, и поэтому она скрыта от обычных

пользователей, но время от времени деструктивный контент появляется в сети Интернет в общем доступе, оказывая негативное влияние на сознание пользователей, в особенности детей и подростков [1, с. 122].

Очевидно, что в описываемых условиях правовая защита традиционных духовно-нравственных ценностей не только не утрачивает своей значимости, ее важность увеличивается, что подтверждает повышенное внимание к вопросам такой защиты как со стороны законодателей, так и со стороны других субъектов правотворческой деятельности.

Огромную роль в защите духовно-нравственных ценностей играют конституционно-правовые механизмы. Уже в преамбуле к Конституции Российской Федерации говорится о том, что многонациональный народ России чтит память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость. Внесенные в 2020 году в Конституцию изменения свидетельствуют о том, что в современных условиях общество и государство уделяют сохранению традиционных духовно-нравственных ценностей все больше внимания. На это, в частности, указывает текст ст. 67.1, а также п. ж.1 ч. 1 ст. 72 Конституции.

Стратегически важным документом является Указ Президента Российской Федерации от 09 ноября 2022 года № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Он акцентирует внимание общества на тех ценностях, утрата которых в современных условиях становится реальной опасностью и защита которых приобретает в этой связи принципиальное значение.

Для любого государства утрата традиционных духовно-нравственных ценностей настолько опасна, что важными правовыми инструментами их защиты оказываются меры уголовной ответственности. Уголовный кодекс Российской Федерации обеспечивает защиту свободы, чести, достоинства личности, общественной нравственности, семьи, нравственного развития несовершеннолетних, сохранение объектов культурного наследия.

Помимо развитой системы мер уголовно-правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей российского обще-

ства также существует сложная система их административно-правовой защиты.

В целом российское право демонстрирует, что сегодня интенсивность использования правовых средств в защите духовно-нравственных ценностей увеличивается. В этой связи возникает вопрос: в действительности ли правовые средства эффективны в защите духовно-нравственных ценностей российского общества в тех специфических условиях, которые устойчиво ассоциируются с цифровизацией?

Представляется, что на поставленный вопрос можно ответить утвердительно.

Во-первых, право начинает более активно использоваться в защите традиционных для российского общества духовно-нравственных ценностей не только в силу возникновения новых серьезных угроз. Способствующим этому фактором становится то, что в эпоху цифровизации влияние на умы людей морали и религии как регулятивных систем, ранее игравших значимую роль в сохранении традиционных для любого общества духовно-нравственных ценностей, неуклонно снижается.

Подтверждением тому, что в современных условиях уровень защищенности традиционных духовно-нравственных ценностей вне их правовой защиты снижается, служат процессы, происходящие в духовной сфере составляющих условный «коллективный Запад» обществ, в которых право не только не защищает традиционные духовно-нравственные ценности, но и берет под охрану те модели поведения, которые составляют угрозу таким ценностям.

Во-вторых, цифровизация общественных отношений в современных условиях неразрывно связана с усилением юридизации общественной жизни. Последняя, возникая в качестве тенденции в развитии права, с цифровизацией напрямую не связанной, в то же время под влиянием составляющих ее процессов усиливается – уже потому, что благодаря использованию новых технологий усиливается «производительность» субъектов правотворчества и правоприменения. Кроме того, усилению юридизации общественной жизни способствует и то, что «в сфере оказания юридических услуг цифровизация позволяет обеспечить их доступность, в том числе снизить стоимость» [2, с. 492].

В условиях юридизации общественной жизни значимость права в регулировании обще-

ственных отношений в целом увеличивается, а его инструментальные возможности расширяются. Расширение инструментальных возможностей права затрагивает все сферы, входящие в предмет правового регулирования, в том числе и те, которые непосредственно связаны с сохранением, трансляцией и защитой традиционных духовно-нравственных ценностей. В этой связи можно говорить о реальном увеличении эффективности правовых средств в защите традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества.

Далее возникает еще один важный вопрос: является ли безусловной связь между усилением правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и повышением уровня их реальной защищенности?

Практика показывает, что нет. Усиление правовой защиты традиционных духовно-нравственных ценностей способствует повышению уровня их реальной защищенности лишь при условии, что правовые средства применяются уместно и адекватно, и это вполне объяснимо с учетом неуниверсальности права.

Принимая во внимание изложенное, важно четко понимать, какие моменты учитывать, чтобы повысить эффективность права в защите духовно-нравственных ценностей российского общества в условиях его цифровизации.

К сожалению, мы не можем какими-либо правовыми средствами повлиять на сам процесс цифровизации. Технический прогресс сегодня, безусловно, позитивным образом влияет на экономическую и политическую жизнь общества, и в этой связи пытаться остановить развитие цифровых технологий невозможно, даже если признать существование гипотетической возможности воздействовать на него.

Установление более жесткой цензуры в сети Интернет, создание специализированных органов по работе и контролю именно сети Интернет могут способствовать частичному решению существующих проблем. Но важно понимать, что в силу самой специфики организации цифрового пространства осуществлять правовой контроль за развивающимися в нем отношениями крайне сложно. В частности, если юридически запретить те или иные модели поведения для субъектов, участвующих в цифровом взаимодействии, то все равно во многих случаях реально привлечь к ответственности лиц, их

нарушающих, будет сложно или невозможно. Значит, введенные запреты часто будут оставаться «мертвыми нормами».

Вместе с тем, если будет точно известен субъект, скрывающийся в цифровом пространстве за виртуальной маской, то те же самые запреты в некоторых случаях могут быть достаточно эффективными. Следовательно, должны быть разработаны правовые механизмы, позволяющие идентифицировать виртуальную маску с конкретным физическим или юридическим лицом, за ним скрывающимся.

Важным представляется реализовать идею о том, что для социальных сетей и мессенджеров законодательно должны быть введены дополнительные обязательства по регулированию деструктивного или фейкового контента, а владельцев контента необходимо привлекать к ответственности в случае распространения информации, оказывающей пагубное влияние на психическое и физическое здоровье людей [1, с. 123]. В особенности реализация указанных мер значима для обеспечения информационно-психологической безопасности детей и подростков, система ценностей которых находится в процессе становления.

В условиях цифровизации юридические средства защиты традиционных духовно-нравственных ценностей могут быть эффективны только при условии широкого применения средств правовой идеологии, транслирующей значимость таких ценностей права, которые неразрывно связаны с моральными и религиозными ценностями.

Подводя итог проведенному анализу, можно с уверенностью сказать, что право является универсальным инструментом защиты традиционных духовно-нравственных ценностей и что его роль в защите таких ценностей, чрезвычайно значимых для российского общества, в условиях цифровизации увеличивается. При этом возможности, которые открывает право в защите традиционных духовно-нравственных ценностей, являются реальными, а не гипотетическими. Для того чтобы их использовать, важно учитывать как специфику социальных, политических, экономических и иных реалий эпохи цифровизации, так и особенности самого современного права как важнейшего в современных условиях социального регулятора отношений.

Список использованных источников**References**

1. Белодед Д. Р. Влияние деструктивного цифрового контента на психологическую безопасность пользователей интернета // Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки. 2022. Т. 5. № 2(15). С. 122–128.
2. Белянская О. В., Чомаев А. А. Влияние цифровизации на процесс осуществления юридической деятельности // Актуальные проблемы государства и права. 2022. Т. 6. № 4. С. 488–495.
3. Груздев В. В., Груздева М. Л., Ершов В. Н., Смирнов В. А. О воздействии больших вызовов и социокультурных угроз на семью и семейное право // Вестник Костромского государственного университета. 2020. № 4. С. 233–237.
4. Дорская А. А. Индивид, семья, общество, государство: историко-правовой анализ эволюции понятий в дореволюционной России // Вестник Академии права и управления. 2017. № 3(48). С. 33–38.
5. Интернет в общественной жизни / ред. В. Геринг; пер. с англ. А. Смирнов. М.: Идея-Пресс, 2006. 160 с.
6. История русской церкви Е. Голубинского. Т. I. Период первый, Киевский или Домонгольский. Первая половина тома. М.: Тип. Э. Лисснер и Ю. Роман, 1880. XXIV, 793 с.
7. Памятники русского права. Вып. 1: Памятники права Киевского государства. X–XII вв. / сост. А. А. Зимин; под ред. С. В. Юшкова. М.: Гос. изд-во юр. лит-ры, 1952. 287 с.
8. Смирнов А. А. Формирование и обеспечение информационно-психологической безопасности в Российской Федерации: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.13. М., 2022. 444 с.

1. Beloded D. R. The Impact of Destructive Digital Content on the Psychological Safety of Internet Users. *Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences*. 2022. Vol. 5. No. 2(15). P. 122-128 [in Russ.].
2. Belyanskaya O. V., Chomaev A. A. The Impact of Digitalization on the Process of Implementing Legal Activity. *Actual Problems of State and Law*. 2022. Vol. 6. No. 4. P. 488-495 [in Russ.].
3. Gruzdev V. V., Gruzdeva M. L., Ershov V. N., Smirnov V. A. On the Impact of Major Challenges and Sociocultural Threats on the Family and Family Law. *Bulletin of Kostroma State University*. 2020. No. 4. P. 233-237 [in Russ.].
4. Dorskaya A. A. Individual, Family, Society, State: Historical and Legal Analysis of the Evolution of Concepts in Pre-Revolutionary Russia. *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2017. No. 3 (48). P. 33-38 [in Russ.].
5. The Internet in Public Life. Ed. V. Gering; trans. from English by A. Smirnov. Moscow: Idea-Press, 2006. 160 p. [in Russ.].
6. History of the Russian Church by E. Golubinsky. Vol. I. The First Period, Kiev or Pre-Mongol. First Half of the Volume. Moscow: Type. E. Lissner and Yu. Roman, 1880. XXIV, 793 p. [in Russ.].
7. Monuments of Russian Law. Issue 1: Monuments of the Law of the Kievan State. 10th-12th Centuries. Compiled by A. A. Zimin; edited by S. V. Yushkov. Moscow: State Publishing house of legal literature, 1952. 287 p. [in Russ.].
8. Smirnov A. A. Formation and provision of information and psychological security in the Russian Federation: diss. ... Doctor of Law: 12.00.13. Moscow, 2022. 444 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 17.03.2025

Received March 17, 2025

Липич Дмитрий Васильевич,
аспирант, Юридический институт
Белгородского государственного
национального исследовательского
университета,
308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85,
email: lipich@bsu.edu.ru

Lipich, Dmitry V.,
Postgraduate Student,
Law Institute,
Belgorod State National Research University
85 Pobedy Str., Belgorod,
308015, Russian Federation,
email: lipich@bsu.edu.ru

**«ПРАВО КАК УСЛОВИЕ ВОЗМОЖНОСТИ
НРАВСТВЕННОСТИ»: РАЗМЫШЛЕНИЯ
Б. П. ВЫШЕСЛАВЦЕВА НАД ФИЛОСОФИЕЙ ПРАВА ФИХТЕ**

**“LAW AS A CONDITION FOR THE POSSIBILITY
OF MORALITY”: B. P. VYSHESLAVTSEV’S REFLECTIONS
ON FICHTE’S PHILOSOPHY OF LAW**

АННОТАЦИЯ. В конце XIX – начале XX вв. русская философская мысль в круг своих исследовательских интересов ставит вопросы формирования нравственно-правового идеала, соотношения права и нравственности, свободы и ответственности личности. В статье анализируются размышления Б. П. Вышеславцева над философией права Фихте, изложенные им в его труде «Этика Фихте», во второй главе IV раздела, где он подробно анализирует противопоставление и единство права и нравственности, проблему оправдания права и государства, проблему правового принуждения и свободы. Целью статьи является анализ рецепции идей Фихте на становление философско-правовых взглядов Б. П. Вышеславцева, который приходит к выводу, что государство и право выступают как составные части универсальной этики, где происходит преодоление зла и торжество добра, где не будет никакого соблазна к совершению зла. Это и будет высшей целью проявления нравственного закона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, нравственность, закон, принуждение, свобода, личность, добро, зло

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Липич, Д. В. «Право как условие возможности нравственности»: размышления Б. П. Вышеславцева над философией права Фихте / Д. В. Липич. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 100–105. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-15

ABSTRACT. In the late XIX – early XX centuries, Russian philosophical thought in the circle of its research interests raises issues of the formation of a moral and legal ideal, the relationship between law and morality, freedom and responsibility of the individual. The article analyzes B. P. Vysheslavtsev’s reflections on Fichte’s philosophy of law, set out by him in his work “Ethics of Fichte”, in the second chapter of section IV, where he analyzes in detail the opposition and unity of law and morality, the problem of justification of law and the state, the problem of legal coercion and freedom. The purpose of the article is to analyze the reception of Fichte’s ideas on the formation of philosophical and legal views of B. P. Vysheslavtsev, who concludes that the state and law act as integral parts of universal ethics, where evil is overcome and good triumphs, where there will be no temptation to evil. This will be the ultimate goal of the manifestation of the moral law.

KEYWORDS: law, morality, law, coercion, freedom, personality, good, evil

FOR CITATION:

Lipich, D. V. (2025) “Law as a Condition for the Possibility of Morality”: B. P. Vysheslavtsev’s Reflections on Fichte’s Philosophy of Law. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 100-105 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-15

В начале XX века усиливается интерес к немецкой классической философии, и в частности к философии И. Г. Фихте. Выходит ряд переводов фундаментальных работ Фихте, среди которых особый для нас интерес вызывает изданный в 1914 году основательный труд Б. П. Вышеславцева «Этика Фихте» и в 1916 году «Избранные произведения Фихте» под редакцией Е. Н. Трубецкого. Зарождающееся русское неофихтеанство (иногда называемое неокантианством) находит весьма созвучным своим приоритетам анализ нравственной и правовой проблематики, предпринятой Фихте в его работах. Современные философско-правовые исследования также направлены на анализ рецепции немецкой философии права в русской правовой мысли начала XX века (А. В. Бывальцева [1], Л. Н. Каратаева [3], Н. А. Овсянникова [5], И. Д. Осипов [6], К. Г. Прокофьев [7], Ю. М. Татарникова [8], Е. А. Фролова [11]).

Вместе с тем исследований по анализу рецепции философско-правовых идей И. Г. Фихте в становлении правовых взглядов Б. П. Вышеславцева немного в современной философии права.

Наш исследовательский интерес направлен на размышления Б. П. Вышеславцева, рассматривающего критически философию права И. Г. Фихте в работе «Этика Фихте», в отделе IV, где он подробно анализирует противопоставление и единство права и нравственности, проблему оправдания права и государства, проблему правового принуждения и свободы.

Одним из главных посылов Фихте при исследовании им основных идей своей философии права являлся тот факт, что сущность права необходимо рассматривать в отвлечении от всех неправовых элементов действительности. Б. П. Вышеславцев во 2-й главе IV раздела своего труда «Этика Фихте» пишет: «Закон права не есть ни закон природы, ни закон нравственности. Он резко отличается от законов природы, будучи законом, обращенным к свободе, и вместе с тем отнюдь не сливается с законом нравственным. Фихте настаивает на последнем в обоих учениях о праве: понятие права не имеет ничего общего с нравственным законом, право дедуцируется не из нравственности» [2, с. 415].

Но тогда, что есть закон права, к чему его можно и нужно отнести: к области практического или теоретического разума? – задает

вопрос Б. П. Вышеславцев, исходя из рассуждений Фихте. Вышеславцев фиксирует противоречие, возникающее в рассуждениях Фихте: если это не нравственный закон, а закон мысли, то он не должен нести практического значения, но это не так, так как он имеет практическое значение. Но Фихте однозначно отвечает, что закон права не есть практический закон. Для преодоления этого противоречия Вышеславцев внимательно изучает ход мысли Фихте, который не стремился, по его мнению, разрывать закон права и закон нравственности. Б. П. Вышеславцев пишет: «Мы должны с самого начала ясно выразить то, что у Фихте всюду предполагается, но лишь изредка и мельком высказывается: и право, и нравственность входят в единую общую сферу практического разума, или этики в широком смысле слова. И право, и нравственность являются определениями свободы, моментами, в соиздании царства свободы» [2, с. 416]. Основные категории свободы, исследуемые в этике Фихте, одинаково принадлежат и нравственности, так как нет права и нравственности без сознательного и свободного выбора субъекта, без понимания им цели собственной деятельности. В таком случае Вышеславцев констатирует важную мысль Фихте, к которой он приходит в своих поздних работах, состоит в том, что нравственность становится формой справедливости там, где закон нравственности обращен к свободе всех. Поэтому и право, и справедливость являются этической формой, а закон права, обращенный к свободе всех, есть закон нравственный, являющийся как бы порукой всех других нравственных законов. Вместе с тем у Фихте, несмотря на то, что право и нравственность, будучи элементами практического разума, не сливаются, а выступают самостоятельными ступенями, ведущими к осуществлению царства свободы. Фихте настаивает на том, что эти две ступени не являются тождественными, они не могут подменить друг друга. Восхождение на ступень высшей нравственности должно опираться на ступень права, которая выступает необходимым условием ее достижения.

Согласимся с В. В. Лазаревым, который совершенно справедливо вычленяет одну из основных мыслей Фихте о соотношении права и нравственности: «Фихте с самого начала определял нравственность, как высшую ступень,

содержащую в себе право, как низшую. Ответить праву надлежащее место в практической философии, поставить его на должное, подобающее ему место – не значит пренебречь им или принизить» [4, с. 202].

Государство при этом является средством осуществления нравственности общины свободных людей. Закон права в общине свободных моральных людей, связанных любовью, выступает переходной ступенью в формировании правоотношений, правового принуждения, власти, самого государства. Другими словами, делает вывод Фихте, существует ступень этики, которая возвышается и над правом, и над государством. Совершенные моральные существа, руководствующиеся в своей жизни справедливостью, не нуждаются в праве и в принуждении. Но они должны пройти через государство, так как вне его могут существовать только животные или боги, как в свое время говорил Аристотель. Люди могут подняться над правом, олицетворяющим собой низшую ступень царства свободы, которое в свою очередь, возвышается над царством природы. А высшей ступенью царства свободы выступает нравственность. Исходя из этого, право, по мнению Фихте, является связующим звеном между природой и царством свободы, при этом право регламентирует отношения полов, родителей и детей, порядок, в котором должны жить люди.

Первой ступенью царства свободы является область техники, экономики, которая поддерживалась правом. Техника и экономика формировали внешний мир, создавали так называемую вторую природу, которая выступала фундаментом, необходимым условием реализации царства свободы, царства нравственности. На всех этапах становления экономики и техники присутствует право, которое регулирует свободу каждого человека подчинять себе мир вещей. В этом смысле право выступает как организация народного хозяйства. Б. П. Вышеславцев констатирует, что договор собственности, по мнению Фихте, лежит в основе любого права и государства [2, с. 420].

Право и государство выступают у Фихте как особые формы хозяйственных отношений, особые формы практического разума. Философия права и государства обогащается благодаря рассмотрению права как ступени конкрет-

ной этики. Право формирует общение труда и дает возможность для высшего нравственного общения, где принцип справедливости становится важным и животворящим, а в отвлеченной теории права идея справедливости пуста. Фихте исследует абстрактную теорию права, которая в своей основе имеет также абстрактное понимание свободы, или произвол. При этом такое понимание свободы занимает промежуточное положение между царством природы и нравственной свободой.

То есть такая свобода, понимаемая как произвол – есть переходное состояние абстрактного права. Можно ли защищать произвол, имеет ли он право на существование? – задает вопрос Фихте. Б. П. Вышеславцев полагает, что Фихте в своем труде «Основы естественного права» высказывает мысль, что нельзя определить деятельность людей не исследовав вопрос о целях, которые ставятся в процессе этой деятельности. Главная цель у людей – это жить своим трудом, определяет Фихте. Эта общая цель достигается тем, что люди работают совместно для поддержания жизни всех, поэтому благосостояние общины зависит всех. В такой общине люди должны урегулировать свое производство при помощи права и государства, которое призвано умножать национальное богатство, отмечает Фихте. Поэтому богатство наделяется этическим смыслом и становится условием нравственной свободы, где человек работает не как животное, а как свободный человек, легко, вознося свой дух к небу.

Следуя логике мысли Фихте, Б. П. Вышеславцев отмечает, что изначально Фихте не ставит вопрос о справедливости и не выясняет роль права и государства в этом процессе. Он отмечает, что первой ступенью этики, характеризующей право и государство, является материальная культура, техника. Государство должно не только способствовать приращению богатства, но и должно быть справедливым хозяином. Но так происходит не всегда: у одного жизнь – сплошной досуг, а у другого – тяжелый и унижительный труд. Поэтому необходимо учитывать принцип справедливости при распределении, защищаемом правом. «Но как возможно такое распределение?» – задает вопрос Б. П. Вышеславцев. Ведь каждый человек имеет право на хорошую жизнь, основанную на распределении поровну между всеми достигнутых

богатств. Но это идеал, к которому все государства должны стремиться.

Таким образом, отмечает, Б. П. Вышеславцев, Фихте «идет от постулата свободы к постулату равенства, от государства чисто правового к государству социалистическому» [2, с. 426]. Но такого государства, где нет разбойников, где все само собою образуется в экономике, просто быть не может. Ступени этики в виде техники, хозяйства и государства предполагают наличие более высокой ступени, отмечает Фихте. Этой ступенью является мораль, нравственность. Но что же ее выделяет в отдельную, высшую ступень? Фихте разделяет и противопоставляет право и нравственность. Он пишет в своем труде «Основы естественного права согласно принципам наукоучения» следующее: «Обе эти науки уже изначально и без нашего содействия разделены разумом и совершенно противоположны друг другу» [9, с. 53].

Право представляет собой область действий, вытекающих из воли, касающихся чувственного мира, не связанного с нравственностью. Б. П. Вышеславцев цитирует Фихте: «Право определяет внешнюю свободу, мораль – внутреннюю (власть над аффектами); право говорит о справедливом действии, мораль – о доброй воле. Отсюда понятно, почему право осуществляется принудительно, а мораль – нет: к правомерному действию можно принудить, напротив, добрую волю можно только воспитать» [2, с. 427]. Дальнейшие рассуждения Фихте, на которые обращает внимание Б. П. Вышеславцев, связаны с анализом различий между правом и нравственностью, главным из которых является тот факт, что право позволяет, а нравственный долг повелевает категорически.

Из этого Фихте формулирует основное отличие права от нравственности, и на это обращает особое внимание Б. П. Вышеславцев. Смысл этого отличия заключается в том, что закон, как закон свободы, выступает условием существования не отдельной личности, а всех, в то время как нравственность, наоборот, обращена не ко всем, а к каждой отдельной личности. При этом, если это личность не нарушает границы, заповеди другой личности, то здесь нет необходимости в применении законов.

Такие характеристики имеет нравственная община свободных существ. По этому поводу справедливо отмечает В. В. Лазарев: «Вы-

шеславцев неспроста привлекает внимание к этому последнему моменту. Мы обнаруживаем здесь у Фихте редчайшее в западной философии явление: не только утверждение идеи “нравственной общины”, но и настаивание на том, что именно в ней действительно признается ценность индивидуального и действительно осуществляется и практикуется индивидуальная свобода личного проявления, – не в общности с общностью, не в конфликтах с другими, а в нравственном союзе с другими и при поддержке общинностью, и в условиях общинных отношений» [4, с. 199].

Но для обеспечения функционирования системы конкретных индивидуальностей, где их существование и их свобода должны быть охраняемыми, должны действовать право, закон.

Б. П. Вышеславцев акцентирует внимание на этих отличиях права и нравственности у Фихте и тут же задается вопросом, а могут ли они быть связаны и выступать в единстве, ведь все эти характеристики нравственности выделяют ее в отдельную новую ступень бытия. И как она связана с правом? Б. П. Вышеславцев предлагает обоснование взаимодействия высшей ступени нравственности и права следующим образом: «Так связаны между собой эти категории высшей нравственности, взаимно постулирующие и взаимно дополняющие друг друга. Каждая из них при том не отбрасывает, а напротив, предполагает, как свое условие, и содержит в себе категорию низшей ступени, права. Так, прежде всего, добрая воля, совесть. Разве она не требует справедливых деяний?» [2, с. 431]. Ответ на этот вопрос был сформулирован таким образом, что справедливые деяния должны совершаться по чистому велению совести, где закон не отменяется, а поднимается на высшую ступень. Закон права выступает «как «закон особого порядка в чувственном мире» (Фихте), без которого не существует общество [2, с. 431].

Вместе с тем, как мы уже отмечали, Фихте разделял понятие права и понятие нравственности. Он отмечал, что право лежит вне нравственности, в то же время является условием возможности существования нравственности.

Но как вообще возможно оправдание права и государства? – размышляет Б. П. Вышеславцев. Этот вопрос может решаться только в плоскости доказательства того факта, что право

и государство представляют собой необходимое условие возможности высшей конкретной нравственности. В то же время у Фихте право имеет то, что противоречит принципу высшей нравственности, – это принуждение. Поэтому он четко формулирует антиномию морали и права: с одной стороны, каждый человек должен быть внешне и внутренне свободным, поэтому принуждение совсем не правомерно, но с другой стороны, принуждение необходимо, чтобы нравственность в виде свободы могла осуществиться.

Как же решает это противоречие Фихте? Б. П. Вышеславцев комментирует это так: «Решение антиномии является у Фихте классически прозрачным: принуждение к праву неизбежно, так как нарушение чужой свободы не может быть терпимо; оно есть грубая сила природы, которая должна быть укрощаема “как разъяренное животное”... Но право не может и не хочет “уничтожить внутреннюю злую волю”» [2, с. 433].

Поэтому, с точки зрения Фихте, нельзя нарушать право, чтобы господствовали насилие, несправедливость, но в таком случае и осуществление нравственного царства невозможно. Необходимо по собственной воле отбросить все несправедливое. Все неправомерные деяния изначально должны устраняться принуждением, которое осуществляется без доброй воли. Но и добрая воля, внутренняя свобода не создаются принуждением, с помощью права. Государству первой необходимой задачей нужно обеспечить функционирование правового принуждения, а второй – способствовать общественному образованию и воспитанию, которые своей главной целью ставят в будущем функцию принуждения излишней.

По мнению Б. П. Вышеславцева, основная мысль Фихте заключается в том, что мораль предполагает и восполняет право, то есть сначала правовое принуждение, а потом воспитание воли, а доброе действие с неизбежностью будет вытекать из доброй воли. Поэтому зло должно быть преодолено самопринуждением, внутренним перерождением. Но такое воспитание, отмечает Б. П. Вышеславцев, возможно только внутри правового порядка. Свободу индивидуумов, занятых хозяйственной деятельностью, необходимо защищать одинаково, по одним и тем же правилам. У всех людей

должна быть возможность заниматься своим трудом, иметь свой досуг, но как человек будет пользоваться своей свободой и досугом, зависит от норм права и норм нравственности. Свобода личности, как ступень на пути к царству моральности, обеспечивается государственной властью, и ради нее человек заключает общественный договор. Государству необходимо создавать такие условия, чтобы возможно было проявление конкретной нравственности, нравственного закона, а юридический закон за ненадобностью отмирал. Это возможно в том случае, отмечает Фихте, человек будет руководствоваться волей, свободной от внешних целей и от власти природы. В. В. Лазарев, анализируя этические теории государства и права Фихте, изложенные им в первый и во второй периоды философствования, пишет: «Единственно истинное государство уже не нуждается в функциях насилия, в нынешнем государстве еще совершенно необходимых. В этом смысле – и только в этом – ведет речь Фихте об отмирании государства: об исчезновении его как орудия насилия и принуждения. При полном согласии и единодушии в обществе отпадает государство, как законодательная и принудительная власть. Воля каждого есть действительно всеобщий закон, ибо все другие хотят того же: и нет необходимости в принуждении, ибо каждый уже сам желает того, что он должен делать» [4, с. 206].

И. Г. Фихте в своей работе «О назначении человека» пишет: «Здесь, где маленькое узкое Я личности уже уничтожено общественным строем, каждый любит другого действительно, как самого себя, как составную часть великого Я, которое одно осталось для его любви, и которого он сам только составная часть, могущая приобретать или терять вместе с целым, так уничтожается борьба добра со злом, так как зло не может уже больше возникать» [10, с. 155].

Таким образом, резюмируя размышления Б. П. Вышеславцева над философией права Фихте, изложенные им в «Этике Фихте», можно сделать вывод о том, что государство и право выступают как составные части универсальной этики, где происходит преодоление зла и торжество добра, где не будет никакого соблазна к совершению зла. Это и будет высшей целью проявления нравственного закона.

Список использованных источников

1. Бывальцева А. В. Право как условие самосознания: интерсубъективная парадигма правопонимания И. Г. Фихте // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 4 (14). С. 7–14.
2. Вышеславцев Б. П. Этика Фихте. Основы права и нравственности в системе трансцендентального идеализма. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. 437 с.
3. Каратаева Л. Н. Проблема соотношения права и нравственности в немецкой классической философии: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Мурманск, 2001. 23 с.
4. Лазарев В. В. Этическая мысль в Германии и России. Осмысление фихтеанства русскими философами конца XIX – начала XX века. М.: ИФ РАН, 2006. 221 с.
5. Овсянникова Н. А. Проблема соотношения права и религии в творчестве Б. П. Вышеславцева // URL: https://www.academia.edu/28457119/Проблема_соотношения_права_и_религии_в_творчестве_Б_П_Вышеславцева_docx (дата обращения: 27.03.2024).
6. Осипов И. Д. Антитеза закона и благодати в антропологии права Б. П. Вышеславцева // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 6. 2008. Вып. 2. С. 44–50.
7. Прокофьев К. Г. Проблема обоснования права в работе И. Г. Фихте «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 4(54). С. 95–100.
8. Татарникова Ю. М. Теория признания в соотношении морали и права в немецком идеализме: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2009. 23 с.
9. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. 392 с.
10. Фихте И. Г. Назначение человека / пер. с нем. Т. В. Поссе и В. М. Брандиса; вступ. ст. И. И. Лапшина. СПб., 1913. 200 с.
11. Фролова Е. А. Неокантианство в русской философии права во второй половине XIX – первой половине XX века: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. 55 с.

References

1. Byvaltseva A. V. Law as a condition of self-awareness: an intersubjective paradigm of legal understanding I. G. Fichte. *Bulletin of the Perm University. Legal Sciences*. 2011. No. 4 (14). P. 7-14 [in Russ.].
2. Vysheslavtsev B. P. Ethics of Fichte. The foundations of law and morality in the system of transcendental idealism. Moscow: Printed by A. Snegireva, 1914. 437 p. [in Russ.].
3. Karataeva L. N. The problem of the correlation of law and morality in German classical philosophy: author's thesis ... PhD in Philology. Murmansk, 2001. 23 p. [in Russ.].
4. Lazarev V. V. Ethical thought in Germany and Russia. Understanding of Fichteanism by Russian philosophers of the late XIX – early XX century. Moscow: IF RAS, 2006. 221 p. [in Russ.].
5. Ovsyannikova N. A. The problem of the correlation of law and religion in the work of B. P. Vysheslavtsev. Available at: https://www.academia.edu/28457119/Проблема_соотношения_права_и_религии_в_творчестве_Б_П_Вышеславцева_docx (date of access: 27.03.2024) [in Russ.].
6. Osipov I. D. The antithesis of law and grace in the anthropology of law by B. P. Vysheslavtsev. *Bulletin of St. Petersburg University. Ser. 6*. 2008. Issue 2. P. 44-50 [in Russ.].
7. Prokofiev K. G. The problem of substantiation of law in the work of I. G. Fichte “The basis of natural law according to the principles of science”. *The Rule of Law: Theory and Practice*. 2018. No. 4(54). P. 95-100 [in Russ.].
8. Tatarnikova Yu. M. The theory of recognition in the relationship of morality and law in German idealism: abstract of the dissertation of the PhD in Philology. Moscow, 2009. 23 p. [in Russ.].
9. Fichte I. G. The basis of natural law according to the principles of science. Translated from German by A. K. Sudakov. Moscow: “Canon +” Regional Public Organization of Disabled People “Rehabilitation”, 2014. 392 p. [in Russ.].
10. Fichte I. G. Appointment of a person. Translated from German by T. V. Posse and V. M. Brandis. Introductory article by I. I. Lapshin. St. Petersburg, 1913. 200 p. [in Russ.].
11. Frolova E. A. Neo-Kantianism in the Russian philosophy of law in the second half of the XIX – first half of the XX century. Abstract dis.... Doctor of Law. Moscow, 2013. 55 p. [in Russ.].

Поступила в редакцию 14.10.2024
Received October 14, 2024

Микуленко Федор Алексеевич,
адъюнкт Военной ордена Жукова академии
войск национальной гвардии Российской
Федерации (г. Санкт-Петербург, Россия),
198206, г. Санкт-Петербург,
ул. Летчика Пилютова, д. 1,
email: famikulenko@sberbank.ru

Mikulenko, Fyodor A.,
Associate of the Military Order of Zhukov
of the Academy of the National Guard of the
Russian Federation (St. Petersburg, Russia),
1 Pilyutov Pilot Str., St. Petersburg,
198206, Russian Federation,
email: famikulenko@sberbank.ru

СОБСТВЕННОСТЬ КАК ЦЕННОСТЬ В ТРАДИЦИИ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ ПРАВА (XVII–XIX ВВ.)

PROPERTY AS A VALUE IN THE TRADITION OF CLASSICAL PHILOSOPHY OF LAW (XVII–XIX CENTURIES)

АННОТАЦИЯ. Основные этапы классической философии права Нового времени – создание теории общественного договора Гоббсом и Локком, трансцендентальной дедукции права Кантом и Фихте, разработка Гегелем учения о праве и нравственности как духовных формах бытия – отмечены возрастающим пониманием принципиального отличия сферы человеческого бытия, подчиненного законам свободы, от сферы природного бытия. Когда система норм права и правовых институтов начинает пониматься не только как регулирующий механизм, в целом остающийся в рамках природного детерминизма, но и как явление «высшей нравственной идеи» (Гегель), она приобретает признаки системы ценностей. Особенно отчетливо это проявляется в учении Фихте и Гегеля о собственности. Для Фихте собственность выступает как ценность в качестве первого основоположения системы права, дедуцируемой из высшего единства «Я». Для Гегеля собственность на уровне «абстрактного права» имеет ценностное содержание, поскольку указывает на свободу личности как субъекта закрепленных в праве договорных отношений. Но это содержание собственности несет исключительно как свое внутреннее содержание, как «в-себе». Собственность определяется как ценность «для-себя» лишь тогда, когда личность раскрывается не только как субъект права, но и как субъект морали. Однако при этом обнаруживается и ограниченность ценностного потенциала института собственности. В сравнении с личностью и государством собственность имеет относительную, а не абсолютную ценность.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, личность, нравственность, собственность, ценность, философия права, Гегель

ABSTRACT. The main stages of the classical philosophy of law of Modern times – the creation of the theory of the social contract by Hobbes and Locke, the transcendental deduction of law by Kant and Fichte, and the development by Hegel of the doctrine of law and morality as spiritual forms of being – are marked by an increasing understanding of the fundamental difference between the sphere of human existence, subject to the laws of freedom, and the sphere of natural existence. When a system of legal norms and legal institutions begins to be understood not only as a regulatory mechanism that generally remains within the framework of natural determinism, but also as a phenomenon of the “highest moral idea” (Hegel), it acquires the characteristics of a value system. This is especially evident in the teachings of Fichte and Hegel on property. For Fichte, property acts as a value as the first principle of the legal system, deduced from the supreme unity of the “I”. For Hegel, property at the level of “abstract law” has a value content, since it indicates the freedom of the individual as a subject of contractual relations enshrined in law. But property carries this content solely as its internal content, as an “in-itself”. Property is defined as a value “for oneself” only when a person is revealed not only as a subject of law, but also as a subject of morality. However, this reveals the limited value potential of the institution of property. In comparison with the individual and the state, property has relative rather than absolute value.

KEYWORDS: law, personality, morality, property, value, philosophy of law, Hegel

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Микуленко, Ф. А. Собственность как ценность в традиции классической философии права (XVII–XIX вв.) / Ф. А. Микуленко. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 106–112. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-16

FOR CITATION:

Mikulenko, F. A. (2025) Property as a Value in the Tradition of Classical Philosophy of Law (XVII–XIX Centuries). *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 106–112 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-16

В традиции классической философии права понятие собственности формируется в дискурсе понятийных полей этического и юридического характера. Именно их взаимосвязь определяет не только нравственно-правовое, но и аксиологическое значение этой категории. И это позволяет понять, почему право и правовые отношения не сводятся только к государственному насилию, но напротив – являются актуализацией свободы личности: «Свободный человек относится к праву как к “своему иному”, воспринимает его не как внешнюю чужую силу, а как собственную ценность, разрушать которую неправомерным поведением недопустимо. И эта недопустимость задается ему основаниями, несравненно более высокими, чем плоский прагматизм или страх перед силой государства» [6, с. 323].

Однако аксиологическое понимание права в целом и его отдельных категорий в частности, включая и категорию собственности, является результатом длительного процесса развития философско-правовой мысли. Так, для Т. Гоббса социально-правовые отношения не связаны с переходом от сферы природы к более высокому уровню бытия. Их законы определены формами природного детерминизма и по сути являются законами механических отношений, воспроизводимых в формах столь же механистического мышления.

Как известно, философы права Нового времени исходили из того, что человек по природе своей зол. Это положение стало исходным для построения всей системы политической философии Гоббса. Оставаясь в рамках чисто природных отношений, человек обречен на бесконечную войну всех против всех. Однако разум и воля человека позволяют ему создать такую конструкцию, которая позволяет ему избежать этого состояния: «Именно люди производят те институты, благодаря которым возможно установление права. Всеобщность законов возможна лишь благодаря утверждению этой все-

объединяющей воли» [21, с. 101]. Тем самым закладывались основы того, что современный исследователь назвал «антропный принцип» происхождения и сущности социальных отношений, включая отношения собственности [10]. Однако и разум, и волю человека Гоббс понимал еще совершенно механистически. Поэтому и механизм разрешения бесконечного социального конфликта – общественный договор – не представлял собой более высокой формы бытия, чем явления природы.

Дж. Локк также относит право собственности к естественным, т. е. к природным, правам человека. Социальная защита этих прав со стороны гражданского общества и государства по сути своей является всего лишь продуктом целенаправленного усложнения механизмов природного взаимодействия. Комментируя учение Локка о собственности, О. А. Короткова и И. А. Овчинникова справедливо отмечают: «Концепция “естественного состояния” Дж. Локка находит свое отражение во взглядах философа на частную собственность, как на право “естественное”. Право частной собственности, будучи естественным правом, ограничивается способностями самого человека к использованию результата своего труда. Труд признается наиважнейшим признаком, дающим право на присвоение объекта из общего владения, а рациональное использование, исключаящее порчу вещей, не нарушает права других людей и, как следствие, подтверждает владение» [9, с. 119]. Хотя в области механических отношений природы нет места тому, что можно назвать ценностью, все же мы можем отметить, что Гоббс и Локк связывают отношения собственности с той сферой, которая единственно и может быть носителем ценностных смыслов, а именно – со сферой, развитой из «антропного принципа».

Понимание того, что «антропный принцип» дедукции права, выдвинутый Гоббсом и Локком, означает отсылку к более высокой сфере бытия, чем природа, достигается только в фи-

лософии права И. Канта. Это стало результатом систематического развития понятия свободы, с которым основоположник немецкой классической философии И. Кант связывал бытие человека, законы которого он противопоставлял именно каузальности природы [8, с. 68–69]. Социальное бытие человека возможно, по Канту, в силу сочетания начал свободы и разума, которые дают человеку высший нравственный закон, из которого, в свою очередь, дедуцируются нормы морали, а потом и права.

Понятие собственности не является главной категорией учения Канта о праве, тем не менее «он сформулировал ряд фундаментальных идей о правах, а, следовательно, и о правах собственности. Кант подводит нас к существованию проблемы, когда замечает, что права – это не осязаемые эмпирические (*possessio phenomenon*), а умопостигаемые реалии (*possessio noumena*)» [1, с. 49]. Этим достигается понимание того, что собственность по сути своей не относится к области чувственно воспринимаемых вещей. Она вообще не вещь, а по сути своей – социальное отношение, реализующее наиболее фундаментальное основание бытия человека – его субстанциальную свободу, имеющую высшее ценностное измерение как дар Бога человеку. Кант при этом совершенно справедливо отказывается признавать сущность свободы рационально постигаемой. Ведь она, действительно, недоступна пониманию новоевропейского «*ratio*», а Кант знает разум только в этой форме.

Потребовался новый уровень развития метода познания, чтобы суметь выразить содержание понятия свободы. Но этот уровень достигался Фихте и Гегелем все же в опоре на наследие Канта. И именно Кант впервые связал правовые отношения и среди них отношение собственности с той областью бытия, которая существует не только как сфера сущностей, но и как сфера смыслов и ценностей. Именно эту сторону кантовской философии права, еще не вполне отчетливо выраженную автором «Критики практического разума», уловили на рубеже XX столетия правоведы-неокантианцы, сделав «отношение к ценности» основой своей модели права [12]. «С точки зрения неокантианства право – культурное явление, культурное “благо”», – отмечает Е. А. Фролова [20, с. 25–26].

И. Г. Фихте развил кантовское понятие свободы тем, что разработал трансцендентальный

метод рефлексии, адекватный его теоретическому изображению [7, с. 101–102]. В соответствии с этим методом он в своей работе «Основа естественного права согласно принципам наукоучения» дедуцировал нормы морали и нормы права как самостоятельные и независимые друг от друга регулирующие системы, хотя и не противоречащие друг другу, в силу их единства в высшем тождестве самосознания, в «Я» [14].

Фихте первоначально доказывает необходимость деления единого абсолютного трансцендентального «Я» на множество единичных эмпирических самосознаний. Тем самым обосновывается единая всеобщая природа людей, позволяющая им понимать друг друга и согласовывать друг с другом свою волю. Следующим шагом является выведение основных форм такого согласования воли. И первой формой здесь выступает как раз договор о собственности, поскольку именно отношение собственности, по Фихте, непосредственно связано с началом субстанциальной свободы: «Насколько, следовательно, простирается признанная за ним свобода, настолько же, и не далее, простирается его право собственности на объекты» [19, с. 183].

Из договора о собственности, в свою очередь, Фихте выводит всю систему форм договорных отношений, которая, собственно, и составляет право: «Договор о собственности вообще служит основанием правоотношения каждого отдельного человека со всеми отдельными людьми в государстве, а следовательно, составляет основу того, что называют гражданским законодательством, гражданским правом и т. д.» [19, с. 183]. Таким образом, собственность имеет в философии права Фихте безусловную ценностную природу, поскольку она, во-первых, сущностно связана со свободой – высшей ценностью, а, во-вторых, сами отношения собственности являются основой права. Получается буквально, что без собственности нет права.

Следующий, и решающий, шаг в развитии метода понимания сущности и смысла бытия человека, общества и права, а значит, и решающий шаг в понимании ценностной природы собственности, был сделан Г. В. Ф. Гегелем. Нужно отметить, что в целом Гегель разделял точку зрения философов Нового времени о

«злой» сущности человека [3, с. 266–267], хотя и трактовал эту сущность с гораздо более высокой позиции, чем у авторов XVII–XVIII вв. А именно: связывая «зло» человека с его природным, непосредственным, началом, которое, однако, человек должен преодолеть в процессе своего саморазвития и своего возвышения до уровня духовного бытия.

Понятие духа как философской категории, имевшее в контексте немецкого идеализма лишь косвенное отношение к исторически сложившимся теологическим смыслам [11, с. 58], было собственно гегелевским нововведением [18, с. 51]. Гегель, конструируя понятие духа, развивает то содержание, которое было заложено в фихтевском понятии свободы, одновременно сопрягая его с античной идеей всеобщего единства мироздания [5, с. 180–181].

Идея свободы как сущности бытия человека реализуется, согласно Гегелю, на трех основных уровнях социального взаимодействия. Первый уровень – собственно правовой (Гегель определяет его как сферу «абстрактного права»). Второй уровень – уровень морали. Третий уровень Гегель определяет как уровень нравственности. Здесь нужно иметь в виду, что нравственность он понимает предельно широко, как единство всех форм социальных отношений при условии их рефлексированности и, говоря современным языком, институционализированности. Сфера нравственности включает в себя и человека как личность, осознающую свою свободу и реализующую ее в рамках морально-правовых норм, и гражданское общество, и, что особенно важно, государство. «Государство не механизм, – писал Гегель, – а разумная жизнь самосознающей свободы, система нравственного мира» [2, с. 99].

На этом уровне развития духа каждый из его объективных моментов существует в сопряженности с бытием личности, а именно: как объективно значимый для нее момент, что, собственно, и позволяет определить его как ценность, ведь «ценностное измерение институтов гражданского общества, государства, права закладывается их трактовкой классиками в качестве способов проявления высшей нравственной идеи, которая входит во внутреннее содержание личности человека, его живой индивидуальности. Само понятие ценности не является этически нейтральным. Оно

предполагает отношение к идее абсолютного добра как к объективному ориентиру практического действия» [13, с. 20], поэтому в понятии ценности связываются воедино понятие абсолютного, понятия субъективного и объективного, понятие свободы, понятие разума [15, с. 189]. Сфера нравственности в силу своей полноты является самым многосторонним и конкретным определением объективного духа. Значит, сфера абстрактного права и сфера морали должны рассматриваться как ее абстрактные моменты, а потому вторичные по отношению к нравственности. Но в силу особенностей гегелевского метода, то, что является поистине первым, т. е. конкретное, еще должно проявить себя в качестве такового. Поэтому первый момент, которым отмечено начало гегелевской философии права, собственно, и представляет собой абстракцию. Его Гегель так и называет – «абстрактное право».

Как и у Фихте, у Гегеля абстрактное право раскрывает себя посредством отнесения к договору, предметом которого является собственность. Однако праву еще только предстоит выявить и объективировать свою нравственную природу. Поэтому и ценностное измерение его основных категорий, включая категорию собственности, не лежит на поверхности, не является непосредственным, а раскрывается по мере того, как вся область права определяется в ее нравственном измерении.

Исходным пунктом философии права Гегеля является понятие личности [17]. Свою природу в качестве субъекта права личность раскрывает в интересубъективном отношении, т. е. в акте признания другого человека как свободного и равного ему субъекта, посредством чего человек раскрывает в себе самом свое всеобщее духовное содержание: «Всеобщность этой для себя свободной воли есть формальное, самознательное, в остальном лишенное содержания простое соотношение с собой в своей единичности, тем самым субъект есть лицо (Person). В личности заключено, что я в качестве этого представляю собой полностью определенное во всех аспектах (во внутреннем произволе, влечении, вожделении, равно как и по непосредственному внешнему наличному бытию) и конечное, однако совершенно чистое соотношение с собой и тем самым знаю себя в конечности бесконечным, всеобщим и свободным» [2, с. 97].

Однако это отношение «признания» не положено с самого начала. Оно существует как бы «за спиной» самой личности, воспроизводя себя в последовательности единичных актов признания другого. Но каждый из этих актов еще не раскрывает всей глубины взаимного отношения личностей. Эта «внешность» отношений субъектов абстрактного права друг к другу проявлялся в том, что объект их отношения всегда выступает в чувственно-отчужденной форме, т. е. как вещь. Вещь, в которую вложена воля взаимного признания двух субъектов, и определяется Гегелем как собственность [2, с. 106–107], фиксируемая в форме договора между двумя субъектами права [2, с. 93].

Поэтому, по Гегелю, человек может быть действительным субъектом права лишь через отношение к собственности. В этом отношении объективно проявляется его социальная, сверхсубъективная, сущность. «Разумность собственности, – писал философ, – заключается не в удовлетворении потребностей, а в том, что снимается голая субъективность личности. Лишь в собственности лицо выступает как разум. Даже если первая реальность моей свободы находится во внешней вещи, тем самым есть дурная реальность, но ведь абстрактная личность именно в ее непосредственности не может иметь иное наличное бытие, чем наличное бытие в определении непосредственности» [2, с. 100]. Вступая в отношения собственности, человек осознает себя как личность [1, с. 329].

Когда признание полагается и осознается личностью как первичное, человек уже не нуждается в его подтверждении через многообразии постоянно возобновляемых единичных актов признания. Это отношение для него, поэтому не должно быть опосредовано вещью. Здесь в каждом единичном акте взаимодействия с другим являет себя вся глубина и вся полнота человеческой природы, каждое мгновение такого отношения значимо и ценно. Это именно и составляет сущность моральных отношений, отношений, в основе которых лежит любовь и которые обнаруживают поэтому действительное единство всеобщего и единичного. Здесь уже нет необходимости в опосредствовании отношений через форму договора. Напротив, Гегель прямо говорит о том, что там, где форма юридического договора входит в пространство

семейных отношений, там можно говорить о кризисе последних [4, с. 342].

Таким образом, собственность, по Гегелю, безусловно, является ценностью. И является она ценностью постольку, поскольку отношения собственности указывают на более высокое содержание, чем обмен вещью или владение ею. Они указывают на свободу как на сущность бытия человека, обретающую свою конкретность в пространстве социальных отношений, а именно – в процессе взаимного признания субъектами друг друга в качестве субъектов свободы.

Но институт собственности при этом обнаруживает границы своего аксиологического потенциала, обнаруживает то, что собственность не является высшей ценностью. Ее аксиологический потенциал замыкается в области «абстрактного права». Этот аксиологический потенциал собственности ограничивают сферы морали и нравственности. Ведь только там свободная сущность человека проявляет себя во всей своей полноте, высвечивая при этом всеобщее содержание и уже тогда возводя на уровень ценности и отдельную личность, и институты гражданского общества, и само государство и право. Как представляется, именно это понимание ценностной природы правовых отношений, раскрытое в классической философии права, позволяет в полной мере осознать масштаб и значение современной эволюции российского права в направлении его постепенной аксиологизации [16].

Список использованных источников

1. Бромли Д. В. Права собственности: Локк, Кант, Пирс и логика волевого прагматизма // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2015. Т. 7. № 2 (16). С. 47–58.
2. Гегель Г. В. Ф. Философия права. М.: Мысль, 1990. 524 с.
3. Гегель Г. В. Ф. Философия религии в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1977. 573 с.
4. Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3. М.: Мысль, 1977. 456 с.
5. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. К вопросу о значении логической формы философии для понимания природы абсолютного в праве // Мир политики и социологии. 2018. № 2. С. 178–187.
6. Захарцев С. И., Масленников Д. В., Сальников В. П. Логос права: Парменид – Гегель – Достоевский. К вопросу о спекулятивно-логических основаниях метафизики

права. 2-е изд., испр. и доп. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. 376 с.

7. Идея Бога и образ теологии в философских дискурсах зрелого модерна и постмодерна: коллективная монография / под общ. ред. Д. В. Масленникова; Д. К. Богатырев, Л. В. Богатырева, Е. В. Бильченко и др. СПб.: РХГА, 2023. 682 с.

8. Идея свободы. Право. Мораль (классическая и постклассическая философия права): Монография / под ред. докт. юрид. наук С. И. Захарцева; И. А. Ананских, И. Н. Грибов, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина, и др. М.: Юрлитинформ, 2020. 288 с.

9. Короткова О. А., Овчинникова И. А. Взгляды Джона Локка на частную собственность // Теория государства и права. 2020. № 3 (19). С. 115–124.

10. Лебедев И. Ю. Проблемы собственности в философии Нового времени в трудах Т. Гоббса, Дж. Локка и Г. В. Ф. Гегеля // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2024. Т. 14. № 3 (108). С. 805–817.

11. Масленников Д. В., Простихин А. В., Бердников И. В. Бог и абсолют в «Науке логики» Гегеля: к вопросу о метафизическом и теологическом содержании немецкой классической философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2022. Т. 23. № 3-1. С. 47–59.

12. Масленников Д. В., Ревнов Б. А. Основная норма Г. Кельзена и ее естественно-правовое обоснование // Юридическая мысль. 2022. № 1 (125). С. 69–80.

13. Политико-правовое управление и угрозы суверенитету государства: монография / М. Ю. Гутман, С. И. Захарцев, Н. В. Зорина [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. В. П. Сальникова. 2-е изд., испр. и доп. М.: ИНФРА-М, 2024. 423 с.

14. Сальников В. П., Масленников Д. В., Прокофьев К. Г. Смысл различия в подходе И. Канта и И. Г. Фихте к задаче дедукции права и морали // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 4. С. 185–192.

15. Сальников В. П., Масленников Д. В., Жук А. С. Идея нравственно-правовых ценностей и идея государства в парадигмах кантовской и гегелевской философии (к вопросу о проблеме равенства абсолютных ценностей) // Юридическая наука: история и современность. 2022. № 12. С. 186–192.

16. Сальников В. П., Масленников Д. В., Захарцев С. И., Морозов А. И. Конституционная реформа как реализация ценностного консенсуса общества // Поправки к конституции Российской Федерации и перспективы развития регионального законодательства. Всероссийская научно-практическая конференция. Уфа, 2021. С. 227–238.

17. Сальников В. П., Масленников Д. В., Максимов А. А. Гегель о двуединой, абстрактно-конкретной, природе личности как субъекта права: естественно-правовые и теологические основания генезиса // Правовое государство: теория и практика. 2021. № 3 (65). С. 44–58.

18. Сальников В. П., Масленников Д. В., Шкрум Д. В. Государство как «разумная жизнь самосознающей свободы»: философский и теологический аспекты в интерпретации Гегеля // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 2 (68). С. 48–55.

19. Фихте И. Г. Основа естественного права согласно принципам наукоучения. М.: «Канон+», 2014. 392 с.

20. Фролова Е. А. Методология юридических наук: неокантианский подход // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 1. С. 18–34.

21. Schröder P. Naturrecht und absolutistische Staatsrecht – Eine vergleichende Studie zu Thomas Hobbes und Christian Thomasius. Berlin, 2001. 284 S.

References

1. Bromley D. V. Property Rights: Locke, Kant, Peirce and the Logic of Volitional Pragmatism. Research of the Faculty of Economics. *Electronic Journal*. 2015. Vol. 7. No. 2 (16). P. 47-58 [in Russ.].

2. Hegel G. V. F. Philosophy of Law. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 524 p. [in Russ.].

3. Hegel G. V. F. Philosophy of Religion in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 573 p. [in Russ.].

4. Hegel G. V. F. Encyclopedia of Philosophical Sciences. Vol. 3. Moscow: Mysl' Publ., 1977. 456 p. [in Russ.].

5. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. On the Importance of the Logical Form of Philosophy for Understanding the Nature of the Absolute in Law. *The World of Politics and Sociology*. 2018. No. 2. P. 178-187 [in Russ.].

6. Zakhartsev S. I., Maslennikov D. V., Salnikov V. P. Logos of Law: Parmenides – Hegel – Dostoevsky. On the Speculative-Logical Foundations of the Metaphysics of Law. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M Publ., 2024. 376 p. [in Russ.].

7. The Idea of God and the Image of Theology in the Philosophical Discourses of Mature Modernism and Postmodernism: collective monograph. Edited by D. V. Maslennikov; D. K. Bogatyrev, L. V. Bogatyreva, E. V. Bilchenko, et al. St. Petersburg: RHGA, 2023. 682 p. [in Russ.].

8. The Idea of Freedom. Law. Morality (Classical and Postclassical Philosophy of Law): Monograph. Edited by Dr. of Law S. I. Zakhartsev; I. A. Ananskikh, I. N. Gribov, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina, et al. Moscow: Yurlitinform Publ., 2020. 288 p. [in Russ.].

9. Korotkova O. A., Ovchinnikova I. A. John Locke's Views on Private Property. *Theory of State and Law*. 2020. No. 3 (19). P. 115-124 [in Russ.].

10. Lebedev I. Yu. Problems of Property in the Philosophy of Modern Times in the Works of T. Hobbes, J. Locke and G. W. F. Hegel. *Issues of National and Federal Relations*. 2024. Vol. 14. No. 3 (108). P. 805-817 [in Russ.].

11. Maslennikov D. V., Prostikhin A. V., Berdnikov I. V. God and the Absolute in Hegel's Science of Logic: On the Issue of the Metaphysical and Theological Content of Classical German Philosophy. *Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy*. 2022. Vol. 23. No. 3-1. P. 47-59 [in Russ.].

12. Maslennikov D. V., Revnov B. A. The Basic Norm of G. Kelsen and Its Natural Law Justification. *Legal Thought*. 2022. No. 1 (125). P. 69-80 [in Russ.].

13. Political and legal governance and threats to state sovereignty: monograph / M. Yu. Gutman, S. I. Zakhartsev, N. V. Zorina [et al.]; under the general editorship of Doctor of

Law, Professor V. P. Salnikov. 2nd ed., corrected and enlarged. Moscow: INFRA-M Publ., 2024. 423 p. [in Russ.].

14. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Prokofiev K. G. The meaning of the difference in the approach of I. Kant and I. G. Fichte to the task of deduction of law and morality. *Legal Science: History and Modernity*. 2018. No. 4. P. 185-192 [in Russ.].

15. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Zhuk A. S. The idea of moral and legal values and the idea of the state in the paradigms of Kantian and Hegelian philosophy (on the issue of the problem of equality of absolute values). *Legal Science: History and Modernity*. 2022. No. 12. P. 186-192 [in Russ.].

16. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Zakhartsev S. I., Morozov A. I. Constitutional reform as an implementation of the value consensus of society. *Amendments to the Constitution of the Russian Federation and prospects for the development of regional legislation. All-Russian scientific and practical conference*. Ufa, 2021. P. 227-238 [in Russ.].

17. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Maksimov A. A. Hegel on the dual, abstract-concrete nature of the individual as a subject of law: natural-legal and theological foundations of genesis. *The rule of law: theory and practice*. 2021. No. 3 (65). P. 44-58 [in Russ.].

18. Salnikov V. P., Maslennikov D. V., Shkrum D. V. The state as a “rational life of self-conscious freedom”: philosophical and theological aspects in Hegel’s interpretation. *The rule of law: theory and practice*. 2022. No. 2 (68). P. 48-55 [in Russ.].

19. Fichte I. G. The basis of natural law according to the principles of science teaching. Moscow: “Canon +”, 2014. 392 p. [in Russ.].

20. Frolova E. A. Methodology of legal sciences: neo-Kantian approach. *Bulletin of Moscow University. Series 11: Law*. 2016. No. 1. P. 18-34 [in Russ.].

21. Schröder P. Natural and absolute law – a theoretical study of Thomas Hobbes and Christian Thomasius. Berlin, 2001. 284 p.

Поступила в редакцию 20.02.2025

Received February 20, 2025

Ширинских Полина Ивановна,
аспирант кафедры теории и истории
государства и права, юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: shirinskikh1999@mail.ru

Shirinskikh, Polina I.,
Postgraduate Student
of the Chair of Theory
and History of State and Law,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: shirinskikh1999@mail.ru

ПРАВО НА БЕСЦИФРОВУЮ СРЕДУ КАК УСЛОВИЕ И ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП РАЗВИТИЯ МЕТАВСЕЛЕННЫХ*

THE RIGHT TO A DIGITAL-FREE ENVIRONMENT AS A CONDITION AND BASIC PRINCIPLE OF THE DEVELOPMENT OF METAVERSES*

АННОТАЦИЯ. Целью статьи является обоснование необходимости сохранения ценностного потенциала права в условиях глобальной цифровизации путем закрепления права человека на бесцифровую среду. В работе обозначено, что цифровые технологии объединяют виртуальную и цифровую реальность в общее пространство метавселенных, которое выступает частью информационного пространства. Подчеркивается, что право на бесцифровую среду в информационном пространстве должно стать неотъемлемой частью современной государственной политики, условием для дальнейшего развития цифровых устройств и информационных технологий, получить законодательное закрепление в нормативно-правовых актах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: метавселенные, информационное пространство, цифровая реальность, цифровые технологии, виртуальная реальность, искусственный интеллект, право на бесцифровую среду

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Ширинских, П. И. Право на бесцифровую среду как условие и основной принцип развития метавселенных / П. И. Ширинских. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 113–120. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-17

* *Статья подготовлена при поддержке гранта РНФ № 24-28-00225 «Правовое регулирование безопасного использования технологий искусственного интеллекта: концептуальные модели обеспечения безопасности, предупреждения рисков и ответственности», выполняемого в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет».*

ABSTRACT. The purpose of the article is to substantiate the need to preserve the value potential of law in the context of global digitalization by consolidating the human right to a digital-free environment. The paper indicates that digital technologies combine virtual and digital reality into a common space of metaverses, which acts as part of the information space. It is emphasized that the right to a digital-free environment in the information space should become an integral part of modern state policy, a condition for the further development of digital devices and information technologies, and receive legislative consolidation in regulatory legal acts.

KEYWORDS: metaverses, information space, digital reality, digital technologies, virtual reality, artificial intelligence, the right to a digital environment

FOR CITATION:

Shirinskikh, P. I. (2025) The Right to a Digital-Free Environment as a Condition and Basic Principle of the Development of Metaverses. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 113-120 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-17

* *The article was prepared with the support of the Russian Science Foundation grant No. 24-28-00225 “Legal regulation of the safe use of artificial intelligence technologies: conceptual models for ensuring safety, risk prevention and responsibility”, carried out at the Southern Federal University.*

Введение. Жизнь современного человека уникальна. То, что в прошлом столетии было сюжетом фантастики, сегодня стало предметом научных исследований. Активно развивающиеся информационные технологии не оставляют шансов прогрессу замедлиться. Для реализации поставленных целей по конкурентоспособности и экономическому лидерству государства и корпорации наращивают свои силы в цифровом пространстве: создают цифровые платформы для учебы и работы, определяют стратегические вызовы в условиях цифровой экономики, применяют платформы по визуализации в медицине, авиации, машиностроении, робототехнике, используют виртуальных помощников (чат-боты) для оперативного реагирования на обращения граждан. Не отрицая важности и значимости применяемых способов совершенствования индустрии, облегчения и улучшения жизни социума благодаря цифровизации, в работе обращается внимание на риски и угрозы, которые влечет за собой повсеместное внедрение цифровых технологий.

Бесспорно, что развитие информационных технологий отражается на жизни отдельно взятого человека. Меняется формат общения и работы, преобладающей становится виртуальная форма коммуникации. Все чаще приходится задумываться над вопросом: станет ли жизнь человека без цифровых устройств рудиментом? Гаджеты и виртуальная реальность настолько прочно закрепились в нашей повседневности, что уже сложно назвать сферы, где их наличие было бы неожиданным. Традиционный формат очного посещения и присутствия заменяется удаленным доступом, позволяя совершать определенные значимые действия, не выходя из дома. С применением цифровых технологий голосование на выборах, получение образования, покупка товаров, осуществление трудовых функций, посещение выставок и музеев стали доступны в дистанционном формате. Одновременно с новыми возможностями, позволяющими организовывать эргономичнее свое время и пространство, подобный формат требует от человека соответствующего уровня знаний для пользования современными устройствами и необходимого уровня достатка для покупки сопутствующей техники. Если смотреть на вопрос глобальнее, то такое мас-

штабное развитие информационных технологий и предполагаемый возможный переход исключительно на электронный формат совершения общественно значимых действий (отказ от наличной формы оплаты, закрепление дистанционного электронного голосования в качестве единственной формы проведения выборов и др.) таят в себе риски и угрозы для реализации прав человека: на образование, на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, на судебную защиту, на участие в выборах и референдумах и пр.

Примечательно, что развитие цифровых технологий порождает создание в будущем новой экономической и социальной формации общества – метавселенной, о сущности и правовом регулировании которой активно публикуются научные работы отечественными и зарубежными учеными. При этом в научном дискурсе, связанном с развитием информационного пространства, к сожалению, все чаще ставятся вопросы о наделении аватаров в метавселенной «юридической личностью» [15], о правовой защите цифровых копий людей, а не их носителей в прямом смысле [6, с. 133].

Однако подход к цифровизации как всеобщему благу и допустимость «глубинной цифровизации» видятся не в полной мере отвечающими принципам объективности и защите прав человека, в связи с чем в работе предпринята попытка провести анализ развития технологий искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности и обосновать необходимость закрепления права человека на бесцифровую среду в качестве условия дальнейшего развития цифровых технологий, в том числе и в индустрии метавселенных.

Пространство метавселенных как часть информационного пространства. Для корректного определения имеющих место проблем, вызовов и угроз в мире развивающейся цифровой индустрии необходимо изучить влияние цифровых технологий на существующее информационное пространство, в котором складываются общественно значимые отношения. Следует оговориться, что данное пространство расширяется по мере совершенствования информационных, цифровых технологий.

Существующая в России государственная парадигма на сближение личности человека и

цифровой реальности, обеспечение «постоянной связи каждого индивидуума с глобальными информационно-управляющими сетями», приоритетность оказания государственных и муниципальных услуг в цифровом формате [7; 8], заставляет отечественных ученых выражать обеспокоенность в вопросе обеспечения безопасности личности в цифровую эпоху [3; 9; 11]. Справедливости ради следует сказать, что на государственном уровне все же остается упоминаемым в качестве одного из принципов развития цифровых технологий условие «недопустимости полного отказа от офлайн-каналов предоставления услуг» [7].

Наблюдается, как по мере воплощения концепции цифровой трансформации общества информационное пространство перестает существовать исключительно в своем неоцифрованном формате, оно все больше отождествляет свое содержание с результатами процесса производства и потребления сведений в виртуальной среде.

Ниже представлены схемы, своим содержанием обобщающие авторское представление о развитии цифровых технологий в современном мире.

Схема 1. Цифровая и виртуальная реальность в информационном пространстве ("вчера")

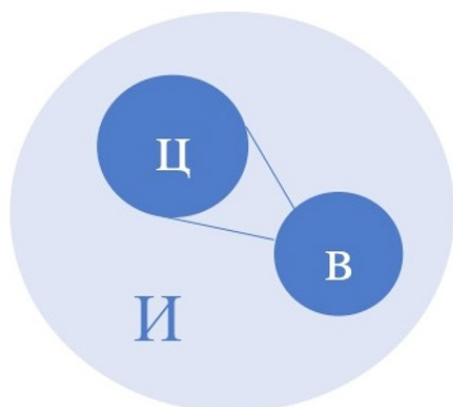
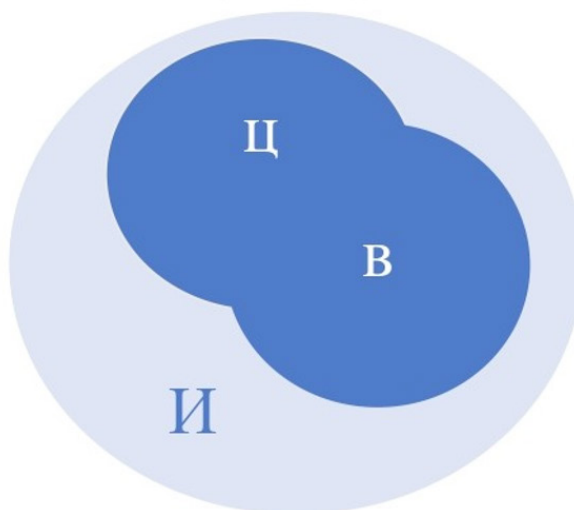

Схема 2. Цифровая и виртуальная реальность в информационном пространстве ("сегодня")

И – информационное пространство, Ц – цифровая реальность, В – виртуальная реальность

К атрибутам цифровой реальности (Ц), находящими свое осязаемое воплощение в действительности, следует отнести такие достижения техники, как компьютеры, смартфоны, планшеты и пр., позволившие с учетом развития Интернета переходить в виртуальную среду, то есть выступать средствами для погружения в виртуальную реальность (В). В виртуальной же реальности свое место имеют аккаунты в социальных сетях, персонажи многопользовательских онлайн-игр, виртуальные копии реальных объектов и др. Возможность существования как цифровой, так и виртуальной реальности опосредована развитием информационного пространства (И).

Анализ современных тенденций совершенствования информационных, цифровых технологий позволил прийти к выводу, что проекция человеческой повседневности в виртуальную реальность (Схема 1) сменилась масштабной коллаборацией цифровой и виртуальной среды, сделав их неразделимыми и теперь уже взаимозависимыми друг от друга (Схема 2). Составная часть информационного пространства, выраженная в неоцифрованном виде, представляет все меньшую долю среды для передачи и получения данных. Так, на примере средств массовой коммуникации можно увидеть, что «по данным Роскомнадзора, число действующих печатных СМИ каждый год уменьшается» [5, с. 76].

Доказательством дальнейшего следования быстрому темпу цифровизации выступает развитие современных технологий виртуальной реальности (VR-технологии), дополненной реальности (AR-технологии), смешанной реальности (MR-технологии), технологий искусственного интеллекта (AI-технологии) которые направлены, в том числе, на создание нового гибридного пространства – метавселенной, представляющей собой трехмерный виртуальный иммерсивный мультисенсорный мир, где взаимодействие людей осуществляется с помощью их цифровых двойников – аватаров. В данном пространстве неотделимы атрибуты виртуального присутствия и цифровые образы, из-за чего сокращается дистанция между реальным и виртуальным мирами. Таким образом, цифровые технологии объединяют виртуальную и цифровую среду в общее пространство метавселенных, которое выступает частью информационного пространства.

Известными виртуальными вселенными являются Meta (признана экстремистской в РФ), Decentraland, Second Life, Helix, CatVers, MetaHealth, Metaverse Seoul, Xi Rang и др. Подтверждением дальнейшего сближения реальности и виртуальной среды выступает совершенствование цифровых устройств виртуальной и дополненной реальности – средств погружения в иммерсивную мультисенсорную среду метавселенных. Так, Марк Цукерберг 25 сентября 2024 года на ежегодной конференции компании Meta Connect анонсировал выпуск виртуальных очков Orion, оснащенных специальными проекторами. Их внешний вид едва отличим от повседневных очков, направленных на коррекцию или улучшение зрения человека. При проведении конференции было обозначено дальнейшее расширение возможностей новой техники, ее совершенствование и оптимизация стоимостной доступности, после чего будет возможно массовое производство и продажа Orion AR. Сегодня данные очки – это «совершенно новый вид архитектуры изображения» [4]. Отмечается, что они имеют широкое поле зрения, голографические дисплеи, одновременно с этим наделены возможностью видеть сквозь них и доступностью установления зрительного контакта. Благодаря технологиям искусственного интеллекта управлять дополненной реальностью можно с помощью

голосовых команд, жестов глаз или движений рук человека, которые отслеживаются благодаря браслету, составной части гарнитуры дополненной реальности.

Следует отметить, что применение технологий дополненной реальности также известно на Тайване. Данные технологии используются в сфере туризма при проведении местных экскурсий. Так, благодаря прозрачной сенсорной панели, которой покрыто окно автомобиля, последние превращаются в «умные экраны». Встроенный искусственный интеллект распознает движение глаз, определяет объект, на котором фокусируется внимание человека, и в увеличенном формате выводит его на окно-экран с текстовой справкой об объекте. Применение подобной технологии обосновывается возможностью следить за достопримечательностями, мимо которых проезжают экскурсанты, и одновременно узнавать о них больше информации [16].

Данные примеры показывают, что ранее фантастические представления о возможностях цифровой техники и информационных технологий реализовываются на наших глазах.

Еще одним из важных событий в мире цифровой индустрии, показывающим не замедляющееся движение цифровизации и развитие составных частей метавселенной, является повсеместная мировая доступность взаимодействия любого человека с искусственным интеллектом, по своему эффекту сравнимая с появлением веб-браузеров в 1990-х гг., открывших мир Интернета для широкой аудитории. Так, с 1 апреля 2024 года американская компания OpenAI предоставила пользователям прямой доступ к специальному генеративному чат-боту «ChatGPT», не требуя от них регистрации и оплаты, с целью «сделать искусственный интеллект доступным для всех, кто интересуется его возможностями» [17].

На настоящий момент используемые технические устройства с доступом к Интернету работают на скорости 4G/LTE, но вектор на вовлечение в виртуальную среду все большего количества пользователей предопределяет дальнейшее совершенствование и этой стороны цифровой области.

Следует подчеркнуть, что уже сейчас биосфера заменяется техносферой, накопленная человечеством история фактически помещена

«в цифровую коробку», где главными становятся нейросети, а не общество. Будет ли человек служить интересам виртуализированных объектов искусственного интеллекта либо сможет остаться в стороне от технологического развития? В поиске ответа на данный вопрос не стоит занимать ни одну из крайних позиций. Безусловно, технологический прогресс принесет свои изменения, но в силах государства и гражданского общества заявлять о подчинении новых правоотношений общим принципам правопорядка и законности.

Проведенное исследование дает основание полагать о существовании возможности претворения в жизнь концепции глобального иммерсивного пространства метавселенных в ходе применения технологий искусственного интеллекта, виртуальной и дополненной реальности. Одна из основных задач для ученых-правоведов выражается в поиске ответа на вопрос: «Чем подобное развитие индустрии метавселенных грозит безопасности граждан, и каким образом эти угрозы свести к минимуму?».

Развитие метавселенных: от проблем к решениям. В современном социуме происходит столкновение двух сторон свободы индивида: с одной стороны, это свобода на реализацию творческой и материальной составляющей каждого стремящегося создать нечто новое в мире вещей и заработать на этом, с другой стороны, это желание отгородиться от навязанных новшеств, созданных людьми в цифровой индустрии.

Приведем пример с рекламой. Данная сфера совершенствуется благодаря технологиям искусственного интеллекта. Так, алгоритмы, исходя из анализа больших данных, подбирают под каждого потребителя цепочку значимых для него новостных и рекламных предложений, тем самым практически безошибочно влияя на его потенциальный выбор, учитывая желания и запросы, которыми он не делился, но оказался услышанным благодаря встроенному искусственному интеллекту во многие программы и устройства (речь идет о так называемом «негенеративном искусственном интеллекте», который используется на протяжении последних десятилетий в различных сферах). Развитие метавселенных позволит подобные возможности масштабировать, поскольку бесшовный

переход с различных платформ, обеспечивающих образовательные, развлекательные, производственные встречи пользователя, предполагает интероперабельность среды, то есть функциональную совместимость виртуальных платформ, способствующую взаимодействию различных систем и устройств без каких-либо ограничений. Тем самым пользователь будет оставлять своей цифровой след не на отдельных цифровых площадках и сетях, а в одной глобальной виртуальной среде. И это огромный поток данных, использование которого может идти во вред интересам и свободе человека.

Другой пример, акцентирующий внимание на свободе индивида, связан с потенциально новой формой социального неравенства. Цифровое неравенство способно поставить под сомнение доступность реализации прав человека, о которых говорилось вначале. Отмечается, что по состоянию на 2023 год «в мире зафиксировано около 5,16 млрд пользователей интернета – это 64,4 % населения Земли» [14]. Однако есть категория граждан, которая в силу возраста, достатка, убеждений не пользуется цифровыми новшествами и не участвует в коммуникации внутри глобального виртуального пространства. Ввиду недопустимости наднационального регулирования цифровыми гигантами общественных отношений внутри метавселенных в других научных работах ранее отмечалась необходимость участия гражданского общества и государства в разработке государственной модели метавселенной [10; 13]. Подчеркнем, что в случае переноса в метапространство совершения общественно значимых событий и явлений права на образование, на участие в культурной жизни и доступ к культурным ценностям, на судебную защиту, на участие в выборах и референдумах могут быть нарушены. Концепция предоставления доступа в Интернет каждому человеку – это не выход и не решение проблемы обеспечения гарантированности и защиты естественных и неотчуждаемых прав человека, решение – это наличие альтернативы цифровому миру и свободы выбора образа жизни.

Основной способ, который видится в качестве решения обозначенных проблем, способный позволить не нарушить обсуждаемой свободы индивида – это закрепление права

человека на бесцифровую среду и, при реализации гарантированности данного права, разработка нормативно-правовых актов (законов, указов, распоряжений) с учетом традиционного не виртуального образа жизни человека.

Право на бесцифровую среду в информационном пространстве. Чаще всего в работах, анализирующих с правовой точки зрения цифровую трансформацию и ее влияние на социальные институты, встречается описание «нового поколения цифровых прав», под которым понимается своеобразная цифровая свобода, группа прав человека, связанная с беспрепятственным доступом к глобальной сети Интернет. Обобщая изученное, подчеркнем, что в качестве гарантированного способа реализации права на доступ к информации в современных реалиях сторонникам теории нового поколения цифровых прав видится правильным закрепление права на доступ к Интернету, для защиты личной информации от несанкционированного доступа к ней и незаконного использования – закрепление права на защиту персональных данных, для охраны личной жизни – закрепление права требования на удаление личной информации из публичных источников (право на забвение). Следует оговориться, что учеными отмечается дискуссионность закрепления в качестве самостоятельных описанных видов прав, как на законодательном, так и на доктринальном уровне [1, с. 34].

Существуют работы современных исследователей, связанные с анализом рисков и угроз оцифровывания мира, в которых в качестве решения по их снижению видится «цифровой детокс и медиааскетизм» [2; 12]. Данные концепции по большей части охватывают психологический аспект жизни человека в цифровом мире и направлены на саморегулирование пребывания в онлайн-пространстве с целью улучшения качества жизни путем временного отключения от цифровых способов коммуникации, получения и передачи информации. Однако в последнее десятилетие в социально-гуманитарной науке не встречалось крупных исследований в области изучения права человека на защиту альтернативного цифровому способа реализации своих прав и свобод с учетом стремительного роста цифровых технологий. Если продолжить рассмотрение прав человека по поколениям, то важно отметить, что

подобное право на бесцифровую среду должно относиться к естественным и неотчуждаемым правам человека, представляя собой гарантированную государством возможность человека реализовывать свои субъективные конституционно закрепленные права и обязанности без использования цифровых устройств и применения цифровых технологий.

Цифровое развитие государства должно двигаться по пути, сбалансированному правовыми нормами и основными принципами правового регулирования, выработанными теоретической наукой с учетом прогнозируемых рисков и угроз правам человека и безопасности страны. Поэтому публично-правовые отношения на настоящий момент могут складываться только в двух форматах – это допустимость и дистанционного и традиционного формата осуществления прав и обязанностей гражданина либо допустимость только традиционного формата осуществления им прав и обязанностей.

Итак, главный принцип, который должен быть положен в основу выработки отечественного законодательства в области регулирования общественных отношений, складывающихся внутри метавселенных, заключается в сохранении права человека на традиционный формат реализации его прав и обязанностей – сохранение права человека на бесцифровую среду.

Выводы. Необратимый по своей сути технологический прогресс является неотъемлемой частью и амбассадором общественного развития. Движение вперед сопровождается прогнозируемым в эпоху передовых цифровых технологий ростом их применения и внедрения в сектор промышленности, производства, экономики. Очевидным является, что футурологические взгляды на то, каким образом будет выглядеть человеческая повседневность через несколько лет, зависит от действий, предпринимаемых сегодня. Как отмечалось ранее, «государство должно оставаться на страже защиты прав человека и обеспечивать реализацию принципов политики опережающего правотворчества» [10, с. 33].

Оказание государственных и муниципальных услуг исключительно в новейших цифровых форматах лишит значительную часть населения возможности на реализацию своих прав.

Нельзя допустить перенос всех стратегически важных сфер жизни в новое метaprостранство. С учетом стремительного роста цифровизации право на бесцифровую среду в информационном пространстве должно стать неотъемлемой частью современной государственной политики, условием для дальнейшего развития цифровых устройств и информационных технологий, получить законодательное закрепление в нормативно-правовых актах.

Список использованных источников

1. Варламова Н. В. Цифровые права – новое поколение прав человека? // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2019. Т. 14, № 4. С. 9–46.
2. Железняк О. Дигитализация, оцифровывание мира и «digital detox» // Проект Байкал. 2022. Т. 19, № 71. С. 92–99.
3. Коновалова В. Г. Обратная сторона медали: социальные и этические проблемы внедрения цифровых технологий // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2019. Т. 8, № 1. С. 61–67.
4. Марк Цукерберг поправит очки. Что известно о новинке Ogleon, и как она будет доработана // Газета «Коммерсантъ». URL: <https://kommersant.ru/turbopages.org/turbo/kommersant.ru/s/doc/7195251> (дата обращения: 09.01.2025).
5. Минеев А. Н., Милосердова Е. Е. Исследование и анализ рынка печатных СМИ // Теория и практика общественного развития. 2022. № 3(169). С. 74–79.
6. Новицкая Л. Ю. Правосубъектность «цифрового аватара» // Ленинградский юридический журнал. 2021. № 3(65). С. 128–136.
7. Об утверждении Концепции цифровой и функциональной трансформации социальной сферы, относящейся к сфере деятельности Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 20 февраля 2021 г. № 431-П // Консультант Плюс: законодательство РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135/?ysclid=m1yjk8wg1e783572605 (дата обращения: 09.01.2025).
8. Об утверждении Стратегии развития электронной промышленности России на период до 2025 года: Приказ Минпромэнерго РФ от 7 августа 2007 г. № 311 // Консультант Плюс: законодательство РФ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99457/59b187b0e4fc27f7e5681e610ede10906c35e3cb/?ysclid=m1yjk441ex749813798 (дата обращения: 09.01.2025).
9. Овчинников А. И. Безопасность личности и государства в цифровую эпоху: политико-правовой аспект // Журнал российского права. 2020. № 6. С. 5–21.
10. Овчинников А. И., Ширинских П. И. Метавселенные и право: вызовы новых технологий в условиях дальнейшего развития интернета // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2023. Т. 10, № 2. С. 27–34.

11. Положихина М. А. Влияние цифровизации на безопасность: От индивидуума до социума // Социальные новации и социальные науки. 2020. № 1(1). С. 9–27.

12. Шаев Ю. М. Информационная избыточность и цифровой детокс в контексте онтологии коммуникации // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 23–28.

13. Ширинских П. И., Овчинников А. И. Традиционные духовно-нравственные ценности в условиях виртуальной реальности // Искусственный интеллект, традиционные духовно-нравственные ценности и права человека в эпоху цифровизации: сборник научных статей. М.: ООО «Издательский Центр РИОР», 2024. С. 311–318.

14. Эксперты спрогнозировали рост числа интернет-пользователей на четверть к 2028 году // Российское интернет-издание Газета.Ru. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/08/21/21116324.shtml> (дата обращения: 09.01.2025).

15. Cheong B. C. Avatars in the metaverse: potential legal issues and remedies // International Cybersecurity Law Review. URL: <https://link.springer.com/article/10.1365/s43439-022-00056-9> (дата обращения: 09.01.2025).

16. Coxworth B. Eye-tracking window tech tells sightseers about what they're looking at // New Atlas. URL: <https://newatlas.com/electronics/ai-interactive-vehicle-display-eye-tracking-bus-window/> (дата обращения: 09.01.2025).

17. OpenAI makes ChatGPT's accessible without requiring sign ups // Reuters. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9f9cfc1d-670376db-20c17ea0-74722d776562/https/www.reuters.com/technology/openai-makes-chatgpts-accessible-without-requiring-sign-ups-2024-04-01 (дата обращения: 09.01.2025).

References

1. Varlamova N. V. Digital rights – a new generation of human rights. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2019. Vol. 14, No. 4. P. 9-46 [in Russ.].
2. Zheleznyak O. Mathematics, development of the world and “digital detoxification”. *The Baikal Project*. 2022. Vol. 19, No. 71. P. 92-99 [in Russ.].
3. Konovalova V. G. The flip side of the coin: social and ethical problems of the introduction of digital technologies. *Human resources and intellectual resources management in Russia*. 2019. Vol. 8, No. 1. P. 61-67 [in Russ.].
4. Mark Zuckerberg will adjust his glasses. What is known about the Orion novelty, and how it will work. *Kommersant newspaper*. Available at: <https://kommersant.ru/turbopages.org/turbo/kommersant.ru/s/doc/7195251> (date of access: 09.01.2025) [in Russ.].
5. Mineev A. N., Miloserdova E. E. Research and analysis of the print media market. *Theory and practice of social development*. 2022. No. 3(169). P. 74-79 [in Russ.].
6. Novitskaya L. Y. The legal personality of the “digital avatar”. *Leningrad Law Journal*. 2021. No. 3(65). P. 128-136 [in Russ.].
7. On approval of the Concept of digital and functional transformation of the social sphere related to the sphere of activity of the Ministry of Labor and Social Protection of

the Russian Federation for the period up to 2025: Decree of the Government of the Russian Federation dated February 20, 2021 No. 431-R. *Consultant Plus: legislation of the Russian Federation*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_378135/?ysclid=m1ygz8wg1e783572605 (date of access: 09.01.2025) [in Russ.].

8. On approval of the Strategy for the development of the electronic industry of Russia for the period up to 2025: Order of the Ministry of Industry and Energy of the Russian Federation dated August 7, 2007 No. 311. *Consultant Plus: legislation of the Russian Federation*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99457/59b187b0e4fc27f7e5681e610ede10906c35e3cb/?ysclid=m1yix441ex749813798 (date of access: 09.01.2025) [in Russ.].

9. *Ovchinnikov A. I.* Security of the individual and the state in the digital age: a political and legal aspect. *Journal of Russian Law*. 2020. No. 6. P. 5-21 [in Russ.].

10. *Ovchinnikov A. I., Shirinskikh P. I.* Metaverses and law: challenges of new technologies in the context of further development of the Internet. *Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University*. 2023. Vol. 10, No. 2. P. 27-34 [in Russ.].

11. *Polosikhina M. A.* The impact of digitalization on security: From the individual to society. *Social innovations and social sciences*. 2020. No. 1(1). P. 9-27 [in Russ.].

12. *Shaev Yu. M.* Information redundancy and digital detox in the context of the ontology of communication. *Humanitarian vector*. 2018. Vol. 13, No. 2. P. 23-28 [in Russ.].

13. *Shirinskikh P. I., Ovchinnikov A. I.* Traditional spiritual and moral values in virtual reality. *Artificial intelligence, traditional spiritual and moral values and human rights in the era of digitalization: a collection of scientific articles*. Moscow: RIOR Publishing Center LLC, 2024. P. 311-318 [in Russ.].

14. Experts predicted an increase in the number of Internet users by a quarter by 2028. *The Russian online edition of the Gazeta.Ru*. Available at: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/08/21/21116324.shtml> (date of access: 09.01.2025) [in Russ.].

15. *Chong B. S.* Avatars in the metaverse: Potential legal problems and remedies. *International Cybersecurity Law Review*. Available at: <https://link.springer.com/article/10.1365/s43439-022-00056-9> (date of access: 09.01.2025).

16. *Coxworth B.* Eye-tracking window technology tells tourists about what they are looking at. *New Atlas*. Available at: <https://newatlas.com/electronics/ai-interactive-vehicle-display-eye-tracking-bus-window> (date of access: 09.01.2025).

17. OpenAI makes the chat available without the need for registration. *Reuters*. Available at: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.9f9cfc1d-670376db-20c17ea0-74722d776562/https://www.reuters.com/technology/openai-makes-chatgpts-accessible-without-requiring-sign-ups-2024-04-01 (date of access: 09.01.2025).

Поступила в редакцию 10.12.2024
Received December 10, 2024

Джагарян Наталья Владимировна,
доктор юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционализма,
юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: ndjagaryan@yandex.ru

Dzhagaryan, Natalya V.,
Doctor of Law, Associate Professor,
Associate Professor
at the Department
of Constitutionalism,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
email: nvdzhagaryan@sfedu.ru

Поломошнова Карина Олеговна,
специалист по учебно-методической работе,
юридический факультет,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего
образования «Южный федеральный
университет», 344002, г. Ростов-на-Дону,
ул. М. Горького, д. 88,
email: karina.veretnikova@yandex.ru

Polomoshnova, Karina O.,
Specialist in Educational
and Methodical work,
Law Faculty,
Southern Federal University,
88 M. Gorky Str., Rostov-on-Don,
344002, Russian Federation,
e-mail: karina.veretnikova@yandex.ru

МУНИЦИПАЛЬНЫЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ, СУДЕБНЫЕ ГАРАНТИИ*

MUNICIPAL CONSTITUTIONALISM: LEGISLATION, LAW ENFORCEMENT, JUDICIAL GUARANTEES*

АННОТАЦИЯ. В статье представлен обзор мероприятий, которые состоялись 6–7 декабря 2024 года на базе Научно-образовательного центра судебного конституционализма Южного федерального университета в рамках V Донского Форума конституционализма, посвященного проблемам муниципального конституционализма. Участниками Форума была рассмотрена многообразная тематика, что нашло свое отражение в представленных докладах известных ученых, представителей правотворческой и правоприменительной практики, а также магистрантов и студентов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Конституция, законодательство, правоприменение, охрана прав и свобод человека и гражданина, муниципальный конституционализм, конституционное правосудие, судебная власть, судебные гарантии, юридическая ответственность

** Обзор V Донского Форума конституционализма, состоявшегося 6–7 декабря 2024 года на базе Научно-образовательного центра судебного конституционализма Южного федерального университета.*

ABSTRACT. The article provides an overview of the events that took place on December 6-7, 2024 on the basis of the Scientific and Educational Center for Judicial Constitutionalism of the Southern Federal University within the framework of the V Don Constitutional Forum dedicated to the problems of municipal constitutionalism. The participants of the Forum considered a variety of topics, which was reflected in the reports presented by well-known scientists, representatives of law-making and law enforcement practice, as well as undergraduates and students.

KEYWORDS: The Constitution, legislation, law enforcement, protection of human and civil rights and freedoms, municipal constitutionalism, constitutional justice, judicial power, judicial guarantees, legal responsibility

** An overview of the V Don Constitutional Forum, held on December 6-7, 2024 at the Scientific and Educational Center for Judicial Constitutionalism of the Southern Federal University.*

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ:

Джагарян, Н. В. Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии / Н. В. Джагарян, К. О. Поломошнова. – Текст : непосредственный // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2025. – Т. 12, № 1. – С. 121–130. – DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-18

FOR CITATION:

Dzhagaryan, N. V., Polomoshnova, K. O. (2025) Municipal Constitutionalism: Legislation, Law Enforcement, Judicial Guarantees. *Bulletin of the Law Faculty, SFEDU*. 12(1): 121-130 [in Russ.]. DOI: 10.18522/2313-6138-2025-12-1-18

Проведение тематических Форумов по актуальным проблемам современного конституционализма – одна из важных традиций Научно-образовательного центра судебного конституционализма Южного федерального университета¹. Форумы стали значимым событием не только для научного сообщества, но и для практических работников, подтвердив одну из основных целей создания в ЮФУ Научно-образовательного центра судебного конституционализма (экспертной площадки Форумов) – необходимость соединения юридической науки и образования с судебной и иной правоприменительной практикой.

В современных условиях глобальных, непредсказуемых социально-экономических, политических перемен, зачастую крайне нестабильного и не во всем совершенного законодательства практики-правоприменители

¹ См. об этом, в частности, опубликованные по итогам предыдущих Форумов сборники материалов: Экономический конституционализм в правотворческом и правоприменительном измерении: сборник материалов Форума экономического конституционализма / отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 11; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2021. 172 с.; Правоохранительный конституционализм: доктрина и практика: сборник материалов II Форума судебного конституционализма / отв. ред. проф. Н. С. Бондарь. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 12; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2022. 164 с.; Экологический конституционализм: научно-образовательная доктрина, правотворческая и правоприменительная практика: сборник материалов III Донского форума судебного конституционализма / отв. ред. проф. Н.С. Бондарь. Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 13; Южный федеральный университет. Ростов-на-Дону; Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2023. 226 с.; Национальный конституционализм в эпоху глобальных вызовов: от политических иллюзий – к правовому реализму: коллективная монография / под науч. ред. проф. Н. С. Бондаря; Серия «Библиотека судебного конституционализма». Вып. 14. Ростов-на-Дону: НОЦ Судебного конституционализма ЮФУ, 2024. 319 с.

объективно нуждаются в постоянной профессионально-доктринальной «подпитке» со стороны юридической науки, равно как и сама юридическая наука нуждается в постоянном взаимодействии с практикой.

Центр судебного конституционализма как раз и ориентирован на решение в своей деятельности соответствующих задач на основе объединения усилий и обеспечения тесного взаимодействия теоретической и практической юриспруденции.

V **Донской Форум конституционализма на тему «Муниципальный конституционализм: законодательство, правоприменение, судебные гарантии»**, состоявшийся 6–7 декабря 2024 года при партнерской поддержке Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области», – не стал исключением.

Его актуальность и важность определяют в первую очередь проблематикой, рассматриваемой в рамках Форума. Так, в настоящее время особую актуальность приобретают вопросы, связанные с муниципальным конституционализмом, с реформой местного самоуправления, активным обсуждением проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Обсуждая перспективы местного самоуправления в России, всегда нужно помнить, что местное самоуправление – базовый уровень демократии и одновременно серьезная альтернатива переживающим бюрократический кризис государственным институтам народовластия. В современных непростых исторических условиях во многом от качества местного самоуправления как наиболее близкого к населению института выражения его интересов зависит развитие нашей страны как сильного государства, способного эффективно обеспечивать достойную жизнь, права и свободы граждан.

В рамках первого дня V Донского Форума конституционализма (06 декабря 2024 г.) модератором мероприятия стал руководитель Научно-образовательного центра судебного конституционализма ЮФУ, заведующий кафедрой конституционализма ЮФУ, заведующий Центром судебного права ИЖиСП при Правительстве РФ, судья Конституционного Суда РФ в почетной отставке, Заслуженный юрист РФ, Заслуженный деятель науки РФ, д.ю.н., профессор **Н. С. Бондарь**.

В своем приветственном слове он отметил, что проводимый Форум – важное событие в научной жизни Донского края. Он собрал для научной дискуссии не только видных ученых Юга России, Москвы, Санкт-Петербурга, др. городов России, но и практиков-правоприменителей, профессиональная деятельность которых связана с реализацией полномочий органов государственной власти и местного самоуправления, и, что особенно важно, представителей судебных органов – Конституционного Суда РФ, судов общей и арбитражной юрисдикций различных уровней, а также органов прокуратуры.

С приветственными словами к участникам Форума обратились как руководители Южного федерального университета, так и гости – участники Форума, представляющие разные ветви государственной и муниципальной власти. В этой же первой части прозвучало и несколько докладов.

Так, заместитель Председателя Законодательного Собрания Ростовской области – председатель комитета по законодательству, государственному строительству и правопорядку **А. С. Косачев**, поприветствовав собравшихся от всего депутатского корпуса Донского парламента и лично от Председателя Законодательного Собрания Ростовской области А. В. Ищенко, отметил, что Донская юридическая школа была и остается одной из сильнейших в России, главным образом, благодаря юридическому факультету ЮФУ, который бережно хранит и приумножает традиции, заложенные предшествующими поколениями, и проводимое мероприятие – очередное подтверждение этому. V Донской Форум конституционализма стал настоящим событием для всего юридического сообщества, и во многом это результат личного участия руководителя НОЦ СК ЮФУ – Николая Семеновича Бондаря, энергии и энтузиазму ко-

торого можно только позавидовать. Заявленная тема Форума напрямую соотносится с теми вопросами, которым Законодательное Собрание Ростовской области уделяет особое внимание, а именно – тесному взаимодействию с муниципальными образованиями. Муниципалитеты должны иметь возможность как можно больше внимания уделять потребностям людей на местах, поэтому в последнее время Ростовская область активно занимается гармонизацией полномочий между местным уровнем власти и областным, находится в постоянном диалоге с муниципальными образованиями, прислушивается к ним и своевременно реагирует на их доводы, внося точечные изменения в действующее областное законодательство.

И.о. Председателя Арбитражного суда Ростовской области **М. А. Новожилова** в рамках своего приветствия участников Форума отметила, что органы местного самоуправления активно участвуют в арбитражном процессе. Исходя из проведенного анализа статистических данных по делам, рассмотренным с участием органов местного самоуправления, основной формой участия органов местного самоуправления в арбитражном процессе является участие в качестве стороны в споре (истец, ответчик, заявитель, заинтересованное лицо, кредитор). За период с 2020 по 2024 год Арбитражным судом Ростовской области рассмотрено 15 488 дел, в которых участвовали органы местного самоуправления, что составило порядка 10 % от общего количества дел, разрешенных судом за данный период.

И.о. Председателя Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда **Н. В. Шимбарева**, обращаясь к участникам мероприятия, привлекла внимание к тому, что выбранная тема Форума является актуальной для Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда, поскольку муниципальные органы являются активными участниками процесса. По статистике доля споров с участием органов местного самоуправления в общем количестве рассмотренных Пятнадцатым арбитражным апелляционным судом дел за 2022–2023 годы и 11 месяцев 2024 года составила 21 %. Н. В. Шимбарева отметила, что проведение данного Форума, безусловно, значимо для будущих юристов, поскольку способствует овладению ими не только теоретическими знаниями о местном

самоуправлении, но и практическими навыками реализации муниципально-правовых норм, в том числе через призму судебной практики.

Президент ЮФУ, д.э.н., профессор **М. А. Боровская** в рамках своего приветствия участников Форума подчеркнула, что пространственное развитие России является важнейшим инструментом для эффективного управления и сбалансированного социально-экономического развития страны. Четкое и глубокое понимание текущих процессов в муниципальном управлении должны иметь не только представители законодательной власти, но и университетские преподаватели, студенты, молодежь. Именно им нужно осознать свою роль в формировании истории и правовой системы страны. Непосредственная близость законодателей к образовательной среде создает уникальные возможности для повышения качества образования и подготовки будущих специалистов. Такие мероприятия способствуют развитию профессиональной деятельности в России и укрепляют основы демократического управления на местах.

От имени Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области», являющейся партнером Форума, принял участие исполнительный директор Ассоциации «Совет муниципальных образований Ростовской области», д.полит.н., проф. **В. П. Ляхов**. Поприветствовав всех гостей и участников Форума, поблагодарив за сотрудничество, В. П. Ляхов выступил с докладом на тему «**Развитие межмуниципального сотрудничества как фактор повышения эффективности осуществления местного самоуправления (на примере Ростовской области)**», в котором привлек внимание участников форума к тому, что в Ростовской области первым межмуниципальным объединением стала созданная 27 мая 1998 года Ассоциация муниципальных образований Ростовской области, в которую вошло на тот момент 55 муниципалитетов (12 городов и 43 района). Основными задачами Ассоциации стала координация деятельности муниципалитетов по эффективному осуществлению интересов местного самоуправления, их отстаиванию во взаимоотношениях с органами государственной власти, улучшению качества муниципального управления, в том числе путем выявления и обмена лучшими практиками

работы. Сложившаяся система межмуниципального сотрудничества и взаимодействия является реальным фактором, активно влияющим на развитие местного самоуправления, повышающим эффективность его деятельности.

В завершение блока приветственных слов выступил декан юридического факультета ЮФУ, к.ю.н., доцент **И. П. Зиновьев**, который отметил, что проведение научного мероприятия такого уровня именно в стенах Южного федерального университета является знаменательным событием, поскольку именно на юридическом факультете ЮФУ сложилась имеющая полувековую историю своего развития школа конституционного и муниципального права, получившая общероссийское и зарубежное признание. Важный вклад в ее дальнейшее развитие вносит НОЦ судебного конституционализма ЮФУ.

Введением к пленарному заседанию стало выступление руководителя НОЦ СК ЮФУ, д.ю.н., профессора **Н. С. Бондаря** на тему «**Муниципальный конституционализм: доктрина, законодательная и правоприменительная практика (сквозь призму традиций и новаций)**». Муниципальный конституционализм может быть представлен, в обобщенном плане, как сложносистемная категория, отражающая доктрину, законодательную и правоприменительную практику, культурологические, мировоззренческие начала муниципального уровня правовой жизни населения муниципальных образований.

В качестве доктринального обоснования муниципального конституционализма это реализуется в виде особой философско-правовой теории, системы политико-правовых идей и концепций, которые предстают одновременно и как учение о конституции, конституционных основах организации местной власти, и как определенная система нравственно-этических представлений о справедливости и равенстве, свободе и ответственности, добре и зле и, соответственно, о положении личности на поселенческом и иных уровнях реализации местного самоуправления. Это является своего рода гносеологической составляющей муниципального конституционализма.

Одновременно муниципальный конституционализм как правовая категория воплощает

в себе иерархическую нормативно-правовую систему конституционного позитивизма, в основе которой – Конституция РФ и федеральное муниципальное законодательство, далее – конституции (уставы) субъектов РФ вместе с региональным законодательством о местном самоуправлении и, наконец, уставы муниципальных образований как, своего рода, муниципальные конституции, а также нормативно-правовые акты соответствующих муниципальных образований.

Это также онтологический муниципальный конституционализм, который предстает как правоприменительная практика, рассматриваемая в широком смысле общественно-политического и публично-правового значения, включая, естественно, и собственно конституционную – законодательную, административную, судебную на уровне реализации и гарантирования муниципальной демократии, прав местного самоуправления.

Наконец, муниципальный конституционализм как философско-правовая и нравственно-этическая категория воплощает в себе характеристики одной из форм общественного сознания, которая отражает муниципальную правовую культуру в единстве конституционной психологии и конституционной идеологии, выступает важной предпосылкой формирования конституционного мировоззрения на муниципальном уровне его реализации.

Этим, естественно, не ограничиваются системные характеристики муниципального конституционализма. При наличии различных подходов к анализу данной категории особое значение имеет институциональный подход, который может быть представлен, как отмечалось, в виде сложной, триединой системы институтов муниципального конституционализма.

Во-первых, в субъективно-личностном аспекте муниципальный конституционализм проявляется как система институтов правового положения личности.

Во-вторых, местное самоуправление выступает как выражение муниципальных институтов гражданского общества, что является следующей принципиально важной институциональной и одновременно – конституционной характеристикой местного самоуправления.

В-третьих, конституционная природа местного самоуправления и муниципального конституционализма раскрывается посредством характеристики местного самоуправления как института публичной власти.

Создание и развитие нормативно-правовой модели организации и функционирования местного самоуправления должны определяться тремя компонентами: население (местное сообщество) – поселение (территория) – публичная (муниципальная) власть, что обеспечивает взаимодействие и взаимосвязь человеческого, материального и функционального компонентов, где конечной целью должно быть благополучие каждого жителя конкретного муниципального образования.

Все это необходимо в полной мере учитывать в доктрине и практике развития муниципального конституционализма, равно как и при выработке самого понятия муниципального конституционализма, которое можно представить как основанную на самоорганизации систему экономических, социальных, политических отношений, функционирующих на местном уровне в правовом режиме гарантирования конституционных ценностей на основе баланса государственной, муниципальной власти и свободы, публичных и частных интересов и имеющих своей целью самостоятельное решение проживающим на соответствующей территории населением вопросов местного значения, создание условий, обеспечивающих достойную жизнь человека, защиту его прав и свобод.

Участниками пленарного заседания V Донского Форума конституционализма стали: Председатель комитета Законодательного Собрания Ростовской области по местному самоуправлению, административно-территориальному устройству и межпарламентскому сотрудничеству **В. В. Влазнев**; Заместитель министра региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области **Д. С. Сивак**; ведущий советник Управления конституционных основ публичного права Секретариата Конституционного Суда РФ, к.ю.н. **В. Г. Гюлумян**; И.о. Председателя Арбитражного суда Ростовской области **М. А. Новожилова**; судья Ростовского областного суда, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Южно-Российского ин-

ститута управления – филиала РАНХиГС, д.ю.н. **О. Г. Ломидзе**; доцент кафедры конституционного и муниципального права МГУ им. М. В. Ломоносова, д.ю.н. **О. И. Баженова**; профессор кафедры конституционного права СПбГУ, д.ю.н., проф. **Е. С. Шугрина** и др.

Так, выступление **В. В. Влазнева** было посвящено **правовому регулированию вопросов местного самоуправления в Ростовской области**. Местное самоуправление является одной из важнейших основ конституционного строя РФ. От эффективности работы органов местного самоуправления во многом зависит решение насущных проблем граждан, качество их жизни и общий уровень доверия населения к власти. Насколько эффективно будет функционировать система местного самоуправления, во многом определяется уровнем развития его правовой базы. Законодательным Собранием Ростовской области и, в частности, комитетом по местному самоуправлению ведется системный мониторинг действующего законодательства, регулирующего деятельность органов местного самоуправления с целью его совершенствования и приведения в соответствие с федеральным законодательством.

Тематикой выступления **Д. С. Сивака** стало **развитие местного самоуправления в Ростовской области**. Местное самоуправление – базовый публично-правовой уровень, на котором формируется и реализуется социально-политическое достоинство личности, воспитываются чувства гражданственности и патриотизма, предприимчивости в сочетании с социальной ответственностью и приверженностью общему благу. Во многом именно с развитием муниципальных институтов народовластия связаны перспективы повышения качества публично-управления, осуществляемого посредством самого населения. С повышением правовой культуры и гражданской активности жителей Ростовской области, созданием условий и механизмов для конструктивного взаимодействия институтов гражданского общества и органов публичной власти по вопросам развития регионального законодательства, совершенствования правоприменительной практики во многом связано успешное конституционное развитие Донского края.

В своем выступлении на тему **«Актуальные вопросы муниципального конституциона-**

лизма в современной практике конституционного правосудия» **В. Г. Гюлумян** отметил, что муниципально-правовая проблематика за прошедшую пятилетку оставалась в центре внимания Конституционного Суда РФ. При этом в указанный период перечень поставленных вопросов заметно отличался в зависимости от субъекта обращения. Так, жалобы граждан преимущественно были связаны с вопросами муниципально-территориального устройства в контексте укрупнения муниципальных образований, формирования органов местного самоуправления (реализация пассивного избирательного права, избрание главы муниципального образования, досрочное прекращение полномочий и т. п.), правовой природы муниципальных правовых актов, правопреемства органов местного самоуправления и регулирования прав граждан муниципальными правовыми актами (запрет на размещение нестационарных торговых объектов на придомовой территории, возможность установления более высоких гарантий прав граждан в муниципальных правовых актах и т. д.).

В обращениях же органов местного самоуправления заметно их стремление освободиться от бремени финансовых обязательств и осуществления финансово затратных полномочий (обеспечение доступной среды для инвалидов, строительства дорог местного значения, объектов водоотведения, устранение несанкционированных свалок и др.), а также стремление избежать ответственности за неисполнение возложенных на них обязанностей, утяжеляющих финансовое бремя муниципальных образований. В пределах коридора возможностей конституционного контроля Конституционному Суду РФ удалось в ряде знаковых решений защитить самостоятельность органов местного самоуправления в системе публичной власти, а также обеспечить права граждан, нарушаемых складывающейся правоприменительной практикой по указанным направлениям.

Тема выступления **М. А. Новожиловой** – **«Органы местного самоуправления в арбитражном процессе: вопросы теории, правовые позиции Конституционного Суда РФ и судебная практика»**. Участие органов публичной власти в арбитражном процессе имеет обширную историю. При рассмотрении дел в государственном арбитраже процессуальное

участие органов государственного управления реализовывалось посредством обращения с заявлением в защиту прав и охраняемых законом интересов других лиц и вступления в уже начатый процесс для дачи заключения по делу. С созданием в РФ системы арбитражных судов и принятием Арбитражного процессуального кодекса РФ правовые конструкции участия органов местного самоуправления в арбитражном процессе претерпели изменения. Нормативное регулирование участия органов местного самоуправления в арбитражном процессе остается недостаточным, что вызывает определенные затруднения у правоприменителя. Постановления Конституционного Суда РФ, вынесенные по результатам рассмотрения дел с участием муниципальных органов, существенным образом влияют на формирование практики арбитражных судов.

О. Г. Ломидзе в рамках своего доклада на тему «**Некоторые вопросы оспаривания нормативных актов органов местного самоуправления**» затронула вопросы, возникающие в процессе судебного контроля за законностью нормативных актов органов местного самоуправления (должностных лиц). Определение характера оспариваемого акта как нормативного либо ненормативного влияет не только на порядок рассмотрения спора, но и на определение компетентного суда. Она обратила внимание на сложности квалификации некоторых актов как нормативных и оценки соответствия (несоответствия) оспариваемого акта нормативному акту, имеющему большую юридическую силу.

В своем выступлении **О. И. Баженова** обозначила **проблему судебной защиты прав местного самоуправления по административным искам прокуроров**. В рамках общего надзора за соблюдением Конституции РФ, исполнением законов, а также соблюдением прав и свобод человека органы прокуратуры уделяют пристальное внимание деятельности органов и должностных лиц местного самоуправления. Ежегодно порядка 300 тысяч различных видов обращений прокуратуры затрагивает органы власти муниципального уровня. Осуществляемый ими в различных формах надзор тем или иным образом охватывает всю деятельность по организации и осуществлению местного самоуправления. Вопрос о качестве и эффективно-

сти такого надзора приобрел для муниципальных образований критически важное значение. Один из наиболее сложных и одновременно злободневных вопросов – реализация прокурорами полномочия по обращению в суд с административными исками к органам и должностным лицам местного самоуправления. В связи с этим возникает ряд проблем. Первая из них касается права прокурора на обращение в суд по отдельным категориям дел. Вторая, не менее острая проблема в правоприменительной практике – отсутствие требования к обязательному использованию досудебных процедур разрешения конфликтных ситуаций. Третья проблема – качество доказательственной базы, неготовность учитывать всю совокупность обстоятельств, влияющих на правильное разрешение дел. Наконец, четвертая проблема, с которой приходится сталкиваться при реализации прокурорами полномочий по обращению в суд с административными исками к органам и должностным лицам местного самоуправления, – это проблема исполнимости требований прокуроров. Обозначив отдельные проблемы, возникающие в муниципальной практике в связи с реализацией прокурорами полномочия по обращению в суд с административными исками к органам и должностным лицам муниципальных образований, **О. И. Баженова** призвала задуматься над эффективностью современного общего прокурорского надзора в отношении местного самоуправления, а также высказала ряд предложений по преодолению существующих проблем.

Е. С. Шутрина выступила с докладом на тему «**Особенности судебной защиты интересов местного самоуправления в условиях отсутствия достаточного финансирования на осуществление полномочий и исполнение судебных решений**», в котором были рассмотрены результаты мониторинга судебной практики по отдельным вопросам судебной защиты интересов местного самоуправления в условиях отсутствия недостаточного финансирования. На конкретных примерах показаны некоторые особенности исполнения судебных решений; особенности осуществления отдельных государственных полномочий; особенности решения вопросов местного значения. Более подробно были исследованы дела, связанные с осуществлением полномочий по обеспечению

жильем детей-сирот, реализации полномочий в сфере обращения с безнадзорными животными, а также прекращения производства по делам об административных правонарушениях по части 4 статьи 24.5 КоАП РФ. Приведенный Е. С. Шугриной экспресс-анализ судебной практики показал, что вопросы судебной защиты местного самоуправления являются очень сложными, а зачастую и болезненными, требующими не только юридического, но и политического решения. В ряде случаев приходится де-факто пересматривать понимание «законности», «целесообразности», «судебной защиты».

Продолжением V Донского Форума конституционализма стала студенческая научная площадка (07 декабря 2024 года) на тему **«Муниципальное право как учебно-образовательная, нормативно-правовая, правоприменительная форма реализации местного самоуправления»**. В проводимом мероприятии приняли участие порядка 40 студентов из разных городов и вузов России: г. Ростова-на-Дону (ЮФУ, РГЭУ (РИНХ), Ростовский филиал РГУП), г. Луганска (Юридический институт ЛГУ им. В. Даля), г. Симферополя (Крымский филиал РГУП), г. Ставрополя (Юридический институт СКФУ) и др. Модераторами площадки стали: **Т. П. Георгиева**, заместитель Председателя Ростовской-на-Дону городской Думы, доцент кафедры конституционализма ЮФУ, к.ю.н., доц.; **Н. В. Джагарян**, доцент кафедры конституционализма ЮФУ, д.ю.н., доц.

Особенно запоминающимися были выступления ряда студентов и магистрантов. Так, магистрант ЮФУ, помощник судьи Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда **М. М. Гаилова** выступила с докладом на тему **«Краудфандинг в системе муниципальных правоотношений: к вопросу о возможности преодоления существующих противоречий»** (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционализма Т. П. Георгиева), в котором она обратила внимание на неоднозначность правовой природы понятия «краудфандинг» в муниципальных правоотношениях, проанализировала перспективы и риски внедрения инструмента краудфандинга. Предметом обсуждения также была актуальная судебная практика рассмотрения «краудфандинговых споров».

А. М. Сошников, студент юридического факультета ЮФУ, представил доклад на тему

«Муниципальная собственность как достоинство населения муниципального образования» (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционализма Т. П. Георгиева), посвященный конституционно-правовому анализу муниципальной собственности как самостоятельной формы собственности на современном этапе развития России. А. М. Сошников отметил, что юридические характеристики муниципальной собственности сформировались под влиянием исторических процессов становления национального института местного самоуправления и являются производными от его текущего конституционно-правового статуса. В соответствии с этим он определил содержание, пределы и соотношение полномочий по воздействию на муниципальную собственность местных сообществ, органов местного самоуправления и органов государственной власти.

А. А. Ершенко, студент юридического факультета ЮФУ, выступил с докладом на тему **«Организационные основы контроля и надзора за органами местного самоуправления: основные проблемы»** (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционализма Е. В. Микулина). Формирование местного самоуправления как уровня публичной власти вызвало многочисленные изменения во многих сферах общественной жизни. В связи с этим возникла необходимость в контрольно-надзорной деятельности за органами местного самоуправления, включая прокурорский надзор. Однако эта деятельность сталкивается с рядом проблем, таких как финансовая необеспеченность некоторых невыполненных полномочий, нехватка квалифицированных кадров и сжатые сроки для реагирования и устранения правонарушений, а также формальность прокурорского реагирования. Несмотря на это, контрольно-надзорная деятельность играет важную роль в обеспечении законности и прозрачности работы органов местного самоуправления, хотя и требует улучшений для повышения эффективности.

В. Б. Буйлук, магистрант ЮФУ, в рамках своего доклада **«Уличное искусство как новый элемент благоустройства территории в муниципальном праве»** (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционализма Е. В. Микулина) подняла вопрос правовой регламентации уличного искусства, изображений на стенах жилых

зданий, нежилых, иных строений, сооружений и построек, а также проанализировала возможность и целесообразность закрепления уличного искусства в правилах благоустройства муниципальных образований. Автором было сформулировано предложение по принятию единых методических рекомендаций, требований по созданию, согласованию и размещению объектов уличного искусства, а также приведено свое определение понятия «уличное искусство».

Д. Р. Курбанова, студентка юридического факультета ЮФУ, в рамках своего доклада «**Функционально-правовые ориентиры местного самоуправления: теоретический аспект**» (науч. рук. д.ю.н., доц. кафедры конституционализма Н. В. Джагарян) отметила, что компетенционная определенность местного самоуправления – один из важных факторов его развития и одновременно условие эффективного функционирования всей системы публичной власти. Сложившаяся модель разграничения полномочий носит, однако, противоречивый характер, не в полной мере учитывает специфику местного самоуправления, что объясняется как проблемами идентификации местного самоуправления в системе российской государственности, так и наличием неопределенности, рассогласованности в понимании собственно компетенции местного самоуправления, ее основных характеристик. В этой связи были определены ориентиры совершенствования правового регулирования муниципальной компетенции.

У. В. Шевчук и **А. А. Жидкова**, студентки юридического факультета ЮФУ, выступили с докладом на тему «**Местное самоуправление как конституционная ценность российского конституционализма**» (науч. рук. д.ю.н., доц. кафедры конституционализма Н. В. Джагарян). В выступлении авторы провели сравнительно-правовой анализ отдельных положений федеральных законов о местном самоуправлении, которые регламентировали вопросы осуществления местного самоуправления в РФ как одной из основополагающих конституционных ценностей современных демократических государств. Авторы сделали вывод о том, что названная конституционная ценность за прошедший исторический период развития российской государственности существенным

образом видоизменилась как по форме, так и по содержанию, что и предопределило наличие кризиса современного состояния местного самоуправления в РФ.

А. А. Еремина, студентка юридического факультета РГЭУ (РИНХ), представила доклад на тему «**Участие населения в местном самоуправлении как конституционная ценность**» (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционного и муниципального права Ю. В. Капранова), в рамках которого рассмотрела проблемы осуществления местного самоуправления и участия населения в его осуществлении с позиции теории конституционных ценностей. А. А. Ереминой были затронуты различные формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, был сделан вывод о необходимости повышения роли участия граждан в народовластии на муниципальном уровне.

Е. Е. Лобарев, студент юридического института СКФУ, в своем выступлении на тему «**Проблемы правового закрепления полномочий органов местного самоуправления в области пожарной безопасности в РФ**» (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры конституционного и международного права Д. С. Белявский) указал на отсутствие или недостаточность координации между различными уровнями власти в сфере пожарной безопасности, раскрыл теоретические и правоприменительные проблемы в данной сфере, выдвинул некоторые предложения по их решению. В частности, предложил меры по оптимизации существующих нормативно-правовых актов в сфере пожарной безопасности, как законодательного, так и подзаконного характера.

А. О. Миронов, студент юридического института СКФУ, выступил с докладом на тему «**К вопросу о правовом регулировании деятельности органов местного самоуправления в сфере гражданской обороны в РФ**» (науч. рук. к.ю.н., доц. кафедры административного и финансового права М. С. Трофимов). В своем выступлении рассмотрел проблемы, связанные с регулированием деятельности органов местного самоуправления в области гражданской обороны, а также защиты населения от чрезвычайных ситуаций (как природного, так и техногенного характера). Основным акцентом был сделан на анализе нормативно-правового регулирования данной сферы, представленной

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и ФЗ «О гражданской обороне». Основной вывод автора связан с признанием неэффективными существующей нормативной базы и организационной структуры органов местного самоуправления в контексте гражданской обороны и подготовки населения к действиям во время чрезвычайных ситуаций.

Итогом работы V Донского Форума конституционализма была лекция-беседа проф. Н. С. Бондаря со студентами на тему **«От Конституции 1993 г. и современного российского конституционализма – к конституционному патриотизму: дорогу осилит идущий»**.

На площадке Форума была организована выставка научных изданий ученых ЮФУ по

проблемам муниципального конституционализма, также были представлены публикации по итогам ранее состоявшихся Донских Форумов конституционализма.

В режиме видеоконференцсвязи в работе Форума приняли участие представители более двадцати местных администраций и представительных органов отдельных городских округов и муниципальных районов Ростовской области.

Нет сомнений, что муниципальный конституционализм, которому был посвящен V Донской Форум конституционализма, представляет собой новое и крайне актуальное явление современной юридической науки, а также важное направление правоприменительной практики.

Поступила в редакцию 31.01.2025

Received January 31, 2025

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для юридической науки и правоприменительной практики.

Решение о публикации материала принимает редакция в течение месяца с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакции или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии (слепое рецензирование). В течение месяца после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакции журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

За достоверность и точность данных, приведенных в материалах, ответственность несут авторы.

Порядок направления статей в научно-практический журнал «Вестник юридического факультета Южного федерального университета»

Статьи предоставляются в электронном виде на сайте <http://urvestnikpravo.sfedu.ru/> через окно «Отправить материал».

1. НАЧАЛО. После процедуры регистрации или входа в систему необходимо выбрать язык, раздел, а также Вы должны прочесть и подтвердить требования к отправляемому материалу. Дополнительная информация указывается в комментариях для редактора.

2. ЗАГРУЗКА МАТЕРИАЛА. Вторым шагом необходимо загрузить материал, состоящий из следующих обязательных отдельных компонентов:

УДК

Метаданные. Метаданными статьи принято считать следующую информацию, представленную на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод):

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Сведения об авторах (соавторах): фамилия, имя и отчество полностью; ученая степень или научное звание (если имеются); место работы и должность, должность; место работы или учебы (с полным указанием наименования учреждения или вуза и его адреса); email.

Текст статьи

3. ВВОД МЕТАДААННЫХ осуществляется на **русском и английском языках** (необходимо выполнить профессиональный перевод)

- Название статьи
- Аннотация статьи
- Ключевые слова
- Список авторов
- Литература / References

4. ПОДТВЕРЖДЕНИЕ

5. ОТПРАВКА

Напоминаем требования к оформлению статей, представляемых для опубликования:

1. Формат текста:

Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word

Шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14

Межстрочный интервал – 1,5

Абзацный отступ – 1,25 см

Поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см

2. Аннотация – 1000–1500 знаков / 150–200 слов, ключевые слова – не менее 5.

3. Объем публикуемого материала составляет 9–15 печатных страниц для статей, для сообщений – 5–6 страниц. Оригинальность для статей, входящих в рубрику «Общетеоретические и исторические проблемы юридической науки и практики» должна составлять не менее 70 %, для статей, входящих в другие рубрики, – не менее 60 %.

4. Нумерация страниц сплошная, начиная с первой.

5. Ссылки оформляются в **квадратных скобках**, например [1, с. 44], то есть Источник № 1, страница № 44.

6. При оформлении **литературы** используйте Национальный стандарт РФ ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Принцип подачи литературы в списке **АЛФАВИТНЫЙ**.

В список не включаются источники, не цитируемые в работе.

Оформление списка литературы согласно требованиям – **обязательно!**

7. Иллюстративный материал должен быть представлен в форматах *jpg, *tiff с разрешением не менее 300 dpi в палитре Grayscale.

В тексте обязательно должны присутствовать **ссылки на рисунки и таблицы**.

Иллюстративный материал должен быть **пронумерован**.

Рекомендуется придерживаться следующей логической структуры при написании статей:

- Вводная часть, в которой отражена постановка задачи (вопрос, на который дается ответ в статье), раскрывается предмет исследования, гипотеза, методология исследования.
- Основная часть, в которой могут быть разделы и подразделы, имеющие наименования. Желательны в основной части: обзор научной литературы с целью введения в проблему; исследовательская часть с системой доказательств и научной аргументацией.
- Заключительная часть, в которой отражены результаты исследования, основные выводы.

Редактор А. В. Стахеева
Оригинал-макет А. В. Стахеева
Дизайн обложки А. В. Киреев

Подписано в печать 28.03.2025. Выход в свет 28.03.2025
Бумага офсетная. Формат 60 × 84 ¹/₈. Усл. печ. л. 15,58. Уч.-изд. л. 12,63
Заказ № 9926. Тираж 300 экз.

Распространяется бесплатно

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66

